

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

Т. Л. Матиенко

ИСТОРИЯ СЫСКА РОССИИ

Учебное пособие

Москва
2018

ББК63; 67.401

МЗЗ

Матиенко, Т. Л.

История сыска России : учебное пособие. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. – 179 с. ISBN 978-5-9694-0618-6

Учебное пособие охватывает период становления российского сыска с древнейших времен до момента зарождения оперативно-разыскной деятельности как функции органов общей полиции. Раскрываются этимология и историко-правовая эволюция термина «сыск», природа и сущность сыска как государственно-правового феномена и особого вида правоохранительной деятельности, особенности его организации, методов и правовых основ в конкретно-исторических условиях развития российской государственности. При подготовке пособия использован широкий круг документальных источников и новейшей историко-правовой и исторической литературы, научные результаты и выводы, полученные лично автором в ходе многолетней разработки проблем истории российского сыска.

Предназначено для курсантов и слушателей Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, студентов, аспирантов, преподавателей высших образовательных учреждений, а также читателей, интересующихся проблемами обеспечения безопасности и противодействия преступности.

ББК63; 67.401

Рецензенты: профессор кафедры теории и истории государства и права Новосибирского военного института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации доктор исторических наук, профессор **В. И. Исаев**; профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя доктор юридических наук, профессор **О. В. Мичурина**.

ISBN 978-5-9694-0618-6

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2018

© Матиенко Т. Л., 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Тема 1. ПРЕДМЕТ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ СЫСКА РОССИИ	9
1.1. <i>Историография российского сыска</i>	9
1.2. <i>Понятие «сыск»: этимология и эволюция в языке права и закона</i>	15
1.3. <i>Предмет и периодизация истории сыска России</i>	28
Тема 2. ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СЫСКА РОССИИ В VI–XII вв.	32
2.1. <i>Возникновение и особенности организации сыска в восточнославянском обществе в VI–VIII вв.</i>	32
2.2. <i>Сыск в досудебном производстве Древнерусского государства: «свод» и «гонение следа»</i>	35
2.3. <i>Сыск как функция органов Древнерусского государства IX–XII вв.</i>	42
Тема 3. РОССИЙСКИЙ СЫСК В XIII–XIV вв.: ЭВОЛЮЦИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ФОРМЫ СЫСКА	51
3.1. <i>Предпосылки возрастания роли публично-правовой формы сыска</i>	51
3.2. <i>Организация сыска в русских феодальных республиках – Новгородской и Псковской</i>	54
3.3. <i>Организация сыска в Московском государстве в XIV–XV вв.: становление сысчного судебного процесса</i>	58
Тема 4. РОССИЙСКИЙ СЫСК В XVI–XVII вв.: ОРГАНИЗАЦИЯ, СУБЪЕКТЫ И МЕТОДЫ	63
4.1. <i>Формы судопроизводства и сущность сыска в XVI–XVII вв.</i>	63
4.2. <i>Организация и субъекты сыска в XVI – первой половине XVII вв.</i>	67
4.3. <i>Эволюция субъектов сыска во второй половине XVII в.</i>	74
4.4. <i>Правовые средства и методы сыска в XVI–XVII вв.</i>	80
Тема 5. РОССИЙСКИЙ СЫСК В XVIII в.: СТАНОВЛЕНИЕ СЫСКА КАК ФУНКЦИИ ПОЛИЦИИ	88
5.1. <i>Реорганизация субъектов общеуголовного сыска в первой половине XVIII в.</i>	88
5.2. <i>Сыщики и милитаризация общеуголовного сыска в первой половине XVIII в.</i>	94
5.3. <i>Эволюция общеуголовного сыска в функцию общей полиции во второй половине XVIII в.</i>	99

Тема 6. РОССИЙСКИЙ СЫСК В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ПЕРЕДПОСЫЛКИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ И МЕСТО В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	104
<i>6.1. Предпосылки институционализации уголовного сыска как вида правоохранительной деятельности .....</i>	<i>104</i>
<i>6.2. Соотношение дознания и розыска в досудебном уголовном производстве .....</i>	<i>109</i>
<i>6.3. Проекты организационного обособления общеуголовного сыска в первой половине XIX в. ....</i>	<i>117</i>
Тема 7. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СЫСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.: ПЕРВЫЕ СЫСКНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ	123
<i>7.1. Первые сыскные отделения: причины создания, структура, задачи и принципы деятельности .....</i>	<i>123</i>
<i>7.2. Методы деятельности первых сыскных отделений .....</i>	<i>132</i>
Тема 8. СЫСКНАЯ ПОЛИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЗАРОЖДЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	140
<i>8.1. Реформа общеуголовного сыска в 1908 г.: причины, проекты и правовые основы .....</i>	<i>140</i>
<i>8.2. Сыскная полиция Российской империи: структура и принципы организации .....</i>	<i>149</i>
<i>8.3. Функции сыскной полиции: соотношение дознания и розыска .....</i>	<i>158</i>
<i>8.4. Методы сыскной полиции и зарождение оперативно-разыскной деятельности.....</i>	<i>165</i>
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	173

ВВЕДЕНИЕ

Стремительная модернизация общественных условий жизни в России в начале XXI века продиктовала необходимость разработки в государственно-правовой политике принципиально нового подхода к организации и деятельности органов правоохраны и правопорядка, основными задачами которых стали оказание помощи гражданам и всемерная защита их прав и свобод. Эта концепция в полной мере была выражена в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, вступившем в силу 1 июля 2002 г.; Федеральном законе от 5 июня 2007 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и, наконец, в Федеральном законе «О полиции», вступившем в силу 1 марта 2011 г. Сегодня в решении задачи борьбы с преступностью перед российским обществом и государством с особой остротой ставятся вопросы оптимизации организации, правового регулирования и гармоничного взаимодействия таких видов правоохранительной деятельности, которые традиционно направлены на борьбу с преступностью – судебной, следственной, уголовно-исполнительной и оперативно-разыскной.

Реформы уголовного процесса были вызваны противоречивостью и итогами сложного переходного периода от авторитарного государства к демократическому, правовому государству, пройденному Россией в конце прошлого столетия. В тот период органичной частью смены типа государства стало реформирование его правоохранительной системы, выдвинувшее научно-практическую задачу определения в ней места и роли органов внутренних дел в осуществлении функций правосудия и охраны правопорядка. Утверждение новых принципов правоохранительной политики, ориентирующих на защиту неотъемлемых прав человека и гражданина, усматривалось в необходимости изменения правовых рамок осуществления негласной работы оперативно-разыскных органов в обеспечении безопасности личности, общества и государства. В этой связи реформированию организации и правового регулирования оперативно-разыскной деятельности было уделено большое внимание. С принятием сначала «Закона об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (1992), а затем Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (1995) появилась автономная группа принципиально новых нормативных правовых актов, придавших правовому регулированию

оперативно-разыскной деятельности законный и открытый характер¹. Именно с этого момента началась последовательная реализация идеи организационного размежевания функций уголовной юстиции и, прежде всего, в части досудебного уголовного производства.

В настоящее время идет активная научно-исследовательская работа по выявлению последствий изменения правовых рамок негласной работы органов обеспечения безопасности России, работы органов дознания, следствия и прокуратуры. Особую значимость приобрели вопросы о статусе органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, и ее правовом регулировании, о компетенции работников розыскной службы, полномочиях органов прокуратуры по надзору за законностью оперативно-разыскной деятельности, разграничении следственных и надзорных функций в досудебном производстве. Исследователи пытаются определить и научно обосновать некоторые принципиальные направления дальнейшего совершенствования оперативно-разыскной деятельности и ее законодательного регулирования, использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе². В решении данных задач Министерством внутренних дел Российской Федерации был взят ориентир не только на разработку принципиально нового комплекса норм, регулирующих оперативно-разыскную деятельность, но и на изучение и использование отечественного опыта организации и деятельности правоохранительных органов³. На повестку дня также выдвигается проблема формирования российского уголовно-

---

¹ Федеральные законы «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации» от 3 апреля 1995 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 15, ст. 1269; «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 33, ст. 3349; Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 9 августа 1996 г.

² Басков В. И. Оперативно-розыскная деятельность. М., 1997; Сурков К. В. Оперативно-розыскное законодательство России: пути совершенствования и развития : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997; Шумилов А. Ю. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в России. М., 1997; Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-разыскной деятельности : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002; Павличенко Н. В. Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. Омск, 2011; Гусев В. А. Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика. М., 2014; Бажанов С. В. Методологические основы розыска. М., 2016.

³ Концепция кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации в органах внутренних дел (на период до 2020 г.). М., 2012.

разыскного права, как самостоятельной отрасли¹. Успешное решение этих проблем предполагает изучение истории российского сыска со времени его возникновения и до наших дней, поскольку современное состояние российской оперативно-разыскной деятельности в целом несет в себе глубокий отпечаток того исторического наследия, которое она приобрела за многие века эволюции российского общества и государства с их сложной и, порой, противоречивой историей.

«История сыска России» – новая комплексная учебная дисциплина, активно взаимодействующая с такими юридическими учебными дисциплинами, как теория государства и права, история государства и права России, уголовное право, уголовный процесс, теория оперативно-разыскной деятельности, криминалистика и криминология.

По предмету изучения «История сыска России» относится к комплексу историко-правовых учебных дисциплин. Как историческая учебная дисциплина она направлена на изучение исторических фактов, отражающих накопленный веками отечественный опыт организации поиска и преследования преступников, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений. В этой связи история российского сыска охватывает совокупность таких общественных отношений, которые раскрывают и характеризуют процессы возникновения и развития организации и правового регулирования в сфере борьбы с преступностью в конкретно исторических условиях с момента зарождения государства и права у восточных славян и до принятия первого в истории российского государства Закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» в 1992 г.

Направленность учебной дисциплины «История сыска России» на изучение процессов возникновения и эволюции сыска как функции органов государства, призванных вести борьбу с преступностью, методов и правового регулирования их деятельности, взаимодействия субъектов сыска с другими органами правоохранительной системы, относит ее к юридическим учебным дисциплинам.

---

¹ Шумилов А. Ю. Проблемы законодательного регулирования оперативно-разыскной деятельности в России. М., 1997. С. 10; *Он же*. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: В 3 т. Т. I. Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. М., 2013; Т. II. Философия оперативно-разыскной науки. М., 2014; Т. III. Основные положения. Кн. 1. Объект, предмет и система оперативно-разыскной науки. М., 2015; Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс РФ: авторский проект. Омск, 2014; Азаров В. А., Кузнецов Е. В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права. М., 2016.

Научно-практическое и учебное значение изучения истории российского сыска состоит в том, что оно дает возможность оценить и учесть опыт организации, правового регулирования и эффективность методов уголовной розыскной работы в различных конкретно-исторических условиях, могущих служить историко-правовым обоснованием и ориентиром для перспектив совершенствования организационных и правовых основ борьбы с преступностью.

Тема 1. ПРЕДМЕТ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ СЫСКА РОССИИ

1.1. *Историография российского сыска.*

1.2. *Понятие «сыск»: этимология и эволюция в языке права и закона.*

1.3. *Предмет и периодизация истории сыска России.*

1.1. *Историография российского сыска*

История сыска России вызывает повышенный интерес, ей посвящен значительный объем научных и публицистических работ. Отдельные аспекты истории сыска получили отражение в первых отечественных исследованиях по истории судопроизводства, проведенных в первой половине XIX в.¹, а также в трудах об истории и организации российской полиции, относящихся ко второй половине XIX в.² Особо следует выделить труд И. П. Высоцкого, посвященный 200-летию С.-Петербургской полиции. В этой работе представлены сведения об истории возникновения и развития петербургской сыскной полиции в 1866–1903 гг., и критически оцениваются результаты ее деятельности³.

После судебной реформы 1864 г. вопрос о месте и роли органов, осуществлявших общеуголовный сыск, поднимался в трудах Е. Анучина, Б. П. Бразоля, Н. Селиванова, И. Т. Тарасова, В. К. Иозефи. Эти исследователи направили свои усилия на анализ полицейской и судебной реформ 60-х годов XIX в. Выявив существенные недостатки в организации судебно-следственных и полицейских органов после реформы, они обосновывали необходимость создания специальной

---

¹ *Эверс И. Ф.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. Спб., 1835; *Неволин К. А.* История российских гражданских законов. Спб., 1845; *Пахман С. П.* О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому в историческом их развитии. М., 1851; *Ланге Н.* Исследование об уголовном праве Русской Правды. Спб., 1859; *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. Спб., 1910; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1905; *Троцин К.* Истории судебных учреждений в России. Спб., 1851; *Зерцалов А. Н.* Объезжие головы и полицейские дела в Москве в конце XVII в. М., 1894; *Линовский В.* Опыт исторический разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849, и др.

² *Лопухин А. А.* Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907; *Арнольд Р. А., Кайсаров В. Д.* Соображения о реформе полиции в Российском государстве. Харбин, 1919; *Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России.* Спб., 1913.

³ *Высоцкий И. П.* С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. Спб., 1903.

службы общеуголовного розыска¹. Начиная с 1909–1910 гг., когда проявился первый опыт деятельности сыскной полиции, наблюдается интерес к проблемам организации и эффективности деятельности сыскных отделений в специальной периодической печати дореволюционной России, центральным органом которой был журнал «Вестник полиции».

В советской историко-правовой научной литературе до 60-х годов XX в. история сыска не была предметом специального исследования. Научные усилия советской историко-правовой и исторической наук были направлены на разоблачение реакционной сущности царской полиции. Внимание ученых было сосредоточено лишь на отдельных аспектах деятельности органов политической полиции, в частности, на раскрытии методов борьбы царизма с революционным движением².

Начиная с 60-х годов XX в., в работах по истории государственных учреждений и полиции отдельные аспекты истории сыска стали получать свое освещение, хотя, как правило, с классово-негативной оценкой³. В 60–80-е годы XX в. вышли в свет обстоятельные работы А. В. Борисова, Н. П. Ерошкина, В. М. Курицына, Р. С. Мулукаева, И. В. Оржеховского, Д. И. Шинджикашвили, К. Г. Федорова, А. Н. Яр-

¹ *Анучин Е.* Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. Спб., 1872; *Бразоль Б. П.* Очерки по следственной части: история, практика. Пг., 1916; *Селиванов Н.* Судебно-полицейский розыск у нас и во Франции // *Юридический вестник.* – 1884. – № 2, 4; *Тарасов И. Т.* История русской полиции и отношение ее к юстиции // *Юридический вестник.* – 1884. – Т. 15. – С. 177–212, 383–411, 412–445; *Он же.* Полиция в эпоху реформ. М., 1885; *Иозефи В. К.* К вопросу об реорганизации полиции. Киев, 1905.

² *Лемке М. К.* Наш заграничный сыск (1881–1883) // *Красная летопись.* – 1923. – № 5; *Булкин Ф.* Департамент полиции и союз металлистов // *Красная летопись.* – 1923. – № 5, 8, 9; *Лонге Ж., Зильберг Г.* Терроризм и охранка. М., 1924; *Меньщиков Л. П.* Охранка и революция. М., 1925; *Кантор Р. К.* К истории четных кабинетов // *Каторга и ссылка.* – 1927. – № 8, 37; *Щеголев П. Е.* Жандармские откровения // *Каторга и ссылка.* – 1929. – № 54; *Он же.* Охранники и авантюристы. М., 1930 и др.

³ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968; *Шинджикашвили Д. И.* Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск, 1974; *Федоров К. Г., Ярмыш А. Н.* История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976; *История полиции дореволюционной России (сборник документов)* / под ред. *В. М. Курицына.* М., 1981; *Мулукаев Р. С.* Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964; *Он же.* Система государственных учреждений дореволюционной России. М., 1974; *Он же.* История полиции дореволюционной России. М., 1981; *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982; *Борисов А. В.* Полиция самодержавной России в первой четверти XIX в. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982.

мышя. Однако главное место в историографии сыска принадлежало исследованиям политического сыска¹.

В середине 1980-х годов к истории российского сыска начали обращаться исследователи уголовно-процессуального права и оперативно-разыскной деятельности. В 1984 г. вышла в свет книга И. Ф. Крылова и А. И. Бастрыкина «Розыск, дознание, следствие»². Переработанная авторами с учетом изменившегося российского законодательства и новых научных достижений в области истории права, науки уголовно-процессуального права и теории оперативно-разыскной деятельности, эта работа была переиздана в 2014 г.³ В 90-х годах XX в. проблемы становления и развития российского сыска стали вызывать повышенный интерес исследователей, работающих в системе МВД⁴.

Значительный научный вклад в исследование истории российской полиции и, в частности, общеуголовного сыска в России внес Р. С. Мулукаев. В его первой работе в научный оборот были введены неизвестные ранее материалы, дана характеристика органов общеуголовного сыска с момента их возникновения до ликвидации в 1917 г., изложены основные положения организации и деятельности органов, осуществлявших в дореволюционной России борьбу с преступностью. В работе были изложены основные принципы подхода к анализу проблем, связанных с возникновением, развитием и деятельностью

---

¹ Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957; *Она же*. Органы политического сыска и их развитие в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России. М., 1964; Оржеховский И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х гг. XIX в. Горький, 1975; *Он же*. Самодержавие против революционной России (1826–1880). М., 1982; Эренфельд Б. К. Тяжелый фронт: Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М., 1983; Тютюник Л. И. Состояние политического сыска в России 1860–1870-е гг.: Кризис III Отделения // Государственные учреждения и общественные организации СССР: история и современность. М., 1985; Скрипилев А. Е. Реорганизация управления полицией в России во второй половине XIX столетия. Воронеж, 1987; Желудкова Т. И. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного общественного порядка. М., 1977.

² Крылов И. Ф., Бастрыкин А. И. Розыск, дознание, следствие. Л., 1984.

³ Крылов И. Ф., Бастрыкин А. И. Розыск, дознание, следствие. М., 2014.

⁴ Нарбутов Р. В. Полиция дореволюционной России (историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992; Сизиков М. И. Становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII в. М., 1992; Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. История полиции в России. Вып. 2. М., 1992; Из истории подготовки и воспитания кадров полиции в дореволюционной России. Новгород, 1993; Борисов А. В., Дугин А. Н., Малыгин А. Я. Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995; Лысенко В. В., Сальников В. П., Сизиков М. И., Филиппов С. В. Нравственно-правовые проблемы деятельности полиции дореволюционной России. СПб., 1996; Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996.

сыскных подразделений общей полиции в дореволюционной России¹. Положения, высказанные Р. С. Мулукаевым в первой работе, были развиты им в публикациях постсоветского периода, начиная с 1990-х годов².

В конце XX в. стали появляться специальные научные исследования по истории сыска. В работе В. И. Власова и Н. Ф. Гончарова была предпринята попытка показать эволюцию форм розыска преступников и способов раскрытия преступлений в России в IX – начале XX вв. и представлена общая характеристика органов и должностных лиц, осуществлявших борьбу с преступностью³. Данная работа имеет в целом постановочно-ознакомительный характер. Большое место в работе занимает цитирование дореволюционных законодательных и иных нормативных правовых актов, в которых содержатся нормы, регулирующие сыскную деятельность (отдельные из них приводятся полностью), а также материалы из мемуаров государственных и общественных деятелей, сотрудников полиции того времени. Работы А. О. Лядова и В. В. Грибова были первым диссертационными исследованиями, посвященными истории сыскной полиции Российской империи. А. О. Лядов исследовал историю возникновения и развития структуры и деятельности сыскной полиции С.-Петербурга⁴. В. В. Грибов, расширяя постановку проблемы, исследовал место сыскной полиции в системе правоохранительных органов дореволюционной России⁵. В этот же период определилась сфера научного интереса автора настоящего учебного курса⁶.

¹ Мулукаев Р. С. Общеуголовная полиция дореволюционной России. М., 1979.

² Мулукаев Р. С. Из истории борьбы с профессиональной преступностью в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с организованной преступностью в России. Вып. I. М., 1994; *Он же*. Полиция в России (IX в. – нач. XX в.). Н.-Новгород, 1993. Мулукаев Р. С., Полубинский В. И. Сказ о сыске // Советская милиция. – 1990. – № 1–12.

³ Власов В. И., Гончаров Н. Ф. Организация розыска преступников в России в IX–XX вв. (историко-правовое исследование). Ч. 1–2. Домодедово, 1997.

⁴ Лядов А. О. Уголовный сыск в дореволюционной России (историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997.

⁵ Грибов В. В. Сыскная полиция Российского государства (Теоретический и историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998.

⁶ Матиенко Т. Л. Сыскная полиция в России во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; *Она же*. Сыскная полиция российской империи (1866–1917). М., 2007; *Она же*. Организация сыска в России в IX – начале XX вв.: генезис, закономерности, исторический опыт : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. *Она же*. Российский сыск в IX – первой половине XIX вв. (генезис, тенденции и закономерности эволюции). М., 2010.

К истории сыскной деятельности обращались специалисты в области теории оперативно-разыскной деятельности – И. А. Климов, Л. Л. Тузов, Г. К. Синилов, А. Ю. Шумилов, В. И. Елинский, А. В. Федоров и А. В. Шахматов¹.

До середины 1990-х годов традицией отечественной историографии общеуголовного сыска являлось его понимание как функции органов полиции. Переориентация российской правовой науки к изучению сыска как особого вида правоохранительной деятельности обозначился с выходом в свет работ А. Ю. Шумилова². В первых работах автор обратился к истории сыска в России, связав историко-правовую тематику с проблемами становления и развития оперативно-разыскного законодательства в Российской Федерации³. Обращаясь к истории российского сыска, А. Ю. Шумилов отметил, что знания об истории сыска «и в настоящее время продолжают иметь определенное научное и даже практическое значение для всех субъектов, осуществляющих в современной России оперативно-розыскную деятельность»⁴.

В работах В. И. Елинского и совместной монографии А. В. Федорова и А. В. Шахматова общеуголовный сыск отождествляется с оперативно-разыскной деятельностью. В исследованиях В. И. Елинского, посвященных методологии теории оперативно-разыскной деятельности, на основе фактов, ранее опубликованных в историко-

---

¹ Агентурный метод защиты интересов личности, общества, государства и борьбы с преступностью. Калининград, 2002; Шумилов А. Ю. Проблемы законодательного регулирования в оперативно-разыскной деятельности: десять лет спустя (конституционные, административные, уголовные, уголовно-процессуальные и уголовно-сыскные аспекты). М., 2008; Елинский В. И. Становление и развитие уголовного сыска в России (X–XX вв.). М., 1997; Елинский В. И. Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности. М., 2001; Федоров А. В., Шахматов А. В. Правовое регулирование содействия гражданам органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб., 2005.

² Шумилов А. Ю. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в России. М., 1997; Он же. Оперативно-розыскная деятельность в Российской империи в документах и комментариях (XVIII в. – февраль 1917 г.). М., 2010.

³ Шумилов А. Ю. Феномен научных школ профессионального сыска. М., 2007; Он же. Сыскология, или Наука о профессиональной сыскной деятельности: первое знакомство // Оперативник (сыщик). – 2007. – № 4 (13). – С. 10–17; Он же. Проблемы законодательного регулирования в оперативно-разыскной деятельности: десять лет спустя (конституционные, административные, уголовные, уголовно-процессуальные и уголовно-сыскные аспекты). М., 2008; Он же. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: В 3 т. Т. I: Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. М., 2013; Т. II: Философия оперативно-разыскной науки. М., 2014; Т. III: Основные положения. Кн. 1. Объект, предмет и система оперативно-разыскной науки. М., 2015.

⁴ Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность в Российской империи в документах и комментариях (XVIII в. – февраль 1917 г.). М., 2010. С. 174.

правовой литературе, дается краткий обзор становления и развития органов, осуществляющих функции уголовного сыска с X в. до начала XX в.¹ Монография А. В. Федорова и А. В. Шахматова посвящена правовому регулированию содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. В ней предпринята первая попытка обобщения результатов историко-правовых исследований в изучении становления агентурного метода сыскной деятельности и правовых основ содействия подданных российского государства органам сыска².

Из монографических работ последних лет следует отметить коллективную работу Д. С. Рыжова, А. В. Горожанина, А. Я. Малыгина³ и труды А. Пиджаренко и И. В. Панько⁴, а также работы В. Н. Чисникова, посвященные выдающимся деятелям российского сыска⁵. Результаты этих научных исследований расширяют научные знания об отечественном сыске. Благодаря этим исследованиям постепенно преодолевается превалирование трудов по истории политического сыска в России, расширяется спектр знаний об истории сыска в целом.

На текущий момент историография сыска объединяет в себе традиции советской школы его изучения как функции органов государства, органов полиции и новые тенденции его понимания как особого вида правоохранительной деятельности. Пока эти два подхода не примирены, что порождает рассогласованность понятийного аппа-

¹ См.: *Елинский В. И.* Становление и развитие уголовного сыска в России (X–XX вв.). М., 1997.

² *Федоров А. В., Шахматов А. В.* Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб., 2005.

³ *Рыжов Д. С., Горожанин А. В., Малыгин А. Я.* Борьба полиции России с профессиональной преступностью. Самара, 2001.

⁴ *Пиджаренко А.* Криминальный сыск Киева во II половине XIX – начале XX вв. Киев, 2006; *Панько И. В.* Нормативно-правовые и организационные основы взаимодействия сыскной полиции и судебных следователей в дореволюционной России (историко-правовой аспект). СПб., 2007.

⁵ *Чисников В. Н.* Светлой памяти легенды уголовного розыска Советского Союза Н.Н. Польского (1931–1985). К 90-летию со дня смерти видного деятеля политического сыска Российской империи С. В. Зубатова (1864–1917 гг.) // *Оперативник (сыщик)*. – 2007. – № 2 (11). – С. 42–43; *Он же*. К 160-летию со дня рождения «контрразведчика революции» – Николая Васильевича Клеточникова (1846–1883) // *Оперативник (сыщик)*. – 2006. – № 4 (9). – С. 40–41; *Он же*. К 140-летию со дня рождения видного деятеля уголовного сыска Российской империи В. И. Лебедева (1868 г. – после 1917 г.) // *Оперативник (сыщик)*. – 2008. – № 2 (15). – С. 37–38; *Он же*. Забытые имена (о царском сыщике фон Ланге) // *Оперативник (сыщик)*. – 2005. – № 1 (2). – С. 7–9; *Он же*. Г. М. Рудый – новатор полицейского сыска // *Оперативник (сыщик)*. – 2006. – № 1 (6). – С. 8; № 2 (7). – С. 3–5; № 4 (9). – С. 7–12.

рата и препятствует формированию методологии изучения истории российского сыска.

1.2. Понятие «сыск»: этимология и эволюция в языке права и закона

На протяжении всей истории государства и права России в нормативных правовых актах, регулирующих деятельность по охране общественного порядка, предупреждению и преследованию преступлений, термины «сыск» и «розыск» и смежные с ними по лексическому и правовому значению понятия употребляются достаточно часто. Они употребляются и сегодня в языке закона, юридической науки и практики. Однако в историко-правовой науке и, как следствие, в юридических теоретических и отраслевых науках единого подхода к содержанию понятий «сыск» и «розыск» пока еще не сформировалось. Отсюда возникает научно-практическая потребность раскрытия вопросов о происхождении, эволюции и сущности понятия «сыск» и смежных с ним понятий, выяснения их правового содержания и функции в языке закона.

Источником термина «сыск» и смежных с ним понятий является восходящее к праславянской лексике слово «искати». В значениях «найти, стремиться, хотеть, спрашивать, просить, взыскивать» оно фигурирует в литературных памятниках (например, в Лаврентьевской летописи 977 г.) и международных договорах Руси X–XI вв. Например, в Договоре Руси с Византией 945 г. зафиксировано: «Аще ли есть не имовить (етворивый оубиство) и оускочить же, да ищють его, дойдеже избращеться; аще ли избращеться, да оубьен будеть»¹.

В языке закона общеупотребительная лексема «искати» встречается с XI века и обозначает правовые действия субъектов состязательного процесса на его досудебной стадии: уголовно-процессуальное действие – предоставление доказательств в судебном споре по поводу причинения вреда личности, уголовно-поисковое действие – розыск преступника; гражданско-процессуальное действие – предъявить иск. Для обозначения уголовно-процессуального действия слово «искати» было употреблено в древнейшей части Краткой Правды – Суде Ярослава (первая половина XI в.), где записано: «Или боудеть кровавь или синь надраженъ, то не искати емоу видока человека томоу; аже не бо-

¹ Памятники русского права (ПРП). Вып. I. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. М., 1952. С. 7.

удеть на немъ знамениа никоего же, то ли приидеть видокъ...». В таком же смысловом значении слово «искати» употребляется в статьях Пространной Правды (начало XII в.): «Искавшее ли послуха и не нальзуть, а истыця начнет головою клепати, то ти им правду железо...»; «А придет кровав мужь на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажу 3 гривны».

Для обозначения уголовно-поискового действия в статье Пространной Правды «Об убийстве» использован синоним слова «искати» – «ищу»: «Аже кто убиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищутъ, то вирную платити в чьей верви голова лежитъ...»¹. оборот «а головника не ищутъ» указывает на обязанность общины (верви) взять на себя розыск (поиск) убийцы на своей территории и выдать его суду.

В значении «предъявить иск» слово «искати» выступает, например, в статье Пространной Правды «Аже закуп бежить»: «Аже закуп бѣжит от господы, то обель, идеть ли искать кунь, а явлено ходитъ, или ко князю, или къ судиям бѣжитъ обиды дѣля своего господина, то про то не робять его, но дати ему правду»². Выражение «искати кунь» означает предъявлять иск хозяину (кредитору) за отобранные деньги или искать деньги в долг для выкупа у хозяина. В похожем смысловом значении слово «искати» встречается в Грамоте Смоленского князя Федора Ростиславича к Рижанам 1284 г., в Двинской уставной грамоте 1398 г. (ст.ст. 15, 92), в Псковской судной грамоте (ст. 14), где означает предъявление требования в суде о возврате похищенного имущества, приближаясь тем самым к статусу правового термина «иск» как юридически значимого действия в защите нарушенного имущественного права в гражданском судопроизводстве.

Производные от лексемы «искати» – «обыск» и «сыск» вошли в терминологию формирующегося уголовно-процессуального права. Их формирование относится ко времени XIV–XVII вв. и связано с утверждением публично-правового взгляда на преступность и борьбу с ней. Образованные от «искати» термины «обыскивати», «обыскать», «обыскавши» функционируют в Псковской судной грамоте (ст.ст. 20, 57 и 60³), где номинируют уже следственные действия по расследованию

¹ Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М., 1984. С. 64.

² Там же. С. 68.

³ В статье 20 закреплен порядок допроса истца и его послуха в процессе по делам о разбое и грабеже; в статье 57 – порядок обыска в случае совершения кражи, а в статье 60 – обыска у человека, на которого возведет несправедливые подозрения вор.

уголовных дел. Термины «обыскати», «обыскивати» и «обыск» употребляются в языке законодательства Московского княжества, где также обозначают уголовно-процессуальные и уголовно-поисковые действия.

Термин «обыск» в Судебнике 1497 г. приобретает и затем прочно сохраняет за собой в Губных грамотах и Наказах 1539–1549 гг., в «Приговоре о разбойных делах» и «Указе о татевных делах» 1555 г. обозначение массового опроса местного населения с целью проверки показаний подозреваемого в совершении преступлений или же выявления уже известных преступников – лихих людей. В Судебнике 1497 г. (ст.ст. 14, 36) читаем: «О татиных речах. <...> ино татиным речем не верити, дати его на поруки до обыску»; «А в ездѹ своем дати на поруку до обыску, доколе дело скончается, и ему взятии езд на виноватом»¹.

В Губных грамотах и Наказах 1539–1549 гг.² прослеживаются уже устойчивые обороты: «да где которых розбойников обыщите», «вы бы техъ розбойниковъ ведомыхъ межъ себя имали да обыскивали ихъ», «и вам тѣхъ людей обыскавъ, и довечи на нихъ», «и вы бѣ межъ себя обыскивали про тотъ розбой сами всем посадомъ» и т. д. В текстах Губных грамот также появляется термин «обыщики». Он обозначал специальных царских агентов, посылаемых в области, уезды, города, волости и села для преследования и поимки татей (воров) и разбойников: «и мы к вам посылали <...> обыщиков своих»³.

«Обыскати» в значении «произвести расследование того или иного дела, подлежащего рассмотрению в суде», широко употребляется в Судебнике 1550 г. В этом же законе термин «обыщется» заменяется новым – «сыщется», например, в статье: «А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возмет или обвинит не по суду, о обыщется то в правду...»⁴. Аналогичная замена «обыщется, обыскать» на «сыщется, сыскать» прослеживается в текстах Губных грамот и Наказов после 1589 г. Например, в Губной грамоте, данной крестьянам Д. И. Годунова Вещеозерской волости и Чаронской округи 1592 (95) г., записано: «А кого в ваших сельхъ, или въ деревняхъ розобьютъ разбойники, и им про тотъ разбой сыскивати

¹ Российское законодательство... Т. 2. С. 56, 58.

² Губные грамоты и Губные указы 1539–1549 гг. были правовой основой губной реформы и определяли порядок судопроизводства новыми органами территориального управления – губными избами.

³ Российское законодательство... Т. 2. С. 51.

⁴ Там же. С. 97.

межь себя самимъ, а доискався лихих людей и розбойниковъ имати, по тому жь обыскавъ казнити смертью».

Во второй половине XVI – начале XVII вв. язык закона обогащается лексемами «сыскати», «сыскивать», «сыск» в значении проводить расследование уголовных дел. Тогда же появляется устойчивый фразеологизм – «сыскав вправду всякими сыски», т. е. провести расследование всеми предусмотренными законом процессуальными средствами. При этом в Судебнике 1589 г. и Губных грамотах конца XVI в. повальный опрос населения, выступающий одновременно как форма и как способ уголовного расследования, по-прежнему номинировался «обыск», а действия по его производству – «обыскати». На этой основе можно утверждать, что «обыск» в языке закона предстает как юридическое понятие.

В Соборном уложении 1649 г. «сыск» и «обыск» выступают центральными понятиями средневекового русского уголовно-процессуального права и несут разнообразную смысловую нагрузку в определении содержания процессуальных действий и стадий уголовного преследования. Во-первых, за термином «сыск» прочно закрепляется значение особой формы судебного процесса по наиболее опасным, с точки зрения тогдашнего законодателя, преступлениям – разбой, убийство в разбое, грабеж, кража, укрывательство беглых крестьян, подпадающих под понятие «лихое дело». Их расследование было поручено приказам (центральным органам управления) и губным избам (органам местного самоуправления). Наиболее ярким примером такого смыслового значения «сыск» является статья 59 главы XXI «О разбойных и татиных делех»: «А где учиниться розбой, а которые сторонние люди слышачи крик и воп розбитых людей как их розбойники розбивают, и те люди на крик и на воп не пойдут и их выдадут. Или которых людей после розбою розбитые люди учнут за розбойники в погоню и на след звати, а те люди в погоню за розбойники, или на след не пойдут же, а исцы на них учнут бити челом, и про то сыскати окольными людми, и которые в те поры в погоне и на следу были. Да будет на них в сыску скажут, что слыша крик розбитых людей, на пособь к ним не пошли, и в погоню за розбойники, или следом не пошли же, и на тех людех ... чинити жестокое наказание,

бити кнутом нещадно»¹. Во-вторых, «сыскати» и «сыск» в Уложении имеют также значение деятельности органов управления и суда и их служащих по обнаружению и преследованию преступников (гл. XXI, статьи 64, 74, 78, 79, 84, 102) и розыску лиц, скрывающихся от суда (гл. X, статьи 113, 202, 229, 271).

Термин «обыск» в Уложении, демонстрируя свою функциональную устойчивость, как и в начале XVII в., означает опрос населения с целью получения информации о преступлениях и преступниках. Например, статья 41 главы XXI гласит: «А на которых людей языки с пытки в розбое говорят, а сами на себя с пыток не говорят, а в обыскех их многия люди назовут лихими людьми, и тех людей по язычным молкам и по лихованным обыском казнити смертию...»².

Другой не менее устойчивый до сего момента термин «обыщики» приобретает синоним – «сыщики». В статье 161 главы X Уложения, регулирующей порядок производства повального обыска, встречаем: «А которые люди учнут семьями во обыскех лгати, а им обыщиком про то учиниться ведомо, или которые люди учнут ослушатца, обысканных речей давать не учнут, и они сыщики о том писали к государю...»³; «А будет они сыщики учнут сыскивати не по правде для своей корысти, или учнут в сыску друг другу дружити..., а иные обыскных речей давати не учнут, а они обыщики о том к государю писати не учнут, норовя исцу или ответчику, ... и им сыщикам за то от государя бытии в великой опале и в казни»⁴.

Таким образом, в Соборном уложении 1649 г. – крупнейшем своде законов, действовавшем в Российском государстве свыше двухсот лет, – «сыск» становится специальным юридическим понятием средневекового русского уголовно-процессуального права. Он приобретает три основных значения: 1) следственного судебного процесса, 2) функции административно-судебных органов, уполномоченных проводить расследование и суд по делам о тяжких преступлениях, 3) деятельности должностных лиц, направленной на обнаружение и поимку преступников.

¹ Российское законодательство... Т. 2. С. 239–240.

² Там же. С. 236.

³ Российское законодательство... Т. 3. М., 1985. С. 128.

⁴ Там же.

В нормативных правовых актах конца XVII – первой половины XVIII в. все чаще встречается обозначение «сыщик». Так назывались постоянные представители центра на местах, уполномоченные проводить расследование и суд по уголовным делам. Их деятельность регламентировалась целым рядом нормативных правовых актов: «Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убивственных делах» 1669 г., «Правила для сыщиков, отправленных в Нижний-Новгород для искоренения воров и разбойников» 1675 г., «О посылке сыщиков во все города и о неприятии подаваемых на них отводов» 1689 г., «О беспрепятственном розыске и преследовании сыщиками воров и разбойников и их сообщников по всем губерниям» 1711 г., Указ сыщикам 1743 г., «Инструкция определенному для сыска и искоренения воров и разбойников главному сыщику» 1756 г. и т. д. Особое внимание власть уделяла организации массового общегосударственного розыска беглых крестьян и возвращении их прежним владельцам. Издаются: Наказ сыщиками беглых крестьян и холопов 1683 г., Указ о посылке сыщиков во все города для сыска беглых крестьян и холопов и наложении взысканий за держание беглых и за сопротивление их сыску 1698 г. и другие.

В конце XVII в. в языке закона начинает закрепляться термин «розыск», конкурирующий с термином «сыск». Закрепление за термином «розыск» понятия следственного, инквизиционного судебного процесса фиксируется в Именном Указе 1697 г. «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо них расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах». В его статье 1 значится: «А вместо судов и очных ставок по челобитью всяких чинов людей в обидах и в разоренья чинить розыск в брани и в безчестье или в бою и в увечье, и во всяких обидах, и в разоренье»¹. Причем в остальных тринадцати статьях Указа по-прежнему употребляется термин «сыск». Однако уже в нормативных правовых актах XVIII в. судебный процесс по делам о разбоях и грабежах именуется только «розыском»: «А для розыска тех воров, которые будут пойманы, послать к нему из Земского Приказа дьяка и с ним подьячих, сколько человек пригоже, и теми ворами

¹ Российское законодательство... Т. 4. М., 1986. С. 399.

розыскивать... И тому своему розыску статейные списки присылать в Земской Приказ...»¹.

Смена термина «сыск» на термин «розыск» в начале XVIII в. сопровождалась разработкой его понятийного содержания. В этот период основной формой права становится закон, что поставило перед законодателем проблему точности его языка и привело к осознанию того, что лексический состав закона (и любого нормативного правового акта) – это правовые понятия. Проявлением этой тенденции в языке уголовно-процессуального законодательства стала разработка понятия «розыск», выраженная в статье 2 главы 2 «Краткого изображения процессов и судебных тяжб» 1715 г.: «Когда судья ради своего чину по должности судебной вопрос и розыск чинит: где, каким образом, как и от кого такое учинено преступление». Здесь же уголовные дела названы – «розыскные»². С этого момента в отечественном законодательстве за термином «розыск» прочно зафиксировалось понятие судопроизводства по уголовным делам, включающего все его элементы (поиск и поимка преступника, дознание, следствие, вынесение решения).

Терминология законодателя XVIII в. в части регулирования уголовного судопроизводства стала основой понятийного аппарата формирующейся во второй половине XIX в. юридической науки. В трудах юристов, историков и теоретиков права прочно закрепляется понятие «розыскной процесс», которое сохранено и в современной истории права как специальное научное понятие. В современной юридической литературе «розыскной процесс» – это особая форма судопроизводства по уголовным делам с характерными признаками: 1) широкая инициатива государственных органов в возбуждении судебного преследования и проведении расследования; 2) проведение досудебного производства в форме негласного дознания с применением обысков, допросов, в том числе под пыткой, для признания обвиняемого.

Лексема «сыск» теперь уже номинирует совокупность действий должностных лиц по выявлению, поиску и поимке преступников и беглых крестьян, солдат, драгун и матросов. Одним из характерных примеров нового значения в юридическом языке терминов «розыск» и

¹ Сенатский указ от 14 июня 1711 г. «О вешании воров и разбойников в тех местах, где будут пойманы» // ПСЗ. Т. 4. № 2373.

² Российское законодательство... Т. 4. С. 411.

«сыск» и их взаимодействия в нормативно-правовом массиве XVIII в. послужит ст. 10 «Инструкции определенному для сыска и искоренения воров и разбойников главному сыщику» 1756 г.: «Где будут сысканы и пойманы беглые драгуны, солдаты и матросы, теми також разыскивать, где они приставали и не были ль где на разбоях; ежели по розыску окажутся подозрительны и дойдет до пытки...».

Производные от терминов «сыск» и «розыск» прилагательные «сыскной» и «розыскной» применялись законодателем в конце XVII–XVIII вв. в наименовании государственных органов, исполняющих функции следствия и суда: Сыскной приказ (1682 г.; 1730 г. – в Москве), Розыскная экспедиция (1729 г. – в С.-Петербурге, 1763 г. – в Москве), Тайная канцелярия розыскных дел (1731 г.), что указывало на функции, предназначение, цели и содержание деятельности этих органов: обнаружение и поимка преступников, проведение дознания, следствия и суда по уголовным и политическим делам.

В нормативных правовых актах второй половины XVIII в. употребление понятия «розыск» и термина «сыск» постепенно снижается, а в первой половине XIX в. – практически не встречается, за исключением выдержек из нормативных правовых актов предшествующих столетий. В так называемом «полицейском законодательстве», которое получает развитие с момента учреждения в Российской империи в 1718 г. полиции, термины «сыск» и «розыск» в этот период также практически не встречаются, несмотря на то, что на полицию были возложены функции по борьбе с преступностью, включая суд по мелким уголовным преступлениям.

К середине XIX в. в законодательстве вновь появляется термин «розыск», но он означает действия органов полиции только по выяснению обстоятельств происшествия с целью выявления в нем признаков преступления и фиксации его следов¹, а не все уголовное судопроизводство. Однако это обстоятельство стало прологом к тому, что в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. «розыск» и «сыск» возрождаются как специальные юридические понятия. На их содержание существенное влияние оказало развитие судопроизводства, уголовного процесса и права в середине XIX в.: провозглашение и частичная реализация принципа состязательности в уголовном су-

---

¹ См.: Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. XV, ст.ст. 946, 4217

дебном процессе, становление и развитие института предварительного следствия, превращение полиции в орган дознания.

Термин «розыск» в Уставе 1864 г. приобрел двоякое значение. Во-первых, отражая содержание новой правовой действительности, он обозначал составную часть дознания (ст. 300 УУС): «указание на важное злоумышление или преступное деяние, угрожающее общественному спокойствию... служат поводом к полицейскому розыску или дознанию...». Во-вторых, «розыском» была номинирована форма производства дознания (ст. 254 УУС): «При производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением...»¹. Термин «сыск», напротив, приобрел новое и узкое значение – поиск обвиняемого через публикацию в сенатских объявлениях, в ведомостях С.-Петербурга, Москвы и губернских городов, если неизвестно его местопребывание или в случае его побега (ст. 386, 847–851 УУС).

Во второй половине XIX – начале XX в. в составе органов общей полиции Российской империи учреждаются специальные подразделения по борьбе с общеуголовной преступностью. На них возлагались задачи раскрывать преступления по оставленным следам, обнаруживать, ловить и доставлять преступников органам следствия и суда со всеми найденными и зафиксированными свидетельствами и вещественными уликами, собранными в ходе расследования преступлений. Опираясь на традиции и преемственность терминологии законодательства, направленного на регулирование общественных отношений в сфере борьбы с общеуголовной преступностью, эти подразделения получили названия сыскная полиция (С.-Петербург; 1866 г., Москва, 1881 г.) и сыскные отделения (крупные города до 1908 г.). В 1908 г. была создана сыскная полиция Российской империи в составе 89 сыскных отделений. Их деятельность регламентировалась «Законом об организации сыскной части» 1908 г., «Инструкцией чинам сыскных отделений» 1910 г. вплоть до революционных событий 1917 г.

Исходя из общего смысла этих нормативных правовых актов, под «сыском» понималась совокупность функций сыскных отделений – дознание и розыск по уголовным делам с целью предотвращения и преследования общеуголовных преступлений, а также средств и ме-

---

¹ Российское законодательство... Т. 8. М., 1991. С. 145, 150.

тодов их производства. В понятие «сыск» включались также и методы криминалистического исследования: словесный портрет, антропометрия, фотография, дактилоскопия, химическое и физическое исследование следов и жидкостей.

Термин «розыск», как следует из содержания IV раздела «Инструкции» – «Розыск», приобретает более узкое специальное значение. Под ним понимается «собираение сведений исключительно негласным наблюдением, расспросами, справками, без допросов в официальном тоне, и с дописыванием необходимых сведений не на виду у посторонних», т. е. подчеркивается негласный характер деятельности. Здесь же впервые был зафиксирован термин «уголовный сыск» (п. 61 «Инструкции» 1910 г.).

Правовая новация традиционного юридического содержания лексемы «розыск» была основана на результатах теоретико-правовых исследований русских юристов в области уголовно-процессуального права конца XIX – начала XX вв., предпринимавших попытки теоретически разграничить понятия «дознание» и «розыск» и определить содержание последнего. Так, например, А. А. Квачевский считал: «В своем собственном значении розыск составляет часть дознания, в обширном смысле – один из способов его производства, направленный к обнаружению и указанию скрытого, тайного, преимущественно виновника преступления»¹. П. В. Маклинский также утверждал, что розыск представляет часть дознания, «направленную на обнаружение чего-либо скрытого, не легко доступного; он предполагает быстроту действий и потому упоминается тогда, когда говорится о делах или обстоятельствах загадочных или важных, требующих особенной деятельности со стороны полиции»². Более конкретно попытался определить понятие «розыск» И. Я. Фойницкий. По его мнению, розыск включает в себя осмотр местности, потерпевшего, всякого рода предметов – вещественных доказательств (даже при помощи экспертов), публикации в газетах, обходы ночлежных приютов и т. д.³ Таким образом, в его понимании, розыск – это все меры по установлению события преступления. Поэтому к розыску им были отнесены

---

¹ Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. Ч. III. Спб., 1869. С. 5.

² Маклинский В. П. Практическое руководство для судебных следователей. Спб., 1907. С. 30.

³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Спб., 1895. Вып. 1–2. С. 291.

также словесные расспросы и негласные наблюдения, указанные в законе (ст. 258 УУС) как формы дознания, а также преследование преступника по горячим следам. Такое понимание розыска оказалось наиболее предпочтительным и было воспринято законодателем и уточнено впоследствии в «Инструкции чинам сыскных отделений».

Примечательно, что и в «Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля, изданном в 1882 г., разъяснение слова «сыск» отсутствует, а «разыскивать» и «сыскивать» представлены как синонимы. Слово «сыскивать» автором словаря указывается уже как устаревшее¹. Однако полного вытеснения словоупотребления «сыск» в российской юриспруденции и практике правового регулирования не произошло, так как производные от него и смежные с ним понятия «обыск», «обыскать», «сыщик», «иск» и многие другие активно употребляются в современном языке закона и юридической практике.

Таким образом, в начале XX века в российском праве «сыск» и «розыск» функционируют как специальные понятия уголовно-процессуального права и «полицейского законодательства». «Сыск» приобретает значение особого вида правоохранительной деятельности, отличающегося от деятельности органов следствия и суда по следующим признакам: 1) по субъектам деятельности; ими выступали специальные подразделения полиции – охранные и сыскные отделения; 2) по методам деятельности, включавшим гласное и негласное наружное и внутреннее наблюдение и криминалистические методы исследования следов преступления. Под «розыском» понималась предшествовавшая дознанию и следствию, реализуемая специальными гласными и негласными методами, непроцессуальная деятельность, направленная на сбор криминально значимой информации, обнаружение и поимку преступников.

Таким образом, в филологическом значении лексема «сыск» означает вид социальной практики. На всех этапах истории российского права она и ее производные используются в юридическом языке для определения особой урегулированной и регламентированной нормами права деятельности, направленной на защиту государства, общества и частных лиц от преступных посягательств. Отсюда в широком смысле под сыском следует понимать исторически обусловленный вид юри-

---

¹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. М., 1882. Т. IV. Р–V. С. 55, 377.

дической деятельности, направленный на поиск юридически значимой информации в целях защиты прав и интересов личности, обеспечения внутренней безопасности общества и государства, борьбы с преступностью, реализуемой специальными средствами и методами.

В узком значении, сыск – это регулируемая нормами права деятельность специально учрежденных и (или) уполномоченных государством органов и их служащих, направленная на предупреждение, пресечение и преследование преступных посягательств на охраняемые правом интересы государства, общества и частных лиц. В этом смысле сыск – это функция органов государства. Принимая во внимание, что в обыденном языке и языке закона за обозначением преступления закрепились номинация «уголовного»¹ деяния, есть основания к ее номинации применить специальный термин – «уголовный сыск».

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. термин «сыск» в специальной юридической литературе и в законодательстве не употреблялся. Вместо него в нормативных правовых актах, регулирующих деятельность подразделений милиции по борьбе с преступностью, и в учебно-практических пособиях стал употребляться термин «розыск». Такая замена в терминологии советского законодательства и права была обусловлена общим, как правило, намеренным отходом от некоторых терминов старой дореволюционной России.

В «Толковом словаре русского языка» 1939 года термин «сыск» дается с пометкой «устарелое» и раскрывается как действие от глагола «сыскать» только в двух значениях: 1) «найти, обнаружить, отыскать» и «выслеживание»; 2) синоним термина «розыск»². Термин «розыск» здесь трактуется как действие от глагола «разыскать», и как предшествующее суду дознание, собирание улик, необходимых для обвинения. С пометкой «новое официальное» здесь же раскрывается понятие «уголовный розыск» – отдел милиции, занимающийся раскрытием и пресечением уголовных преступлений. Однако нетрудно заметить, что значение понятий «розыск» и «уголовный розыск» здесь чрезвычайно близко к понятиям «сыск», «розыск» и «уголовный сыск» в нормативных правовых актах начала XX в., регулировавших деятельность органов общей и политической полиции по

---

¹ Слово «уголовный» произошло от древнерусского «голова» – убитый. В Русской Правде «головник» и «убойца» – синонимы, означавшие «убийца».

² Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939. С. 629.

борьбе с преступностью. Тем не менее, «Толковый словарь Русского языка» 1939 г. отразил именно то функциональное значение номинации «розыск», как она стала употребляться в языке советских нормативных правовых актов, регулирующих деятельность органов милиции по борьбе с преступностью и советской юридической науки.

Во второй половине XX в. для обозначения деятельности, направленной на розыск преступников и собирание улик, в языке советских нормативных правовых актов появился новый термин – «оперативно-розыскная деятельность». Впервые он был употреблен в Основах уголовного судопроизводства Союза СССР и союзных республик, принятых 25 декабря 1958 г. В соответствии со статьей 29 «Основ» на органы дознания было возложено «принятие необходимых оперативно-розыскных мер в целях обнаружения признаков преступлений и лиц, их совершивших». Это положение было продублировано в части 1 статьи 118 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. и в соответствующих статьях уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик.

Детальная регламентация оперативно-розыскной деятельности реализовывалась в закрытых нормативных правовых актах Правительства СССР, Министерства внутренних дел СССР, Комитета государственной безопасности СССР и закрытых постановлениях ЦК КПСС. Исходя из совокупности их содержания, следует, что оперативно-розыскная деятельность понималась как государственно-правовое средство, предназначенное для обеспечения уголовно-процессуальных и иных задач борьбы с преступностью. В этом смысле оперативно-розыскная деятельность рассматривалась как придаток следствия и допроцессуальная стадия уголовного расследования.

В постсоветский период в рамках коренной реформы правоохранительных органов в 1992 г. был принят первый Закон «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», ставший источником формирования оперативно-розыскного законодательства, получившего развитие в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности», принятом в 1995 г. Впервые в российской юридической практике оперативно-розыскная деятельность получила открытое законодательное регулирование, а в современном российском праве содержание термина «оперативно-розыскная деятельность» было расшире-

но до понятия особого вида правоохранительной¹, юридической деятельности² и самостоятельной функции уголовной юстиции³.

Термин «сыск» впервые в российском послереволюционном законодательстве был употреблен в Законе Российской Федерации от 11 марта 1992 г. «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». Как следует из смысла статьи 3 данного Закона, «сыск» понимается законодателем как вид частной детективной деятельности. Сама же частная детективная деятельность в статье 1 Закона трактуется как оказание на возмездной договорной основе услуг физическим и юридическим лицам в целях защиты их законных прав и интересов. Таким образом, в современном законодательстве термины «оперативно-разыскная деятельность» и «сыск» служат для различения соответственно публично-правовой и частноправовой сыскной деятельности.

1.3. Предмет и периодизация истории сыска России

История сыска соизмерима с историей права и государства. На всех этапах истории российского государства и права сыск предстает как уникальное социально-правовое и государственно-правовое явление, непосредственно связанное с правосудием, защитой всей совокупности прав и интересов субъектов общественных отношений.

Сыск зарождается как особый вид социальной практики и с развитием государства формируется как самостоятельный вид его деятельности, направленный на решение задач борьбы с преступностью.

Сыск, как особый вид социальной деятельности, известен с древнейших времен. Он возник из потребности противодействия правонарушениям, защиты личных и имущественных прав участников общественных отношений, общества в целом от преступных посягательств и разыскания правонарушителей в целях их наказания и восстановления социальной справедливости. Именно направленность сыска на то, чтобы обеспечить привлечение к ответственности лиц,

---

¹ Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, К. Г. Синилова. М., 2006. С. 6–7; Климов И. А. Предмет теории оперативно-розыскной деятельности. М., 2006. С. 2.

² Ковалев О. Г., Вагин О. А., Юдин Е. Г. Оперативно-розыскная деятельность: содержание, развитие, особенности. М., 2006. С. 10–11; Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценности. Саратов, 1989. С. 138–139.

³ Горяинов К. К., Кваша Ю. Ф. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Комментарий. М., 1997. С. 7–19.

виновных в нарушении права, отличала его от всех других видов социальной практики.

На ранних этапах развития государственности сыск имел общественные начала, его субъектами выступали сами потерпевшие, роды и общины. Такой частный как индивидуальный, так и коллективный сыск становится эффективным средством в разрешении социальных конфликтов.

Формирование сыска как функции органов государства связано с процессами постепенного отмирания социальных регуляторов общественных отношений, базирующихся на родовых и соседских общинных связях и возрастанием организующей деятельности государства.

С развитием государства, расширением его функций и аппарата сыск приобретает признаки самостоятельного направления государственной деятельности, конкретизирующиеся в фактической деятельности административных и судебных органов и ее правовом регулировании. Сыск становится важнейшей составляющей государственно-властных отношений в сфере правоохраны и приобретает характер особого правового феномена, сохраняя все черты и признаки, приобретенные на предыдущих этапах развития. Не теряя изначально заданного предназначения – поиск преступников и доказательств их преступной деятельности, сыск в рамках правового регулирования деятельности органов государства, осуществлявших функции суда, охраны общественного порядка и правопорядка и борьбы с преступностью, предстает сначала как их функция, затем – как особый вид правоохранительной деятельности и как функция уголовной юстиции. Такая «многоликость» ипостасей сыска – результат его последовательных видоизменений в различных конкретно-исторических условиях.

Эволюция организации сыска от простейшей формы индивидуальной поисковой деятельности потерпевшей стороны в родовом восточнославянском обществе до сложного государственно-правового явления – особого вида правоохранительной деятельности и самостоятельной функции уголовной юстиции подчинена общим закономерностям общественного и государственного развития. Поэтому закономерности возникновения и развития сыска состоят в объективной предопределенности его форм, правовых основ и методов реализации динамикой культурологических, социально-экономических,

политических и криминологических характеристик общества. История сыска России направлена на изучение этих закономерностей и их проявлений в конкретно-исторических условиях развития российской государственности.

Таким образом, предметом истории сыска России являются закономерности и особенности процесса возникновения и развития форм, правовых основ и методов сыска в различных социально-политических условиях на основных этапах развития российской государственности – с момента ее возникновения и до наших дней. Эти закономерности состоят в объективной предопределенности его форм, правовых основ и методов реализации динамикой культурологических, социально-экономических, политических и криминологических характеристик общества.

На всех этапах эволюции сыска его сущность и социальное предназначение не изменяются и состоят в исследовании обстоятельств преступления, поиске и поимке преступника, обнаружении и сборе вещественных и иных доказательств его причастности к преступлению для последующего определения судом степени его виновности и меры ответственности. Объективное предназначение сыска определяет его как органичную, неотъемлемую и первоначальную стадию правосудия.

Организация сыска совершенствовалась по мере возрастания преступности и изменения ее качественных характеристик, развития государственного аппарата, его функциональной дифференциации и специализации, совершенствования уголовно-правовых институтов, стадий и правовой регламентации процедур уголовного процесса. В зависимости от сочетания и превалирования указанных факторов на каждом историческом этапе выработывались на практике и закреплялись в законодательстве правовые и организационные основы, принципы и методы сыска, формировалось его понятие, определялась его роль в уголовной юстиции и борьбе с преступностью.

Совокупность организационно-правовых основ, принципов, методов и функциональной нагрузки в сфере борьбы с преступностью выступает характерным признаком сыска на том или ином этапе исторического развития и служит критерием его периодизации, включающей пять основных этапов.

Первый этап: IX–XV вв. – генезис сыска как особого вида правоохранительной деятельности, приобретшей организацию в двух правовых формах: как права сельской общины (частноправовая) и как функции административно-судебных органов (публично-правовая); смена доминант организации в пользу усиления государственно-правовых начал.

Второй этап: XVI–XVII вв. – эволюция сыска как синкретической формы уголовного судопроизводства по особо важным делам – следственного, инквизиционного судебного процесса и как функции административно-судебных органов государства по изобличению, розыску и поимке преступников.

Третий этап: XVIII в. – первая половина XIX в. – становление сыска как вспомогательного средства уголовного процесса, функции органов общей регулярной полиции и органов борьбы с политическими преступлениями.

Четвертый этап: вторая половина XIX в. – начало XX в. – формирование сыска как самостоятельной функции уголовной юстиции, функции специальных подразделений полиции по борьбе с общеуголовной и политической преступностью.

Пятый этап: с 1917 г. по настоящее время – период становления и эволюции организационных основ и правового регулирования оперативно-разыскной деятельности, понимаемой как вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями уполномоченных на то государственных органов путем проведения оперативно-разыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Тема 2. ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СЫСКА РОССИИ В VI–XII вв.

2.1. Возникновение и особенности организации сыска в восточнославянском обществе в VI–VIII вв.

2.2. Сыск в досудебном производстве Древнерусского государства: «свод» и «гонение следа».

2.3. Сыск как функция органов Древнерусского государства IX–XII вв.

2.1. Возникновение и особенности организации сыска в восточнославянском обществе в VI–VIII вв.

Истоки сыска восходят к периоду политогенеза у восточных славян, проходившего в VI–VIII вв. В VIII – первой половине IX вв. на территориях, занятых восточными славянами, отмечается наличие нескольких крупных политических, протогосударственных объединений. Возникновение единого Древнерусского (Киевского) государства российская историографическая традиция связывает с летописной версией, согласно которой в 882 г. новгородский князь скандинавского происхождения Олег, предприняв успешный завоевательный поход на Киев, объединил Новгородское (Северо-Восточную Русь) и Киевское (Юго-западную и Южную Русь) княжества. В состав нового крупного государства вошли также Волынское и Полоцкое княжества.

Образование и развитие государства у восточных славян, как и других народов мира, имели в своей основе социальные процессы имущественной и социальной дифференциации населения, прослеживаемые по археологическим материалам. Общеизвестна точка зрения о том, что имущественная и социальная дифференциация вызвала противоречие между возрастающими личными и имущественными потребностями людей и неравными возможностями их удовлетворения. Считается, что именно это противоречие стало источником социальных конфликтов, возникающих из причинения вреда роду, личности или их имуществу и затрагивающих интересы всего общества и отдельного лица.

Способы и формы пресечения и преследования посягательств на общественные и личные интересы соответствовали социальной организации общественных отношений и уровню развития политической власти и управления. Они основывались, как и вся система общест-

венных отношений, на обычаях и традициях, часть из которых постепенно перерастала в обычное право.

Древнейшей формой защиты нарушенных интересов общества являлся коллективный поиск нарушителя правил общежития и привлечение его к ответственности на основе обычая, а в случае нарушения интересов отдельного рода или лица – месть, самоуправство и вооруженный отпор. Отклики этих древнейших способов защиты интересов общества и личности от нарушений сохранились в первых источниках письменной правовой древнерусской традиции – договорах Руси с Византией и в древнейшей части Русской Правды – Суде Ярослава, а также в западноевропейских, византийских и арабо-персидских источниках о восточных славянах IX в.¹

В VI–VIII вв. восточнославянское общество накануне образования государства характеризовалось наличием как родовых, так и территориальных объединений², и появлением городов как укрепленных административных центров и порубежных крепостей, так и стоянок купцов³. Города играли роль центров торговли, ремесла и политических центров, где сосредоточивались примитивные органы власти и управления – вождь, совет старейшин, жреческие корпорации⁴.

Славянская община в этот период представляла тесно сплоченный социальный коллектив, объединенный общими интересами и целями – организации общественного воспроизводства, защиты от внешних врагов, освоения и захвата новых территорий. В таких условиях любой поступок члена общины происходил на виду у сородичей и соседей и сразу же становился им известным. Конфликты в рамках одного родового или племенного сообщества разрешались тут же коллективно в общих интересах, поэтому не было необходимости искать нарушителя правил общежития и (или) причинителя вреда кон-

¹ Подробнее о западноевропейских, византийских и арабо-персидских источниках о восточных славянах в IX в. см.: *Темушев С. Н.* Образование Древнерусского государства. М., 2014.

² *Мельникова Е. А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 22.

³ *Куза А. В.* Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X–XIII вв. // Краткие сообщения института археологии АН СССР. М., 1984. Вып. 179. С. 3–11.

⁴ *Седов В. В.* Начало городов на Руси // Труды V международного конгресса славянской археологии. М., 1987. С. 17; *Даркевич В. П.* Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.) // Вопросы истории. – 1994. – № 10. – С. 46–51.

кретной семье или лицу. В редких случаях, когда до разбора дела злоумышленник добровольно покидал свой род, племя или территориальную общину, члены социальной группы сообща («задружно») решали: искать его или считать этот поступок изгнанием из общины.

Конфликты между членами разных родовых или племенных коллективов разрешались путем возмещения причиненного вреда выкупом, но чаще кровной мезтью. Достаточным было наличие факта причинения вреда и установление не конкретного обидчика (вора или убийцы), а его принадлежности к чужому роду. Проявлением родовой солидарности была обязанность всех членов «обиженного» рода помочь потерпевшей стороне отомстить «чужаку» и его роду. Также каждый член рода должен был вложиться в выкуп за «своего», причинившего вред «чужому» сообществу. Эти правила отношений между потерпевшим и причинителем вреда, основанные на антагонизме «свой» – «чужой», диктовались суровыми условиями необходимости самосохранения родовой общины, борьбой за существование¹.

Предположительно в ряде случаев возникала необходимость преследования обидчика, и древние руссы, которые всегда имели при себе мечи², топоры, лук и стрелы, использовали их при актах мести. Обладая навыками превосходных охотников, они умели выслеживать обидчиков в болотистых густых лесах; установить время стоянки по теплу золы и углей от костра; по измятой траве или глубине следа определить рост и вес прошедшего человека, а также тяжело или легко он вооружен, шел с поклажей или налегке. Они поджидали своих врагов, сидя по голову в воде и дыша через тростник. В итоге, право русса находилось на острие его меча. Древнейший способ защиты собственного нарушенного интереса – самозащита – при примитивности и слабости зарождающегося государственного аппарата предполагал личный сыск, тождественный по форме и содержанию индивидуальной поисковой деятельности.

¹ Подробнее см.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства / *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Сочинения. Т. 21. С. 45–61; *Дробышевский С. А.* Политическая организация, право и доклассовое общество // *Правоведение.* – 1988. – № 5. – С. 34–38; *История первобытного общества. Эпоха классового образования.* М., 1982. С. 32–34; *Андреев И. Л.* Происхождение человека и общества. М., 1988. С. 21–26.

² *Даркевич В.* Происхождение и развитие городов Древней Руси // *Вопросы истории.* – 1994. – № 10. – С. 49.

Отголоски самозащиты и частного личного сыска фиксировали нормы подавляющего большинства древних памятников права: Законы Хаммурапи (XVIII в. до н. э.), Законы Ману (II в. до н. э. – II в. н. э.), Законы XII таблиц (середина V в. до н. э.), Салическая Правда (начало VI в.), Правда Этельберта и Правда Инэ (VII в.) и др. Лаконичным выражением сущности самоуправства как способа защиты нарушенного права стала римская сентенция «*Vim vi repellere licet*» – «Насилие позволено отразить силой» (Дигесты). Не явилась исключением и Русская Правда (XI–XII вв.).

Таким образом, можно предположить, что сыск возникает из социальной потребности защиты охраняемых обычным правом интересов общества и личности в форме частной индивидуальной поисковой деятельности (личный сыск).

2.2. Сыск в досудебном производстве Древнерусского государства: «свод» и «гонение следа»

В российской историографической традиции по истории сыска утвердился и стал исходным для большинства исследований тезис о возникновении сыска с момента образования государства и как функции его органов. Такой подход сразу же лишает возможности раскрыть и оценить назначение сыска в правосудии – важнейшем правовом институте, берущем свое начало в догосударственный период и представленном на ранних этапах становления государства в форме общинного установления на местах. Эта ранняя форма суда сосуществовала с другой, появившейся вместе с публичной властью, – центральным единоличным судом главы государства (князя, царя).

В Древнерусском государстве правовые обычаи, регулировавшие отношения между потерпевшим и причинителем вреда, не утратили значения, а развивались применительно к новым условиям. Признанные княжеской властью, они не только прочно вошли в массив обычного права, но и получили фиксацию в букве древнейших законов – Русской Правде. Так они составили первоначальное ядро древнейшего гражданского и уголовного права как материального, так и процессуального. В Русской Правде сообщается о древнейших процессуальных формах: «свод», «заклич» и «гонение следа».

«Свод» в массиве норм Русской Правды предстает как древнейший институт русского права. Одни авторы считали, что это очная

ставка¹, другие – начальная стадия процесса², третьи – особый порядок уголовного судопроизводства³, еще часть – инициативный розыск потерпевшим преступника⁴, а некоторые – метод сыска⁵. Знаменитый советский исследователь С. В. Юшков высказал точку зрения, что «свод» – это сложное юридическое понятие, которое не может быть разложено на составляющие части и которое изменялось во времени, по мере того как развивался судебный процесс в русском феодальном государстве⁶.

В Краткой Правде (ст.ст. 13, 14, 16) «свод» предстает как процедура изъятия собственником принадлежавшей ему вещи (коня, оружия, одежды, челядина) из чужого владения. В Пространной Правде (ст.ст. 35–39) «свод» получает дальнейшее развитие, перерастая в процесс розыска лица, совершившего кражу или присвоившего чужую вещь (челядина, коня, скота, одежды). Цель «свода» – возвращение вещи хозяину и возмещение причиненного ему материального ущерба.

«Свод» начинался с опознания собственником своей вещи. При доказательстве добросовестности приобретения вещи, опознанной первоначальным собственником, вещь оставалась во владении добросовестного приобретателя, но он был обязан указать потерпевшему на продавца. Если указанное лицо также подтверждало добросовестность своего приобретения спорной вещи, то оно тоже обязано было указать лицо, у которого оно приобрело данную вещь. «Свод» про-

¹ Эверс И. Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. Спб., 1835. С. 332; Морошкин Ф. Л. О владении по началам русского законодательства. М., 1837. С. 88; Неволин К. А. История российских гражданских законов. Спб., 1845. Т. 2. С. 110; Качалов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Вып. 1. Спб., 1880. С. 204, 212–214.

² Довернуа Н. Источники права и суд в Древней России. С. 172; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Дону, 1995. С. 588; Пахман С. П. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому в историческом их развитии. М., 1851. С. 133; Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды. Спб., 1859. С. 233; Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. Спб., 1910. С. 361–362.

³ Леонтович Ф. И. Русская Правда и Литовский статут // Университетские известия. Киев, 1865. С. 16–25.

⁴ Федоров А. В., Шахматов А. В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб., 2005. С. 30.

⁵ См., например, Елинский В. И. История уголовного сыска в России (X – начало XX в.). М., 2004. С. 5; Ковалев О. Г., Вагин Е. Г., Юдин Е. Г. Оперативно-розыскная деятельность. М., 2006. С. 5.

⁶ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 516–517.

должался до тех пор, пока не находился похититель вещи – «конечный тать»: «Кто будет виноват, на того татьба снидеть».

При этом в Краткой Правде утрата собственности связывалась с простым изъятием вещи из владения собственника: «Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо потр...». В Пространной Правде утрата фактического обладания вещью, находящейся в чьей-либо собственности, связывается как с ее уничтожением, так и с кражей: «что будет погубил или украдено у него что». Отсюда логично право собственника не только изъять вещь из чужого незаконного владения, но и разыскать похитителя. Поиск вора мог продолжаться и вне города или общины. Собственник утраченной вещи шел только до третьего «свода», после чего получал от лица, к которому привел «свод» и которому передавалось право его продолжения, стоимость пропавшей вещи.

По Пространной Правде свод начинался с заклика. «Заклич» отражен только в одной ее статье – 32-й. В контексте норм права он предстает как публичное извещение на городской торговой площади о бежавшем челядине (холопе), вероятно, с указанием его отличительных признаков: «а закличють и на торгу», т. е. как начальная стадия «свода» по поиску и изъятию холопа. Поэтому «заклич» – это не форма досудебного производства, а устное публичное объявление о пропаже холопа, которое следует отождествлять с «исковым прошением».

Таким образом, «свод» – это своеобразное общественно-правовое явление, содержание которого по мере развития судебного процесса изменялось. Во второй половине XI в. «свод» – это процедура виндикации вещи ее собственником (т. е. изъятие вещи собственником из чужого владения). В начале XII в. важной частью «свода» становится частный инициативный розыск собственником утраченной вещи ответчика. Поэтому характеристика «свода» не может быть сведена ни к стадии уголовного судопроизводства, ни к методу уголовного сыска в Древнерусском государстве. «Свод» – это досудебная процедура, имеющая содержанием розыск собственником вещи ее похитителя, в лучшем его исходе, а в крайнем случае – будущего ответчика в судебном процессе по поводу установления права собственности на спорную вещь.

В дальнейшем «свод» растворялся в процессуальных формах русского судопроизводства. Упоминания о нем находятся в памятниках права XIV–XVI вв.: Псковской судной грамоте и Уставных грамотах наместиничьего управления Московского государства: «а у кого что познают татебное, и тот сведет свод хотя и до десяти сводов».

Не менее сложным институтом древнерусского права предстает процедура «гонение следа». Она получила более позднюю законодательную фиксацию, чем «свод», а именно в Уставе Владимира Всеволодовича, около 1113 г. (Пространная Правда). В статье 77 Пространной Правды «гонение следа» выступает как правовая процедура поиска преступника, не пойманного на месте преступления, по оставленным следам. В специальной литературе обычно «гонение следа» связывают с судебно-административными обязанностями общины и ее круговой порукой¹, или признают древнейшей формой борьбы с преступностью, заключающийся в розыске преступника по горячим следам². Некоторые историки права рассматривают «гонение следа» как одну из досудебных процедур³, а часть из них – как метод уголовного сыска⁴.

Дошедшие до нас памятники материальной культуры и письменные источники дали возможность восстановить архетип процедуры «гонения следа». В обычной практике он как процессуальная процедура применялся при уводе лошадей, крупного рогатого, иногда – мелкого скота. При установлении процессуальных отношений обычай придавал формальное значение «крику» потерпевшего (по терминологии Русской Правды – «закличу») и наличию следов, свидетельствующих о понесенном ущербе. Закликать надо было без проволочки, по горячему следу. В противном случае община снимала с себя ответственность, и потерпевший (истец) не мог претендовать на ее помощь. На обязательное наличие следов, свидетельствующих о по-

¹ Попов А. Русская Правда в отношении к уголовному процессу. М., 1841; Ланге Н. И. Указ. соч.; Ефименко А. Я. Южная Русь: Очерки, исследования, заметки. Спб., 1905; Гейман В. Г. «Сочинение следа» в Белозерском уезде XVII в. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. М.–Л., 1960; Чельцов-Бебутов М. А. Указ. соч. и др.

² Мулукаев Р. С. Общеуголовная полиция дореволюционной России. Ее классовый характер. М., 1979. С. 3; Федоров А. В., Шахматов А. В. Указ. соч. С. 30.

³ Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М., 2003. С. 352.

⁴ Елинский В. И. История уголовного сыска... С. 5; Ковалев О. Г., Вагин Е. Г., Юдин Е. Г. Оперативно-розыскная деятельность. М., 2006. С. 5.

святельстве на собственность, как необходимое правовое основание для начала процедуры «гонения следа», указывают нормы Русской Правды (ст.ст. 69–71).

Выборный глава общины или его помощники, услышав крик, созывали общину и возглавляли ее на протяжении всей процедуры. Когда община была в полном сборе, первой ее задачей было «взять» верный след. Сходиться на след община была обязана в полном составе. Отсутствие кого-либо из ее членов должно было иметь веские основания, иначе оно влекло за собой в глазах общины и суда презумпцию виновности такого лица. Кроме того, если община «пригна-ла» след к соседнему селу в неполном составе, то его доказательность подвергалась сомнению.

Безошибочность следа гарантировалась «пробой» или «мерой», которую снимали при свидетелях. «Проба» представляла собой зарубку или отметину на палке, воспроизводящую размер следа. Палка расщеплялась пополам вдоль, и одна, контрольная мера, хранилась у истца, а другая находилась у «погонщиков» следа до конца процедуры.

Дойдя по следу до границы соседнего села, община была обязана «залечь» на нем, чтобы его не затоптать и сохранить. Пока община охраняла «след», ее выборные лица, перейдя границу, направлялись в дом тамошнего главы (старосты) с требованием собрать всю его общину, чтобы та «бралась за след».

«Выдача» (передача) «следа» была обставлена рядом формальностей. Во-первых, «след» могли передавать друг другу только общины, имевшие общую границу. Иначе община могла отказаться «взять след». Во-вторых, принимающая община могла отказать непосредственным соседям, если «след» не был подтвержден свидетельством представителей других общин, через территории которых он проходил, и которые нельзя было «оминуть», не нарушив обычая. В каждый момент процедуры в ней участвовали несколько сел: одни – в полном составе, другие – через выборных представителей.

Община следовала до третьей границы. В этом усматривается формальное сходство «свода» и «гонения следа», хотя первый не был связан с круговой порукой. Истец был обязан лично «подкреплять след» до конца, а потом взыскивать ущерб, поскольку только он мог удостоверить украденное имущество – «поличное».

Для удостоверения подлинности следов преступника к участию в «гонении следа» с самого начала привлекались люди из соседних сел: «а след гнати с чюжими людми, а с послухи». Соседние общины участвовали в полном составе или через своих представителей, которые были лишь свидетелями. В качестве таких свидетелей могли выступать и в прямом смысле «чужие люди», которые проживали на территории общины, но не были каким-либо образом связаны с ее членами и пострадавшим. Таким образом, субъектами «гонения следа» были все полноправные члены общины, и сама процедура была общинным установлением.

В качестве побудительного мотива в организации и проведении «гонения следа» всеми членами общины явно просматривается материальный коллективный интерес: «То по верви искати татя, ли платити продажу» (ст. 70 ПП); «А не отсочат от себе следа, ни едутъ на след или отбъться, то тем платити татьбу и продажу» (ст. 77 ПП). При этом штрафы были достаточно велики. Продажа за кражу с верви взималась в размере 12 гривен, т. е. 15 коров.

«Гонение следа» практиковалось и в случае обнаружения на территории общины трупа представителя княжеской администрации (ст. 20 КП, ст. 3 ПП) с целью розыска его убийцы. Однако в Краткой Правде закреплена диспозитивная норма, предоставляющая общине альтернативу правового поведения: «Любо оубицоу не ищуть, то вирное платити», т. е. искать убийцу или платить виру. Сама процедура розыска – «гонение следа» не была закреплена, вероятно вследствие того, что судебная практика в тот период основывалась пока еще больше на обычаях, чем на писанных законах. Закрепление процедуры «гонения следа» в Пространной Правде (спустя приблизительно 70–80 лет, учитывая хронологию развития текста Русской Правды), как следует из контекста ее ст.ст. 69–77, было продиктовано потребностью защиты растущей феодальной собственности.

Основанием ответственности общины за кражу или убийство на территории общины (верви) было доказательство, что преступник (вор, убийца) – ее член. Здесь проявлялся реликтовый принцип, уходящий корнями в родоплеменное прошлое, – каждый член союза обладал правом иметь за собой опору всего союза в силу принадлежности к нему. В силу тесных личных связей и общих материальных интересов, основанных на коллективном владении и пользовании землей

и круговой поруке, община не могла не встать на защиту своего члена и не вложиться в платеж. Следовательно, «гонение следа» было формой досудебной стадии древнерусского судебного процесса, основанной на принципе коллективной взаимопомощи членов сельской общины. Сохранение и закрепление «гонения следа» законодательными мерами предоставило государству возможность осуществлять поиск и изобличать преступников преимущественно силами общества. Кроме того, общинный принцип коллективной взаимопомощи государственная власть поставила на службу собственным фискальным интересам, ретранслируя его в закреплённую законом круговую поруку.

Таким образом, «свод» и «гонение следа» – это сложные формы досудебного производства, начальные стадии состязательного судебного процесса, имеющие своим содержанием частную инициативную поисковую деятельность (индивидуальную, коллективную), побудительными мотивами которой выступает материальная заинтересованность субъекта (частного лица – потерпевшего, коллектива – сельской общины). В этой связи «свод» и «гонение следа» не могут быть признаны ни формами, ни методами сыскной деятельности.

Правовые досудебные процедуры «гонение следа» и «свод» происходят из общего источника – правовых обычаев, регулировавших отношения между потерпевшим и обидчиком в догосударственном обществе, важнейшей характеристикой которого являются принципы коллективной взаимопомощи. По Русской Правде на том же принципе коллективной взаимопомощи было основано право лица, в случае нарушения его личного и (или) материального интереса, обращаться к содействию со стороны всего сообщества, инициируя «свод» и «гонение следа». Правовые нормы, упорядочивающие «свод» и «гонение следа», – диспозитивные и соответствовали характеру и сущности состязательного судебного процесса. Возбуждение судопроизводства «сводом» являлось правом, а не обязанностью потерпевшего. В случае пропажи вещи потерпевший сам решал: защищать или не защищать нарушенные вещные права, а следовательно, искать или не искать ответчика, возбуждать или не возбуждать «свод». В случае кражи и убийства на территории сельской общины (верви) ее коллектив сам решал: выступить в качестве ответчика и выплачивать государству крупный штраф или возбудить «гонение

следа» и приступить к розыску преступника. В «гонении следа» община выступала коллективным субъектом.

Важнейшей частью содержания этих двух форм досудебного производства является частная поисковая инициатива, нацеленная на поиск ответчика. Право лица или общинного коллектива на производство розыскания ответчика возникает при условии наличия указанных в законе формальных правовых оснований (опознание пропавшей вещи, наличие следов кражи, наличие тела убитого, которого к тому же обязательно нужно опознать). Частная инициативная (индивидуальная и коллективная) поисковая деятельность в эпоху Русской Правды приобрела правовые основания и интегрировалась в состав досудебного производства как его неотъемлемый компонент.

2.3. Сыск как функция органов Древнерусского государства IX–XII вв.

С момента возникновения государства как составная часть его формирующейся судебной функции в форме единоличного суда главы государства зарождается уголовный сыск, субъектом которого выступали примитивные государственные органы и уполномоченные княжеской властью должностные лица, т. е. в публично-правовой форме. Государственный интерес, говоря словами И. А. Ильина, состоит в «усовершенствовании совместной жизни посредством установления и поддержания справедливого правопорядка»¹.

В арабско-персидских источниках, датированных началом X в. (903–913 гг.), содержатся сведения об организации власти и судопроизводства у русов в дохристианский период. В них отмечается, что у русских этносов «есть царь, называемый хакан русов», обладавший судебной властью, и «если один из них (русов – Т.М.) возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым (они) препираются». Арабские авторы также приводят сведения, однозначно указывающие на судебные функции глав протогосударственных политических союзов у восточных славян: «Глава их коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают... если поймает царь в стране своей вора, то либо приказывает его удушить, либо отдает под надзор одного из правителей на окраинах своих владений»².

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 112.

² Цит. по: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 367–379.

Зарождение уголовного сыска непосредственно связано с процессом развития в X–XIII вв. княжеской власти и ее законодательной и судебной функций, выразившихся в кодификации права и становлении административно-судебных органов. В конце X века в княжение Владимира Святославовича распространились разбои, о чем сообщает одно из преданий Повести временных лет: «И умножишася зело разбоеве...». Князь Владимир по совету епископов ввел смертную казнь за убийство в разбое. Сообщение о распространении разбоев помещено хронологически после принятия христианства в качестве государственной религии. После принятия христианства в 988 г. полного и быстрого перелома в образе мышления и отказа от верований прадедов и бытовых суеверий не произошло. Усиление разбоев могло быть побочным следствием принятия христианства и проявлением в такой уголовной форме протеста части населения против княжеской политики в вопросах веры. Вскоре по настоянию бояр смертная казнь за разбой была отменена и заменена денежными вирами. При этом, согласно тому же летописному рассказу, также по совету епископов князем Владимиром по делам о разбоях было введено предварительное расследование: «Достоин ти казнити разбойника, но со испытном».

Кому князь поручал проводить «испыт» по делам об убийстве в разбое, может подсказать летописный рассказ под 1071 г. о борьбе с волхвами в Белоозере. Волхвы – это жрецы в Древней Руси, поклоняющиеся языческим славянским богам, а по народным поверьям – кудесники и волшебники. Волхвы, сопротивлявшиеся христианизации населения еще длительное время имели влияние на народ¹. Под их предводительством в XI–XII вв. вспыхивали народные восстания, вызванные стихийными бедствиями, неурожаем и голодом. Простолюдины верили, что волхвы, обладающие навыками общения с силами природы, могли устранить причины их страданий. Например, под 1024 г. в Повести временных лет сообщается, что во время голода в Суздале «по дьяволу наущенью и беснованью» появились волхвы, которые избивали стариков, скрывавших, по их словам, урожай. Летописный рассказ под 1071 г. повествует о деле белозерских волхвов-смердов, расследованного княжеским воеводой Яном Вышатичем.

---

¹ Подробнее см.: Советский энциклопедический словарь. М., 1979. С. 245; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 300–445.

В 1071 г. во время неурожая в Ростовской земле появились два волхва из Ярославля, прошедшие по рекам Волге и Шексне, с присоединившимися к ним тремя сотнями людей. Волхвы утверждали, что «знатные жены» прячут в своем теле зерно, мед, рыбу, меха. Веря этому, люди приводили к ним своих жен и дочерей, на спине которых волхвы разрезали кожу и делали вид, что вынимают оттуда продукты и меха, «убивали многих жен, а имущество их забирали себе». В том же году на Белоозеро прибыл княжеский воевода, киевский тысяцкий Ян Вышатич, и «поведали белозерцы» ему о происходящем. Воевода расспросами выяснил, что волхвы являются смердами великого князя, и потребовал от сопровождавших их людей выдачи «кудесников». Получив отказ, он отправился с вооруженным отрядом из двенадцати отроков на поимку волхвов. В ходе вооруженного столкновения волхвам и оставшимся в живых их сподвижникам удалось скрыться в лесу. Тогда Ян Вышатич потребовал их поимки и выдачи от белозерцев: «Если не схватите этих волхвов, не уйду от вас год»¹. Белозерцам выгоднее было поймать и сдать волхвов, чем год содержать великокняжеского воеводу и его окружение. По окончании расследования, проведенного воеводой, волхвы были казнены. Примечательно, что в данном сюжете конца XII в. преследование деяний, рассматриваемых властью как особо опасных, выглядит ординарной функцией княжеского тысяцкого.

Древнейший памятник права – Краткая Правда сообщает, что тысяцкий был не единственным княжеским агентом со следственно-сыскными полномочиями, в ней упоминаются члены княжеской дружины – ябедник и мечник. Ябедник выделялся среди других дружинников знанием законов и правовых обычаев и организовывал судопроизводство², а мечник состоял при посаднике специально для «имания и предоставления к суду не только татей, а вообще обвиняемых в каких бы то ни было преступлениях»³. Судя по Краткой Прав-

¹ См.: Повесть временных лет / подгот. текста и примеч. О. В. Творогова; пер. Д. С. Лихачева // Повести Древней Руси XI–XII вв. М., 1983. С. 105.

² Подробнее см.: Болдин И. Правда Русская и законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. Спб., 1792. С. 45; Мрочек-Дроздовский П. О древнерусских ябедниках: Общественная история и древность Российская. М., 1884. Кн. I. С. 98; Рыбников В. В., Алексушин Г. В. История правоохранительных органов отечества. М., 2007. С. 9.

³ Мрочек-Дроздовский П. Исследования о Русской Правде. М., 1885. С. 27.

де, в XI в. уже функционировали особые судебные должности вирников, мешальников и емецов (ст.ст. 1, 42).

Вирник был особо важным должностным лицом. Объезжая вверенный ему округ, он от имени князя поводил суд и взыскивал виру (денежный штраф), при этом, как отмечали некоторые дореволюционные исследователи, изобличал преступников и осуществлял их розыск¹. Его помощником был мешальник. Название этой должности происходит от слова «мешь», что значит «метка». Метки мешальник ставил на специальных палочках, ведя таким образом учет принятых в виру денег или вещей². В XII в. штат помощников вирников дополняется отроками. Отроки, по мнению одних исследователей, были «нижними служителями по делам гражданским»³; по мнению других, – приставами при судах, наблюдавшими за тем, «чтобы законные постановления в точности были выполнены»⁴.

В литературе высказывалось мнение, что в конце XI в. княжеская власть установила вирные округа, стремясь искоренить устойчивый обычай кровной мести и предотвратить убийства («отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати»; Правда Ярославичей). Несмотря на запрет законом кровной мести – этого первобытного способа уголовного возмездия, «народ, считавший ее как бы священной обязанностью, не мог вдруг остановить этот обычай, и потому нередко совершались убийства, а убийцы скрывались от преследования закона»⁵. В первой половине XI в. общество, допуская кровную месть, в то же время считало преступника бесправным, ставя его на «поток и разграбление» – изгнание из общины, лишение всех прав обвиненного в убийстве («поток») и предоставление его имущества любому члену общины («разграбление»). С первой трети XII в. «поток и разграбление» стали заключаться в выдаче преступника, его семьи и имущества князю (Пространная Правда).

В литературе бытует мнение, что в случае обнаружения трупа на территории общины для розыска его убийцы практиковалось «гоне-

¹ См.: Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. Спб., 1843. С. 98.

² Иванов П. Следопроизводитель, или Обозрение постановлений, руководствующих к познанию порядка производить исследования. Введение. Спб., 1834. С. 4–5.

³ Куницын А. Указ. соч. С. 69.

⁴ Болдин И. Указ. соч. С. 39. См. также: Рыбников В. В., Алексушин Г. В. Указ. соч. С. 14.

⁵ Чеклогов П. Об органах судебной власти в России от основания государства до вступления на престол Алексея Михайловича. Казань, 1855. С. 11.

ние следа». При этом ссылаются на статьи 19 и 20 Краткой Правды и статьи 3–5 Пространной Правды, выводя из их содержания общее положение: если на территории общины обнаружен труп, а она не желает искать или выдать уже известного преступника, то платит дикую виру. Действительно, в Краткой Правде, четко указано, что если будет обнаружен труп огнищанина, то община имеет альтернативу: «любо оубицоу не ищуть, то вирное платити». Однако законодатель ограничился только этим указанием и повторил его в Пространной Правде. Плата была высока: в сумме равной стоимости стада из 50 (40 гривен) или 100 (80 гривен) коров.

Вместе с тем, принимая во внимание тесные соседские и родственные связи внутри общины и крупные размеры штрафов, трудно предположить, что древнее формальное правило: «Куда приведет след, там и преступник», – было тождественно содержанию сентенции: «Где находится труп, там и убийца». Всякий убийца мог перетащить труп убитого им на территорию чужой верви и таким образом сложить с себя и своей общины виру. Следовательно, ответственность за убийство могла понести та община, которая и сама могла бы выступить субъектом получения головничества (платы за жизнь) за своего убитого сочлена. Простой практический опыт должен был убедить в ложности презумпции: «где труп, там и убийца».

Кроме того, презумпция «где труп, там и убийца», исходящая из содержания статьи 3 Пространной Правды: «Где голова лежит, та вервь и платит», – противоречит наиболее ранней редакции этой нормы об убийстве в разбое. Так, ст. 20 Краткой Правды гласит: «А же убьют огнищанина в разбои, или убица не ищуть, то вирное платити, в ней вири голова *начнет лежати*» (выделено мной – Т.М.), т. е. убийца там, где было первоначальное место преступления. Версию о том, что в основании ответственности общины за убийство лежит презумпция «убийца там, где было первоначальное местонахождения трупа», впервые в юридической литературе в конце XIX в. высказал С. Д. Гальперин¹. Он полагал редакцию статьи 3 Пространной Правды неточной вследствие ошибки в позднейших списках переписчика, который в грамматическом соответствии с совершенным видом глагола «платить» написал: «Голова лежит». Отсюда напраши-

¹ Гальперин С. Д. Очерки первобытного права. Исследование. Спб., 1893. С. 210–211.

вается предположение, что определяющим фактором в конкретизации общины, ответственной за убийство в разбое и обязанной провести «гонение следа» или выплатить штраф, выступает необходимость установления первоначального места преступления и всех его обстоятельств. Поэтому осмелимся полагать, что формулировка статьи 20 Краткой Правды: «Где голова начтет лежати», – несет в себе установку на действия княжеских представителей по выяснению места и обстоятельств убийства. Как и факт наличия княжеских агентов, наделенных судебными функциями, она указывает на зарождение сыска как функции судебных органов государства в XI в., но еще не дает оснований утверждать о нем как о самостоятельной публично-правовой деятельности в целях борьбы с преступностью.

Публично-правовой характер уголовного сыска в этот период исключен по причине состязательности судебного процесса по всем правонарушениям, в том числе убийствам в разбое. Из текста Пространной Правды (ст. 19) следует, что если убитый никому неизвестен или труп уже нельзя опознать, то ни расследования, ни суда не было. Судебный процесс по Русской Правде не мог начаться без истца, а в случае убийства истцом мог быть только родственник убитого, который и требовал от верви, в пределах которой обнаружен труп, чтобы она помогла обнаружить убийцу, или обращался к помощи представителей власти.

Причиной заинтересованности государственной власти в преследовании преступлений был ее фискальный интерес получить с ответчика уголовный штраф. Вся система наказаний по Русской Правде – «поток и разграбление», вира, продажа – свидетельствует, что государственная власть рассматривала свои функции как источник дохода, а интересы общественного порядка и спокойствия ставила на второй план. Поэтому органы судебной власти активно оказывали пострадавшим помощь в проведении «свода» и «гонении следа», так как были заинтересованы в получении вир и продаж с самих преступников или общин, в которых те могли укрыться. Из Краткой Правды (ст.ст. 40–42) следует, что мечники и емецы за помощь в поиске воров получали от потерпевших вознаграждение (куна – мечнику, 70 кун – емецу), а вирники – корм с населения.

Емец (ст. 41 КП), по мнению одних авторов, – это княжеский чиновник и поимщик вора, являющийся первым сыскным агентом в

истории Русского государства¹, по мнению других, – это «по крайней мере не непременно княжеский чиновник»², а любой человек, взявший на себя добровольно обязанность поймать вора и действительно его поймавший. Наконец, согласно третьей точке зрения, опирающейся не только на анализ норм Русской Правды, но и на археологические данные, а поэтому и более обоснованной, емец, как и мечник, – это известное с конца XI – первой четверти XII вв. должностное лицо (княжеский агент), собиравшее государственные доходы с податного населения³.

Свидетельства об участии должностных лиц в делах частного обвинения доносят берестяные грамоты. Древнейшая берестяная грамота № 247, датируемая примерно серединой XI в., содержит сообщение о ложности заявления о краже со взломом с ущербом в 40 резан: «Обвиняет этого [человека] в ущербе на 40 резан. А замок цел и двери целы, и хозяин по этому поводу иска не предъявляет. Так что накажи штрафом того обвинителя»⁴. Автор грамоты, который по всей видимости был участником досудебного расследования этого дела, требовал наказать обвинителя-клеветника. Автор другой берестяной новгородской грамоты XI в. № 109 писал: «Грамота от Жизномира к Микуле. Ты купил рабыню в Пскове. А ныне за это меня задержала княгиня. А ныне за меня поручилась дружина. А ныне пошли-ка к тому мужу грамоту, есть ли у него рабыня. И вот я хочу, купив коня и на него посадив князя мужа, потом на свод»⁵. Из данного текста следует, что в поисках украденной и перепроданной рабыни, принадлежавшей псковичанину, был задействован княжеский слуга, хотя и расходы по делу нес ответчик. Поручение по розыску рабыни «княжий муж» получил, вероятно, от княгини, задержавшей Жизномира по жалобе истца. Из фразы «купив коня и на него посадив княжьего мужа, потом на свод» усматривается, что целью поездки княжеского представителя было выявление истинного похитителя.

¹ См.: *Власов В. И., Гончаров Н. Ф.* Организация розыска преступников в России в IX–XX веках (историко-правовое исследование). Домодедово, 1997. Ч. I. С. 9–10.

² Российское законодательство... Т. I. С. 63.

³ *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности // Вестник РАН. – 2000. – Т. 70 (№ 8). – С. 675–680; *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI. М., 2004. С. 5.

⁴ *Арцеховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958. С. 41.

⁵ Там же.

И, наконец, берестяная грамота № 907, относящаяся к началу XII в., – письмо некоего человека Тука к известному по летописным текстам посаднику Гюряте Роговичу: «Грамота от Тука к Гюряте. Крали-то братнины холопы, [крали] у брата. А теперь он (хозяин дома), сговорившись с родственниками, свалил [все] на эту кражу, вместо [того, чтобы объявить] о той краже. А у него (в его ведомстве) действительно украдено, ан ведь он взял (за свое молчание) у Иванкова смерда три гривны, а кражу княжеского имущества скрыл». Есть предположение, что эта грамота является частью деловой переписки о краже княжеского имущества. Из текста грамоты следует, что Гюрята поручил Туку расследовать это дело. Тук установил, что кражу совершил смерд некоего Иванки, а хозяин дома, где произошла эта кража, вероятно, хранившее княжеское имущество должностное лицо, взял за свое молчание со смерда взятку в 3 гривны. Вероятно, через какое-то время недостача была обнаружена, а незадолго до этого в доме «чиновника» случилась другая кража, и теперь он утверждал, что тогда же было украдено княжеское имущество¹. Однако, судя по отчету, Тук успешно расследовал дело. Эта грамота, как и летописный рассказ о преследовании волхвов тысяцким Яном Вышатичем, определенно дают основания полагать, что расследование деяний, посягающих на интересы княжеской власти, не ставилось в зависимость от правовых обычаев и законов и проводилось по инициативе государства на императивных началах.

Таким образом, источником формирования публично-правовой формы сыска – уголовного сыска как функции административно-судебных органов – являлось активное участие государства в своих фискальных целях в делах частного обвинения. В XI в. княжеские представители (мечники, мешальники, отроки, емецы, приставы, рекрутируемые либо из княжеских холопов, либо из лиц, находящихся на княжеской службе) проводили розыск преступников по личному поручению князя или по просьбе потерпевших, получая за это от них материальное вознаграждение. На этой основе в XII в. роль государства в организации преследования преступников усиливается, уголовный сыск как неотъемлемая часть досудебного производства становится постоянной функцией административно-судебных чиновников на мес-

---

¹ Янин В. Л. У истоков новгородской... С. 678–679; Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты... С. 100.

тах – вирников. Второй предтечей уголовного сыска является сложившаяся в XII в. практика расследования деяний против княжеской власти, имевшая императивные, но не правовые основания.

Таким образом, генезис сыска в Древнерусском государстве проходил в двух тесно взаимодействующих формах: частноправовой и публично-правовой (уголовный сыск). Частноправовая форма сыска сложилась на основе закрепления правовых норм, регламентирующих досудебное производство потерпевшим и возможным ответчиком в делах о кражах и убийствах. Публично-правовая форма уголовного сыска формируется из регламентированного правом участия представителей княжеской власти на местах (дружинников и лиц, исполнявших административно-судебные функции) в делах частного обвинения в части разыскания обидчиков и доставления их в суд за материальное вознаграждение от истцов и еще не урегулированной правом практики расследования действий, угрожающих интересам самой княжеской власти, но уже основанной на императивных началах.

Тема 3. РОССИЙСКИЙ СЫСК В XIII–XIV ВВ.: ЭВОЛЮЦИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ФОРМЫ СЫСКА

3.1. Предпосылки возрастания роли публично-правовой формы сыска.

3.2. Организация сыска в русских феодальных республиках – Новгородской и Псковской.

3.3. Организация сыска в Московском государстве в XIV–XV вв.: становление сыскного судебного процесса.

3.1. Предпосылки возрастания роли публично-правовой формы сыска

В истории российской государственности XIII–XV вв. – это период, охватывающий два этапа. Первый – XIII–XIV вв. – является частью периода политической раздробленности (XII – начало XIV вв.); второй – XIV–XV вв. – частью периода становления русского централизованного государства (начало XIV–XVI вв.), важнейшим содержанием которого является формирование Московского государства (XIII–XV вв.).

В период политической раздробленности принципиальных изменений в государственном строе русских земель не произошло. Образовавшиеся к XII в. крупнейшие русские княжества (Ростово-Суздальское, Рязанское, Галицко-Волынское и др.) обладали однотипным общественным и государственным устройством. Существенные отличия имелись в двух русских землях – Новгороде и Пскове, где сложился республиканский строй. Поэтому в XIII–XIV вв. в русских землях сложились две обособленные правовые системы.

В монархических государствах – княжествах – право все больше приобретало форму законодательных актов князей. В основе законодательной деятельности князей лежала сосредоточенная у них же властно-административная деятельность. Князья являлись «органом суда и правды»¹, и отправление правосудия было одной из важнейших их обязанностей. Главным судебным местом был «княжеский двор». В отправлении судебных функций князь и его двор, как и в раннефеодальный период, опирались на особый аппарат княжеских судебных агентов – «дворян».

В Новгородской и Псковской феодальных республиках право развивалось на основе товарообменных отношений и строилось на более демократических началах. Нормы обычного права быстро при-

---

¹ Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. Опыт по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 158.

способливались к развивающимся товарно-торговым отношениям. Судебные функции разделяли князь и представитель новгородской общины – посадник, осуществлявшие «сместной» (т. е. совместный) суд. Отсюда и более сложный состав состоявшего при суде аппарата служащих. В него входили княжеские представители – «дворяне» и представители от новгородской общины – «приставы».

Княжеские уставы и грамоты, Русская правда и здесь были источниками права, наряду с постановлениями вечевых (народных) собраний республик. Однако основными источниками права в Новгороде и Пскове были Новгородская (середина XV в.) и Псковская (конец XIV – середина XV вв.) судные грамоты, утвержденные на вечевых (народных) собраниях республик. Новгородская судная грамота дошла до нас в виде отрывка в московской редакции 70-х гг. XV в., содержащем только нормы процессуального права. Псковская судная грамота, известная в двух списках – копиях, сделанных, как считается, в специальной литературе, с более ранней рукописи конца XVI – начала XV вв. В своей основе она имела постановления князей, судебную практику, вечевые документы, а также нормы Русской Правды.

В Московском государстве продолжала действие Русская Правда (в Сокращенной редакции). К моменту начала централизации великим князем были изданы Двинская уставная грамота (1397–1398 гг.), а позже – Запись о душегубстве (1456–1462 гг.). В конце XV в. усилившаяся московская великокняжеская власть в целях упорядочения суда и судопроизводства на обширной и подконтрольной ей территории издает первый свод права русского суверенного государства – Судебник 1497 г. При этом московское право сохраняло связь с обычным правом и опиралось на него, указы князей не предшествовали практике, а неуклонно следовали за ней¹.

Памятники права периода XIII–XV вв. свидетельствуют о возрастании значения публично-правовой формы организации сыска. Ее усиление было обусловлено углублением социально-экономической дифференциации населения, укреплением государства и развитием его аппарата, а также сменой доктрины формирующегося уголовного права с «частноправовой» на «публично-правовую».

Непосредственной правовой предпосылкой роста роли государства в преследовании преступников стало формирование в законода-

---

¹ *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древнейшей истории русского права. Спб., 1869. С. 27.

тельстве понятия преступления как деяния общественно опасного и запрещенного нормой права. Доктрина «частной обиды», последовательно и ярко выраженная в Русской Правде, постепенно сменялась пониманием преступного как деяния, наносящего вред государственным интересам и социальному благу (устоев общества), в том числе интересам личности. В источниках права рассматриваемого периода (в особенности в Псковской судной грамоте и Записи о душегубстве) измена, разбой, грабеж, убийство и кража рассматриваются как деяния, наносящие вред не только отдельным частным лицам, но и обществу, и государству в целом. Эти противоправные деяния не только были отнесены к княжеской юрисдикции (в том числе и в Пскове, тяготевшего на всем протяжении своей истории к союзу с великокняжеской властью¹), но и суммы от высоких штрафных платежей за их совершения поступали уже не потерпевшему, а распределялись между князем, посадником и государственной казной. Более того, вводится новый вид наказания – смертная казнь за преступления, представлявшие тогда особо опасными. Например, в Псковской судной грамоте к ним были отнесены измена, поджог, кримская кража и конокрадство (ст. 7); в Двинской уставной грамоте, имеющей в своей основе как нормы Русской Правды, так и близкой к нормативным актам Новгородской республики, – рецидивная (третья) кража (смертная казнь через повешение); в Белозерской уставной 1488 – убийство и разбой (ст. 10); наконец, в Судебнике 1497 г. – разбой, грабеж и убийство в разбое (ст.ст. 8, 9, 39). Материальная ответственность постепенно уступает место личной, и наказание приобретает цели возмездия и устрашения.

По меткому замечанию историка права Н. П. Загоскина, правовым рубежом между частным воззрением на преступление как «обиду» и государственным воззрением на преступление и наказание является Псковская судная грамота². В Псковской судной грамоте уже в первой статье однозначно определено, что разбой, «наход» и грабеж подлежат компетенции княжеского суда. Разбой и грабеж в ней четко не разделены, но под ними в целом понимается злостное избиение, сопряженное с насильственным отнятием имущества³. Наход – это вооруженная борьба между феодалными собственниками за владе-

¹ Российское законодательство... Т. 1. С. 324.

² Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892. С. 30.

³ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 48–49.

ния. Аналогичное преступление было указано в Новгородской судной грамоте, но называлось «наезд»¹, также отнесенный к княжеской юрисдикции.

Смена уголовно-правовой доктрины повлекла изменения в характере и целях судопроизводства: от восстановления прав потерпевшего в результате правонарушения лица к карательному, защите уже не частного, а социального интереса, представленного государством. Как следствие, лица, совершившие преступления, преследуются органами государства. В судопроизводстве, несмотря на сохранение состязательного судебного процесса, возрастает значение досудебного следствия силами государства.

Таким образом, основной предпосылкой укрепления публично-правовых основ сыска и превращения его в неотъемлемую часть правоохранительной функции государства стало формирование в этот период понятия преступления как общественно опасного деяния, и дальнейшая эволюция института наказания от материальной (гражданско-правовой) к личной (уголовной) ответственности.

3.2. Организация сыска в русских феодальных республиках – Новгородской и Псковской

Возрастание значения досудебного следствия силами государства, несмотря на сохранение состязательного процесса, демонстрирует ряд статей Псковской и Новгородской судных грамот и восполняющие их содержания берестяные грамоты.

Судебный процесс начинался с подачи искового заявления, однако суд должен был провести расследование («обыскати»)², которое заключалось в установлении факта преступления, исследовании его следов, допросе обвиняемого, опросе свидетелей – «послухов», обнаружении и сохранении доказательств.

В Псковской судной грамоте устанавливалось, что по делам об убийстве, поджоге и «перевете» (государственная измена) суд начинается без предъявления иска. Это означало, что истцом по таким делам выступало само государство в лице судебных органов. Для обеспечения деятельности суда и производства этого примитивного расследования при судах учреждались специальные должностные лица. В Новгороде это были шестники, подвойские, софьяны, биричи, из-

¹ Там же. С. 51.

² См.: Псковская судная грамота (1397–1424), ст.ст. 20, 57, 60, 64, 65, 98 // Российское законодательство... Т. 1. С. 333, 337–338, 340.

ветники, в Пскове – подвойские (при торговых судах), дворяне и приставы (при совместном суде князя и посадника). Их роль в судопроизводстве постепенно возрастала. Они вызывали в суд тяжущихся, объявляли им приговоры, исполняли судебные решения, охраняли тюрьмы.

Самое раннее упоминание о дворянине как судебном должностном лице содержит Русская Правда: «Аже утяжнуть в муке, а поседить у дорянина 8 ногат за ту муку»¹. О дворянах, как лицах, занимающих должности княжеских посадников и тиунов и участвующих в важнейших совещаниях при князе, упоминают летописи, относящиеся к первой трети XIII в. (владимирское летописание)². В новгородских договорных грамотах с тверским князем Ярославом Ярославичем 1264 г., 1266 г. и 1270 г. дворяне выступают как должностные лица (и одновременно землевладельцы) с судебными обязанностями³. В договорной грамоте 1270 г. также упоминается пристав: «<...> приставов не приставляти»⁴.

По Новгородской судной грамоте (ст. 41) обязанностью дворянина был вызов сторон в суд: «А кто позовет в селе позовкою или дворянином, ино дать срок на сто верст две недели...»⁵.

В Псковской судной грамоте дворянин и пристав упоминаются в одной статье, определявшей порядок выемки приставом имущества (ст. 66): «А который пристав или дворянин возьмет своему узду (истцу) конь...»⁶. Пристав – это служащий при суде. Эти судебные должностные лица могли действовать совместно, о чем красноречиво свидетельствует берестяная грамота № 19, датируемая XV в. В ней сказано: «Надо бы дворянина, а пристав-то здесь»⁷.

Новгородские биричи и псковские приставы разыскивали и задерживали преступников и доставляли их в суд⁸. По данным берестяных грамот, бирич – это судебный исполнитель. Он доставлял и рассылал повестки в суд (бирици), приводил в суд ответчиков, вызывал в

¹ Российское законодательство... Т. 1. С. 341.

² Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 119.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.–Л., 1949. С. 10–12.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Российское законодательство... Т. 1. С. 308.

⁶ Там же. С. 341.

⁷ Арцеховский А. В. Новгородские грамоты на бересте... С. 20.

⁸ См.: Новгородская судная грамота, ст.ст. 23, 39; Псковская судная грамота, ст.ст. 60, 64, 98 // Российское законодательство... Т. 1. С. 306, 308, 337, 338, 340.

суд свидетелей, объявлял решения суда и приводил их в исполнение (совершал наказания железом, взимал денежные штрафы). Ему также поручалось объявлять народу распоряжения властей. Есть данные, доказывающие, что биричи (как и детские, ябедники, дворяне) принадлежали к одному суду – княжескому.

Псковские приставы (а также подвойские, позовники, ограмочи) вызывали тяжущихся в суд и участвовали в мировой сделке, если спорящие стороны отказывались от судебного поединка – «поля». Псковские приставы имели полномочия арестовать обвиняемого, с применением силы: «а поедет человека позвать на суд, или росковати, или сковати»¹. Они также проводили следственное мероприятие – обыск в современном его понимании как действие, заключающееся в принудительном обследовании помещения с целью обнаружения и изъятия предметов и ценностей, добытых преступным путем и имеющих значение для расследуемого дела: «и найдут в дому его (вора) что полишное, и он тот же тать, а не найдут в дому его, и он свободен»².

Замещали должности судебных приставов и служащих средние и мелкие феодалы. Судебным приставом в Пскове мог быть как «княжий человек», так и «псковитин» (ст. 64): «А которые пристави княжей человек или подвойской или псковитин, а поедет человека позвать на суд...». Эта должность приносила им доход, иногда даже значительный, так как все их услуги оплачивались либо лицами, обращавшимися в суд, либо, по исходу дела, лицом, признанным виновным. В случае уличения пристава «в неправде» он лишался своей должности³.

Однако Двинская уставная грамота⁴, имеющая в своей основе нормы Русской Правды, еще указывает на обязанность местного населения найти преступника, в случае совершения на их территории убийства, или же выплатить коллективный штраф: «ине душегубца изыщут; а не найдут душегубца, ине дадут наместником десять руб-

¹ Российское законодательство... Т. 1. С. 338.

² Псковская судная грамота (1397–1424), ст.ст. 60, 98; Российское законодательство... Т. 1. С. 337, 340.

³ См.: Новгородская судная грамота, ст.ст. 10, 23; Псковская судная грамота, ст.ст. 64, 67; Российское законодательство... Т. 1. С. 305, 308, 338.

⁴ Двинская уставная грамота была издана Великим князем московским в тот период, когда Двинская земля, принадлежавшая Новгородской республике, была под властью Московского княжества.

лев»¹. В Двинской уставной грамоте упоминается и «свод» (ст. 5), но уже как средство поиска татя (вора), который теперь рассматривается не как вероятный ответчик, а как преступник.

Параллельно этому процессу средствами правового воздействия ограничивается частноправовая форма организации сыска («свод» ограничивается до 10 «изводов»), но и подтверждается обязанность общины разыскивать преступника. Однако «свод» сохраняется в последующие столетия. Так, в новгородской берестяной грамоте, относящейся к концу XIV – началу XV вв., сообщается о результатах «свода»: «... у меня коня опознали, и я, господин, к коню взываю [того, от кого конь получен], а он [этот человек] к коню не едет. А я, господин, за того коня... Дай мне, Господь, свет [Божий] увидеть... поручился»². Автор грамоты – незаконный владелец спорной вещи (коня) сообщает, что на «своде» доказывая правовые основания владения, сослался на своего поручителя, а тот пропал и не объявляется.

Об активном участии в досудебном производстве должностных лиц, состоящих при судах, сообщают новгородские берестяные грамоты (№ 96, 466, 496, 521, 724). Например, берестяная грамота № 466, датированная первой половиной XV в., содержит сообщение об убийстве: «[у такого-то] Софонтий во дворе человека убил, а остальные пропали без вести, а имущество он взял. Как, господин, распорядишься?»³. Эта грамота, как и многие другие, обнаружена на месте бывшей усадьбы новгородского посадника. Учитывая это обстоятельство, напрашивается предположение, что это отрывок из доклада должностного судебного лица, возможно, пристава, о расследовании убийства.

В том же месте была обнаружена грамота № 496 (вторая четверть XV в.), автор которой сообщает о грабеже и разбое: «Я должен сказать только вот что (букв.: За мною никаких речей [кроме следующей]). Напали разбоем на Михайлицын двор, на Михайлицына сына Иванка-дворника, – а [это были] Жигаля с сыном Офоносом, Игнатко Симуев с братом Макхимком, Василь Вечерко, Грихно, Василько и Климентейко Стехновы, Мартын Татая (?), Храп, Селюев крестник, – да двор разграбили и имущество захватили; да у Елизаря верх житницы и двор разграбили, а людей перебили и переранили.

¹ Российское законодательство... Т. 2. С. 181.

² Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 552.

³ Там же. С. 451.

Я в том селе не один был. А это происходило всю неделю до Проклова дня»¹. Адресат грамоты тот же – новгородский посадник. Еще более раннее свидетельство – берестяная грамота № 724, датированная концом XII – началом XIII вв., сообщает о «доводке» – расследовании обстоятельств судебного дела.

Таким образом, совокупность вышеизложенных исторических фактов о развитии уголовного права и государственного аппарата Новгородской и Псковской республик наталкивает на суждение о досудебном расследовании уголовных дел должностными лицами при судах. В судебном процессе русских феодальных республик формируются следственно-разыскные начала. В досудебной подготовке дел все большую роль приобретает уголовный сыск, реализуемый судебными должностными лицами.

3.3. Организация сыска в Московском государстве в XIV–XV вв.: становление сыскного судебного процесса

В таком же направлении усиления роли государства эволюционирует организация сыска в Московском княжестве, ставшем центром объединения русских земель в единое централизованное государство. Одним из средств укрепления суверенитета московского князя над другими властителями в русских землях было поэтапное распространение его юрисдикции на присоединенных территориях. Переход от судебных порядков феодальной раздробленности к централизованному государственному суду отражен в Двинской уставной грамоте (1397–1398 гг.) и «Записи о душегубстве» (1456–1462 гг.). Они содержат важные сведения о развитии организации управления и суда, уголовного права, судебного процесса и сыска в Русском централизованном государстве конца XIV – начала XV вв.

При сохранении в Московском государстве к XVI веку дворцово-вотчинной системы управления в землях и городах власть князя представляли наместники и посадники. Административно-судебную деятельность от их имени непосредственно осуществляли их дворцовые слуги.

«Записью о душегубстве» Великий московский князь изъял из юрисдикции местных феодалов право рассмотрения дел о душегубстве, что стало первым шагом в последующем установлении единообразия уголовной репрессии по наиболее опасным преступлениям –

¹ Зализняк А. А. Древненовгородский ... С. 568.

убийство, разбой и грабеж, а позже и кража. Закрепляя за собой юрисдикцию по тяжким преступлениям, государство было обязано принять на себя их преследование и пресечение. Для этих целей в период правления князя Ивана III (1462–1505 гг.) «Указом о недельщиках» (между 1462–1497 гг.) были учреждены одноименные специальные должностные лица, состоящие на княжеской службе. Этот указ полностью вошел в первую кодификацию права централизованного русского государства – Судебник 1497 г.¹

Недельщики составляли артели и назывались так потому, что свои обязанности выполняли поочередно, по неделям. Набирались они из среды мелких и средних дворян и постоянно находились при Великом князе в Москве, располагаясь на Ивановской площади Кремля².

В обязанности недельщика входили вызов ответчиков в суд, расследование уголовных дел, в основном о краже, на всей территории государства. Кроме разъездных судебных поручений, ему вверялся розыск преступников (татей (воров), «лихих людей», разбойников), их поимка, допрос, пытка и содержание у себя под стражей до передачи дела в суд. О результатах допроса преступника, в том числе и под пыткой, недельщик обязан был доносить Великому князю или судье, по поручению которого вел расследование. Свои обязанности недельщик выполнял лично или поручал их своим подвластным холопам и людям, за действия которых нес личную ответственность.

При розыске татей недельщику запрещалось им «норовить», т. е. помогать скрыться или отпускать их за взятку. Им также запрещалось, пользуясь своим должностным положением, арестовывать невинных и непричастных к делу людей, а равно и расследование дела в месте своего жительства. Вероятно, эти запреты были направлены на предупреждение возможных служебных злоупотреблений недельщика. Устанавливалась и обязанность недельщика не задерживать передачу дела в суд, воспрещалась волокита при выдаче бессудных грамот или при перенесении сроков явки в суд. Это указывает, что государство было заинтересовано в оперативности преследования уголовно наказуемых деяний.

---

¹ В состав Судебника 1497 г. данный Указ вошел в полном объеме и составил его 31–36 статьи, поэтому функции и полномочия недельщиков раскрываются на основе указанных статей.

² Судебники XV–XVI вв. М.–Л., 1952. С. 72.

Статус и объем полномочий недельщика раскрывают сущность судебного процесса по уголовным делам, складывающегося в конце XIV–XV вв. Совмещая функции розыска и следствия, недельщик предстает как основной субъект досудебного производства по уголовным делам, подлежащим юрисдикции центральной власти. С этого момента сыск постепенно становится важнейшим средством и собственно особой формой судебного процесса по уголовным делам. Он включал в себя обнаружение и поимку преступника, а также расследование преступления: изобличение преступника, добывание доказательств его вины посредством пытки. На этой основе в законодательных и иных нормативных актах XV–XVII вв. совокупность всех действий по преследованию преступлений от розыска и поимки преступника до вынесения судебного решения стала называться «сыск». Это подчеркивало генетическую связь сыска как государственно-организованной деятельности с иными функциями органов средневекового суда.

С XV в. утверждается публично-правовой взгляд на преступность и борьбу с ней. В Судебнике 1497 г. преступление понимается уже как нарушение установленных норм, предписаний и воли государя, неразрывно связанных с интересами государства в целом. В конце XV века в обозначении преступного деяния стал употребляться термин «лихое дело». Его субъектом являлся «лихой человек», т. е. профессиональный преступник, промышляющий разбоем, грабежом и убийством¹. В советской исторической и историко-правовой литературе образование групп «лихих людей» рассматривалось и как особая форма классовой борьбы, наряду с отдельными выступлениями крестьян против феодалов². Разбой в этот период «сделался явлением политическим: в разбойничьи шайки укрывался всякий, кто не хотел потерять своей свободы»³. Настоятельная необходимость обеспечения внутренней социально-экономической стабильности, укрепления власти и борьбы с преступностью обусловила ужесточение уголовной репрессии и проведение соответствующих этой цели реформ административно-судебных органов. Власть начинает делать крупные шаги к

¹ *Рогов В. А.* История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995. С. 29; *Загоскин Н. П.* Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892. С. 34.

² *Чельцов-Бебутов М. А.* Указ. соч. С. 663; *Российское законодательство X–XX вв.* Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 11; *Очерки истории СССР. Конец XV – начало XX вв.* Т. 2. М., 1953. С. 279–280 и др.

³ *Шалфеев Н.* Об уставной книге Разбойного приказа. Спб., 1868. С. 18.

установлению уголовно-правового порядка, который, как определяет В. П. Малахов, «становится противовесом (антиподом) криминальному правопорядку»¹.

Первый кодекс общерусского права централизованного государства – Судебник 1497 г. демонстрирует, что государство ставит и последовательно решает задачу охраны и защиты существующего социального и правового порядка и закрепляет новации в организации правосудия. Судебный процесс постепенно разделяется на «суд» – обвинительно-состязательный судебный процесс по имущественным спорам и малозначительным уголовным делам и «сыск» («розыск») – следственный (инквизиционный, сыскной, розыскной) судебный процесс по преследованию тяжких преступлений.

Первоначальное выделение сыска как особой формы судебного процесса отмечается в Псковской судной грамоте, где устанавливалось, что по делам об убийстве, поджоге и «перевете» (государственная измена) суд начинается без предъявления иска. Это означало, что истцом по таким делам выступало само государство в лице судебных органов. Инициатива государственных органов в преследовании уголовных преступлений и привлечении виновных к суду становится в последующем одним из основных признаков «сыска» в отличие от состязательного, сохранившего инициативу потерпевшего, – «суда».

В XV в. «сыском» называли отдельные действия уполномоченных судебных лиц (недельщиков, наместников и волостелей), которые они совершали по собственной инициативе для выяснения обстоятельств дела. Инициатива государственных органов в преследовании преступлений и привлечении виновных к суду становится одним из основных признаков «сыска», в отличие от состязательного судебного процесса – «суда», сохранившего инициативу потерпевшего. Судебник 1497 г. узаконил применение в расследовании судебных дел пытки, как основного средства получения неоспоримого доказательства вины обвиняемого – его собственного признания в совершении вменяемого ему преступления. Основной причиной ее введения было недоверие государственной власти к старой системе доказательств (показания послухов, ордалии). Все последующие нормативные правовые акты в вопросах регулирования инквизиционного судебного процесса развивали и дополняли этот институт.

---

¹ Малахов В. П. Методологическое мышление в познании и понимании права. М., 2018. С. 163.

Судебник 1497 г. отразил правовую трансформацию суда общины в повальный обыск, ставший в XVI–XVII вв. основным средством следственно-разыскной деятельности. В статье 12 Судебника 1497 г. закреплена процедура «облихования», применявшаяся в расследовании дел о татьбе. Ее суть сводилась, к тому, что если 5–6 детей боярских или «добрых христиан целовальников» свидетельствовали, что обвиняемый вор, то он признавался виновным и подлежал наказанию.

Судебник не дает полной картины розыска, производимого по делам о государственных преступниках и ведомых лихих людях. Но указания на задержание обвиняемых, их «облихование», на применение пытки и производство повального обыска для установления репутации человека, оговоренного татем, показывают, что производство розыска судебными органами уже заняло прочное место в процессе по делам о наиболее опасных преступлениях.

Таким образом, в русских государствах в период феодальной раздробленности XIII–XIV вв., несмотря на различия их общественного строя и формы правления, тенденции эволюции отечественного сыска были схожими. Основной из них являлось усиление государственно-правовых начал, выражавшееся: в учреждении специальных должностных лиц для производства досудебного следствия; возложении на них, наряду с другими судебно-следственными функциями обязанности розыска и поимки преступника; законодательной регламентации их деятельности. Сыск упрочивается как функция органов государства.

Становление сыскного процесса было тесно связано с квалификацией в праве особого субъекта преступления «лихого человека» – привычного преступника, для которого разбой, грабежи, кражи, убийства – «лихие дела» – это промысел.

Тема 4. РОССИЙСКИЙ СЫСК В XVI–XVII вв.: ОРГАНИЗАЦИЯ, СУБЪЕКТЫ И МЕТОДЫ

- 4.1. *Формы судопроизводства и сущность сыска в XVI–XVII вв.*
- 4.2. *Организация и субъекты сыска в XVI – первой половине XVII вв.*
- 4.3. *Эволюция субъектов сыска во второй половине XVII в.*
- 4.4. *Правовые средства и методы сыска в XVI–XVII вв.*

4.1. Формы судопроизводства и сущность сыска в XVI–XVII вв.

В истории российского государства XVI–XVII вв. – это сложный и противоречивый период становления централизованного государства, в котором условно можно выделить два этапа. Первый – XVI в. – первая половина XVII в. – этап завершения процесса образования единого русского государства, когда устанавливалась реальная власть единого монарха над всей территорией (причем не только исконно русских земель, но и присоединенных и покоренных территорий Среднего Поволжья и Сибири), упрочивалась централизация государства, а раннефеодальная монархия с присущей ей дворцово-вотчинной системой управления эволюционировала в монархию сословно-представительную с приказной системой управления. Вторым этапом – вторая половина XVII в., когда сословно-представительная монархия эволюционировала в абсолютную монархию и господствовала приказная система управления.

Правовое единообразие на территории ранее самостоятельных земель обеспечивали законодательные акты государственной власти – уставные и жалованные грамоты, указы, великокняжеский (1497 г.) и царский (1550 г.) Судебники. С принятием первого Судебника в 1497 г. начался вековой процесс преодоления правового партикуляризма, а право стало выражаться преимущественно в форме закона единого на всей территории государства и выступать средством централизации государственной власти. Эта главная цель внутренней политики великокняжеской власти в законодательстве XVI в. получила дальнейшее развитие. Судебник 1550 г., губные и земские грамоты, уставные книги приказов последовательно устанавливали единые нормы материального и процессуального права для всех подданных и судебно-административных органов в центре и на местах.

Затратив в недавнем прошлом грандиозные усилия в борьбе за создание независимого национального государства, русское общество

переживало духовный надлом. В конце XV в. распространилась масштабная ересь «живодствующих»¹, направленная против принципиальных основ христианского вероучения, а в начале XVI в. уже в церковной среде столкнулись два теоретических течения: иосифляне и нестяжатели². Кроме того, государство испытывало огромную потребность в деньгах, а общество – финансово-экономическое неблагополучие. Все это порождало в массах нигилизм: в первой половине XVI в. последовал взрыв преступности, получили распространение разбойничьи шайки.

Намеченная в конце XV в. тенденция усиления уголовной репрессии получила дальнейшее развитие, выразившееся в эволюции форм судебного процесса – «суда» и «сыска». В Судебнике 1550 г. «суд» и «сыск» становятся самостоятельными формами судопроизводства и противопоставляются друг другу. Различие между «судом» и «сыском» устанавливалось по объекту преследования: «И назовут его в обыску лихим человеком, ино его пытати... А скажут в обыску, что он добрый человек, ино дело вершити по суду»³. Единичное совершение тяжкого преступления еще не делало человека, по понятиям того времени, заведомо «лихим». Только разбой, кража и убийство в разбое, признанные государством наиболее опасными, требовали специальной формы уголовного преследования – «сыска». Это был особый процесс судопроизводства, включающий в себя розыск и поимку преступника, досудебное следственное производство, суд над преступником и процедуру его казни. Досудебное производство проводилось средствами личного обыска преступника и его места пребывания с целью обнаружения похищенного имущества («воровской рухляди»), повального обыска, расспроса и пытки, как основного средства получения собственного признания обвиняемого в совершении вменяемого ему преступления.

Закрепленные в Судебнике 1550 г. начала следственного судебного процесса дополнились губными грамотами 50–60-х гг. XVI в., наказами и приговорами, составившими Уставную книгу Разбойного

¹ Это еретическое направление получило свое название от его распространителей – «живодвинов» Схарни, прибывших с Запада.

² Нестяжатели – последователи Нила Сорского – отстаивали духовную роль церкви в государстве. Иосифляне выступали за экономически сильную церковь, которая в союзе с княжеской властью способна руководить обществом.

³ Российское законодательство... Т. 2. С. 107.

приказа (1555–1556 гг., 1616 г.). Позже она полностью вошла в крупнейшую кодификацию права середины XVII в. – Соборное уложение и составила его основу гл. XXI «О разбойных и о татинных делех»¹.

Соборное уложение 1649 г. окончательно определило круг преступлений, подлежащих расследованию сыскным судебным процессом. В него вошли: 1) дела о душегубстве, разбое, татьбе с поличным, совершенные «лихим человеком»; 2) деяния, направленные против государства (измена, заговор, сношения с врагом); 3) деяния против основ феодального строя (покушение на феодальную собственность, бегство крестьян, их укрывательство).

Распространение сыскного судопроизводства на судебные тяжбы, предметом которых были объекты феодальной собственности, не позволяет утверждать, что «сыск» – это исключительно форма уголовного судопроизводства, и, соответственно, «суд» – форма гражданского судопроизводства. Имущественные споры о владении вотчинами, поместьями и холопами стали рассматриваться «сыскным» порядком в условиях поэтапного закрепощения крестьян и законодательного оформления крепостного права. В таких делах законодатель, не полагаясь на активность истцов и ответчиков, предписывает судье «сыскивать всякими сыски накрепко», квалифицируя тем самым нарушение феодальных прав как опасное преступление. Напротив, в таких уголовных делах, как бой, грабеж, татьба, совершенные в первый раз лицом, не являвшимся «ведомым лихим человеком», законодатель предоставляет активное ведение тяжб истцу и ответчику «судом». В таком же порядке преследовались дела о татьбах и разбоях без поличного, когда против обвиняемых истцы представляли только крестное целование (клятву), и виновные приговаривались к взысканию причиненных ими убытков: «А которые люди учнутъ на кого бить челом намъ великому государю въ татьбахъ и в розбояхъ без поличного, и без язычной молки. И не по лихованнымъ обыскомъ, или въ розбои въ ближнемъ соседстве, или на которые татьбы и на розбои явочного челобитья въ приказахъ не объявится: и того въ розбой не ставить, а по нашему великого государя указу и по Уложению давать

---

¹ См.: Шалфеев Н. Указ. соч. С. 7.

судь»¹. Таким образом, во второй половине XVI–XVII вв. «сыск» – это особая форма судопроизводства по наиболее опасным, с точки зрения средневекового законодателя, преступлениям: «коромола» или «крамола» (измена государю), душегубство и разбой, прием и укрытельство беглых крестьян.

В «сыске» органы суда разыскивали и ловили преступников, изыскивали доказательства, допрашивали обвиняемых, пытали их и свидетелей, устраивали очные ставки. Особенность деятельности судебных должностных лиц состояла в том, что она включала в себя действия следственные и розыскные (даже в их современном понимании). Это привело к тому, что правовые средства досудебного производства (повальный обыск, окольный обыск и пытка), по сути уголовно-процессуальные действия, одновременно были и методами уголовно-сыскной деятельности. Их совпадение указывает на абсолютную интеграцию следственной и уголовно-сыскной деятельности в единую – следственно-розыскную. Поэтому вычленив в данный исторический период собственно уголовный сыск, как самостоятельный вид правоохранительной деятельности, и определить его признаки ни с теоретико-правовой, ни с предметно-практической точек зрения не представляется возможным. Пренебрежение этим историческим фактом некоторыми современными исследователями приводит их к заблуждению о том, что деятельность судебных должностных лиц в XVI–XVII вв. содержит истоки оперативно-розыскной деятельности (в лучшем случае) или даже собственно саму эту деятельность с присущими ей формами и методами (худший вариант заблуждений)². С предметно-практической точки зрения сущность собственно уголовного сыска в этот период сводилась непосредственно к розыску и поимке известных преступников («ведомых лихих людей»).

---

¹ Цит. из Грамоты Арзамаскому воеводе Степану Богдановичу Ловчику от 13 декабря 1679 г. // Уставные грамоты наместничьего управления: губные и земские, изданные историко-филологическим факультетом Московского университета. М., 1909. С. 94–99.

² Елинский В. И. Основы методологии... С. 11, 14.

4.2. Организация и субъекты сыска в XVI – первой половине XVII вв.

В XVI – первой половине XVII вв. сыск, как единая следственно-разыскная деятельность органов суда, приобретает черты государственно-организованной правоохранительной деятельности, и его основными субъектами становятся органы государства. В начале XVI в. функции преследования разбоев, грабежей и убийств в разбое возлагались на наместников, волостелей, недельщиков и особых обыщиков.

Наместники и волостели, представляя центральную власть, исполняли в землях, станах и волостях Московского государства административно-судебные и финансовые функции. При наместниках в городах находились по два тиуна, которые проводили повальный обыск, и по десять доводчиков, которые осуществляли управление и суд в станах и городах (восемь – в стане, два – в городе). Статус недельщиков, как особых уполномоченных Великого князя по «искоренению» разбоев, подтверждался Судебником 1550 г. (ст. 5). Недельщики исполняли розыскные функции и позже – в XVII в. Их правовой статус регулировался Соборным уложением 1649 г.

В дополнение к недельщикам на рубеже XV–XVI вв. учреждаются особые обыщики. Первое упоминание о них встречается в губных жалованных грамотах 1539 г. (Белозерской и Каргопольской): «и мы к вам посылали... обыщиков своих». Они, как и недельщики, посылались из Москвы в случае умножения в какой-либо местности разбоев и краж («татьбы») исключительно с разыскными полномочиями для открытия «татиных, разбойных и убивственных дел» и для ликвидации разбойных шаяк и, предположительно, в персональном порядке. Видимо, узость функций отличала обыщиков от недельщиков, обладавших судебно-следственными полномочиями. Вместе с обыщиками на поимку разбойников должны были отправляться местные крестьяне. При этом Судебники 1497 г. и 1550 г. ни статус, ни объем полномочий обыщиков не определяли.

В литературе высказывалось мнение о существовании в начале XVI в. некоторого центрального ведомства, управлявшего розыском преступников, так как сам царь не мог каждый раз заниматься отправлением «обыщиков», в особенности при тогдашних постоянных

разбоях¹. Однако не сохранилось сведений об устройстве и полномочиях этого ведомства. Некоторые авторы полагают, что таким органом мог быть Челобитный приказ, в который поступали жалобы о злодеяниях разбойников².

Однако деятельность всех «государевых слуг» в деле борьбы с преступностью, как сообщается в источниках, приносила мало пользы. В основном они занимались личным обогащением, так как все должностные лица содержались за счет поборов с местного населения («кормление»)³. Основным источником дохода кормленщиков были судебные штрафы и пошлины, поэтому они часто шли на подлоги и фальсификации. В таких условиях государственная власть стремилась решить две взаимосвязанные задачи: ограничить власть «кормленщиков», что в итоге привело к их полной ликвидации, и пресечь разбои и грабежи. Решая эти задачи, государство опиралось на поддержку местной инициативы, удовлетворяя тем самым интересы дворян и мелких землевладельцев, которые чаще других страдали от разбойных набегов. В ответ на их жалобы царская власть с 30-х годов XVI в. предоставляет жалованными грамотами (Белозерской, Каргопольской, Солигалицкой и т. д.) местному населению право самостоятельной помимки, суда и казни «лихих людей»: «... и вы бѣ межъ себя обыскали про тот розбой сами всем посадом..., и доискався лихихъ людей, и обыскавъ, и довечи на нихъ, и пытавъ ихъ, казнили смертью жъ».

С издания первых жалованных грамот в России начинается губная реформа. В 30–40-х годах XVI в. губные избы были созданы в северных и северо-западных русских землях, а к середине XVI в. были уже почти повсеместно, о чем свидетельствует Судебник 1550 г. С точки зрения организации и правового регулирования судопроизводства, суть губной реформы состояла в изъятии из подсудности наместников и волостелей сначала «разбойных», а затем «убивственных» и «татиных» дел и их передаче в ведение создававшихся губных дворов (изб)⁴. Первыми жалованными грамотами – Белозерской и

¹ См.: *Чеглогов П.* Об органах судебной власти в России от основания государства до вступления на престол Алексея Михайловича. Казань, 1855. С. 69–70.

² *Власов В. И., Гончаров Н. Ф.* Указ. соч. Ч. I. С. 21.

³ *Шалфеев Н.* Указ. соч. С. 36, 37.

⁴ Название новых органов произошло от термина «губа». В широком смысле «губа» означала в XVI в. судебный округ, включавший территорию города и прилегающего к нему уезда; в узком – нескольких селений. Первоначально такой округ совпадал с волостью; с середины XVI в., как правило, – с уездом, а в XVII в. – включал два уезда.

Каргопольской (1539 г.) было установлено, что губным старостам за поимку разбойников, суда над ними и казни от великого князя «опалы в том нет», и от его наместников и волостелей «в том продажи нету». Губным наказом селам Кириллова монастыря 1549 г. наместникам, волостелям и их тиунам было запрещено вмешиваться в суд губных старост «о ведомых татях и разбойниках», а губным старостам – «вступаться в суд наместников и волостелей». Законодательное закрепление компетенции губных изб и ее отграничение от сферы деятельности наместников состоялось в Судебнике 1550 г. (ст. 60).

По порядку формирования и социальному составу губные избы являлись выборными, сословно-представительными органами, а по функциям – судебно-полицейскими. Первоначально губные избы состояли из выборных трех–четырёх детей боярских и их помощников – старост и десятских, а также пяти–шести «лучших людей» (т. е. зажиточных и благонадежных государственных крестьян).

Со временем утверждается штат губных изб, состоявший из выборных губного старосты, целовальников, заменивших «лучших людей» и дьяков. Выбирали губного старосту почти все свободные жители уезда. Губные целовальники были помощниками губного старосты, избирались по волостям (по два человека на каждую волость) сначала из крестьян, а к середине XVII в. – из мелкопоместных дворян, детей боярских и верхушки посада и зажиточных («добрых») крестьян. Срок их пребывания у должности в документах сначала обозначен не был, а позже был уточнен – один год. Дьяки сначала выбирались людьми всех сословий, а с 1649 г. – только сошными людьми. В подчинении губных старост находились также тюремные сторожа, палачи и бирючи (т. е. глашатаи).

В начале XVI века в компетенцию губных старост входили следствие по делам о разбоях, укрывательстве разбойников и «захваченного» ими имущества с применением пыток и определение им меры наказания (бить кнутом или предать смертной казни) и его исполнение. С 1555 г. (Указ «О татяных делах») на губные избы были возложены полицейский надзор за лицами, прибывшими из других губных округов, обязанность выяснения причин их появления на новом месте; розыск лошадей и «всякой скотины» в случаях их кражи «с поля» и регистрация сделок купли-продажи лошадей. Несколько позже губным старостам стали поручаться судебно-нотариальные дела

по записи служилых кабал, сбору пошлин и денег и их регистрация в специальных книгах. В период опричнины (60–70-е гг. XVI в.) губные органы активно привлекались к участию в опричных земельных переделах. На губные избы возлагались хозяйственные и финансовые мероприятия по содержанию губных учреждений и тюрем при них. Таким образом, губные избы из специальных выборных органов преследования «лихих людей» и производства «сыска» превратились в административно-судебные органы местного управления с широкой компетенцией.

В 1551 г. были учреждены другие выборные сословно-представительные органы местного самоуправления – земские избы. При этом компетенция земских изб была шире, чем губных. Они ведали, главным образом, финансовыми, экономическими, хозяйственными и судебными делами. Объем судебной власти земских изб был также большим. Они обладали полномочиями решать дела о холопстве и выносить приговоры о смертной казни. В тех местностях, где не было губных изб, компетенция земских властей охватывала и их сферу деятельности, т. е. уголовное преследование тяжких преступлений. Вопросы взаимодействия земских и губных изб в борьбе с преступностью решались непосредственно на местах.

Социальная сущность губной реформы, следовательно, и социальная природа губных изб как организационной формы сыска, скрываются в причинах их учреждения. На первый взгляд, причинами учреждения губных изб были тотальный рост преступности и лихоимство «кормленщиков», которые подрывали и без того скудную материальную состоятельность всех слоев русского общества (налогоплательщиков) и создавали угрозу финансовой и политической стабильности государственной власти. Однако причиной первого порядка была относительная материальная и финансовая слабость российского государства в конце XV – начале XVI вв. В этот период все его усилия были направлены на решение внешнеполитических задач: окончание борьбы за независимость (стояние на Угре 1480 г., поход в 1482 г. татарского хана на Москву, которую он сжег) и непрерывное ведение войн за укрепление и расширение государственных границ (1492–1494 гг. – с Литвой; 1495–1497 гг. – со Швецией; 1500–1503 гг. – с Литвой, и в то же время с Ливонским орденом; 1521 и 1545 годы – походы крымско-татарского хана на Москву). Поэтому в губных гра-

мотах четко выразилось стремление государства не просто опереться на общественную инициативу в розыске преступников и суда над ними, а закрепить ее как обязанность населения: «А не учнете меж себя розбойников обыскивати..., а самим вам от меня быти в казне и в продаже», т. е. «платить вам штраф в казну». Таким образом, в поисках средств противодействия усилившимся разбоям и грабежам государство обращается к выработанным веками и ставшим уже традиционными основам организации розыска и поимки преступников – возложение этой функции на общество. Не стоит отбрасывать и социально-классовые основы формирования губных изб. Во главе их стояли средние и мелкие землевладельцы, которые были основной социальной опорой монархии. Заинтересованные в стабилизации экономики и прикреплении к земле рабочих рук, они оказывали царской власти активную поддержку в проведении внешней и внутренней, в том числе и уголовной, политики государства. Успешно апробировав губные избы как новую форму организации судебно-полицейских функций, государство законодательно закрепляет ее Судебником 1550 г.

Преследуя цель централизации управления, государство с самого начала и последовательно интегрировало губные избы в государственный аппарат и поставило их формирование и деятельность под контроль органа отраслевого управления – Разбойного приказа.

Разбойный приказ формировался по мере становления системы губных учреждений и определения их компетенции. Он организовывал и контролировал их деятельность. Упоминание о его прообразе встречается уже в первых жалованных грамотах об учреждении губных изб – Белозерской и Каргопольской, где закрепляется требование великокняжеской власти к местным жителям сообщить о состоявшихся выборах и результатах деятельности «на Москву, к нашим боярам, которым розбойные дела приказаны», т. е. специальной боярской комиссии. Здесь же указывается имя ее руководителя – боярина, князя Ивана Даниловича Пенкова. Собственное название этой боярской комиссии – «Разбойная изба» встречается в Наказном списке губным старостам о сыске разбойников и татей в Зубовском уезде 1556 г., а в наказе 1571 г. уже фигурирует название «Разбойный приказ» как синоним «Разбойной избы». С этого момента вплоть до на-

чала XVIII века в правовых актах устойчиво фигурирует номинация «Разбойный приказ».

Достаточно быстро в круг ведения Разбойной избы вошло утверждение избранных губных старост в должности и приведение их к присяге крестным целованием. С введением этой процедуры во второй половине XVI в. губные старосты и целовальники, действовавшие ранее на основе губных жалованных грамот, стали получать от Разбойной избы наказы (Уставная книга Разбойного приказа). Тем самым достигалось усиление основ централизованной уголовной политики государства и укреплялась государственная (публично-правовая) форма организации сыска с ее основным субъектом – территориальной губной избой.

В период Смутного времени 1584–1612 гг. деятельность губных изб парализуется. После 1612 г. началось трудное возрождение страны, частью которого стала реставрация прежних органов власти и управления в центре и на местах, в том числе и губных учреждений. В феврале 1627 г. была проведена новая губная реформа. Царским указом повсеместно устанавливались губные избы, и Разбойный приказ стал рассылать памяти о выборах губных старост. Указом 1637 г. подтверждалась обязанность населения городов и уездов страны выплачивать средства для постройки и содержания тюрем. Сбор этих средств поручался губным старостам. Как реакция на многочисленные отказы от исполнения должностей губных целовальников, последовал Указ 1645 г., регламентировавший их выборы. К середине XVII в. губные учреждения были восстановлены и действовали более чем в 60 городах центральной части России. Таким образом, задачу организации борьбы с преступностью государство вновь решило за счет материальных и финансовых средств населения и поставило под свой жесткий контроль.

Соборное уложение 1649 г. подтвердило и закрепило статус губных изб и их старост как основных органов «сыска» по делам о разбоях, кражах, поджогах и убийствах (ст. 5 гл. XXI). Губным старостам обязаны были оказывать содействие выборные от местного населения сотские, пятидесятские и десятские. Их компетенция определялась так: «велити сотникам и пятидесятникам, и десятникам, всякому в своей сотне и в пятидесятне, и в десятне беречи того накрепко, чтобы не было у них татей и разбойников, и корчем, и ябедников, и

подписчиков, и всяких лихих людей». Таких «лихих людей» сотские и их помощники должны были ловить и доставлять выборным судьям. Причем, если сотский не знал, что в его сотне проживают и (или) орудуют преступники, а между тем последние были обнаружены, то сотский нес ответственность за убытки, причиненные этими преступниками.

Разбойный приказ по Соборному уложению окончательно определялся как центральный орган уголовного преследования в Русском государстве. Здесь губные старосты приводились к присяге. Ее основанием являлся протокол выборов. Разбойному приказу было предоставлено право замены избранного губного старосты «лучшим человеком» (т. е. другим, более состоятельным землевладельцем) без выборов. В случаях разногласий о кандидатурах в губные старосты в ходе выборов или по их результатам вопрос разрешался также в Разбойном приказе. Отсюда губные старосты получали грамоты об утверждении в должности и наказные памяти «по чему им разбойные и татинные дела ведать» и сюда же ежегодно подавали ведомости о решенных делах и о количестве описанного имущества преступников.

Разбойный приказ выступал также в качестве органа судебного надзора в отношении губных изб, санкционировал их приговоры и являлся второй инстанцией для рассмотрения разбойных и татинных дел на территории всего Российского государства. Контролирующая деятельность этого ведомства выражалась и в его полномочиях по рассмотрению жалоб на деятельность губных учреждений. Разбойный приказ и сам непосредственно вел расследование наиболее тяжких преступлений (убийств, разбоев, грабежей, поджогов). На территории Москвы деятельность Разбойного приказа исключалась. Здесь уголовное преследование и административно-судебные функции в XVI–XVII вв. осуществлял Земский приказ. Наблюдение за порядком на улицах, площадях, корчмах и в иных общественных местах исполняли низшие его служащие – «земские ярыжники».

В городах в конце XVI – начале XVII вв. розыск преступников и их задержание производили и так называемые «объезжие головы», служившие в съезжих дворах, где рассматривались мелкие уголовные дела. «Объезжие головы» назначались Разрядным приказом, ведавшим служилыми людьми и военным управлением, и ему же были

подотчетны. Им помогали «решеточные приказчики», подьячие, караульщики и «чернослободцы».

Вывод: основными субъектами сыска в XVI – первой половине XVII вв. были Разбойный приказ и подконтрольные ему губные избы, выполнявшие судебные, следственные и розыскные функции по делам о тяжких преступлениях: разбой, грабеж, кража и убийство.

4.3. Эволюция субъектов сыска во второй половине XVII в.

Во второй половине XVII века в России сложились условия перехода к абсолютной монархии значение сословно-представительных органов в центре и на местах стало падать, роль назначаемых центром воевод, напротив, начала усиливаться. Модификации в организации управления и суда вызвали реструктуризацию субъектов сыска. В сфере судебно-полицейской деятельности появилось новое звено – институт сыщиков.

Воеводское управление начинает вводиться еще в первой четверти XVI в. К 1625 году воеводы были назначены в 46 городах¹, а во второй половине XVII века они становятся основным элементом административного и военного управления на местах. Воеводы назначались Разрядным приказом, подчинялись ему и получали от него указы. В тех городах, где в предыдущее столетие не было создано губных изб, функции уголовного преследования – розыск и суд по делам о разбоях, кражах и убийствах – возлагались на воевод. Производство сыскных дел воеводами контролировал Разбойный приказ. Так, указами Новосельскому воеводе (1661) и Хотмыжскому воеводе (1662) было велено «сыскивать оговоренных людей», применяя пытку, «по сыску» держать их в тюрьме и о разбойных делах «писать в Разбойный приказ».

Губные избы, бывшие основными субъектами сыска во второй половине XVI – первой половине XVII в., не упразднялись, а постепенно ставились в подчинение воеводам. В указах воеводам 1640–50-х гг. еще встречается формула: «...и по сыску про разбойное и татиное дело разбойников и татей велеть губным старостам пытать накрепко, и оговоренных людей велеть имать, и про разбойное и татиное дело велеть губным старостам сыскивать». В указе «О сыске вое-

¹ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 44.

водам воров и разбойников» 1664 г. воеводам уже предписывалось «взять дворян и детей боярских и всякого чину служилых людей, и тутошних жителей, и их людей, и сотских, и пятидесятских, и десятских, и прикащиков, и старост, и крестьян многих людей, и где воровские люди, разбойники, и тати и смертные убойцы объявятся, и на те станы и в погоню ездить им воеводам неотложно самим (выделено мной – Т.М.), со всяким боевым ружьем, чтоб тех воров и смертных убойцев переимать».

В результате губные избы оказались в двойном подчинении: Разряду и Разбойному приказу, сохранившему по отношению к ним контрольно-надзорные функции. Как следствие, между Разбойным приказом и Разрядом создавалась ситуация параллелизма, обычная в условиях приказной системы. Однако Разбойный приказ рассматривал себя как традиционный и более опытный орган управления сыскным делом, поэтому, стремясь сохранить свое значение, регулярно направлял воеводам предписания не вмешиваться в губные дела. В итоге на практике удалось разграничить полномочия губных старост и воевод. Воевода, получив челобитную (иск, жалобу), решал вопрос о ее направленности. Определив дело как судное, он разбирал его сам по правилам состязательного процесса, в противном случае передавал жалобу в губную избу, где дело велось сыском.

Однако источники сообщают, что иногда между воеводой и губным старостой возникали служебные конфликты, доходившие до рукопашной. Все же, делая ставку на традиционные органы борьбы с преступностью и идя одновременно на встречу местному дворянству, царская власть в Новоуказных статьях 1669 г. постановила: «А воеводам в городах таких дел (о разбоях, кражах и убийствах – Т.М.) ничем не ведать». Указом от 15 февраля 1676 г. компетенция Разбойного приказа была подтверждена: «Нынешние и грядущие дела колодников всяких чинов людей вершить в Разбойном приказе», а об особо опасных преступниках предписывалось докладывать государю.

В XVII в. формируются новые субъекты «сыска» – сыщики. В указе 1627 г. о восстановлении губных учреждений содержалось распоряжение: «Впредь сыщиков для сыску татиных, разбойных и убийственных дел не посылать». Видимо, сыщики были учреждены в период 1594–1627 гг., когда деятельность губных изб в условиях «Смуты» и ее последствий была парализована. Но достоверных све-

дений по этому вопросу пока не обнаружено. С 30-х годов XVII в. наблюдается устойчивая практика посылки сыщиков в города и уезды, где учащались случаи разбоев и грабежей (в 1636 г. – в Черданский уезд; в 1637 г. – во Владимир; в 1645 г. – в Суздаль; в 1650 г. – в Переславль Рязанский). Иногда основанием посылки сыщика в какую-либо местность была просьба (челобитная) самого населения, как, например, в 1650 г. в Серпухов, Тарусу, Оболенск, Алексин и Боровск.

Среди других субъектов сыска сыщики выделялись принципами организации и объемом полномочий. В отличие от выборных губных старост и целовальников, сыщики назначались царским указом, но их судебные и следственно-разыскные полномочия были идентичными с губными избами. Напротив, от назначаемых Разрядом с административно-судебными и военными функциями воевод, сыщиков отличала узость и четкая направленность их функций – только сыск о разбойниках, татях, «душегубцах» и «поджигальниках». Новшеством также стало распространение полномочий сыщиков на территории нескольких уездов, в отличие от территориальной замкнутости губных изб в границах судебного округа. Наконец, по сравнению с губными старостами, опиравшимися на небольшой штат выборных целовальников и сельских старост, сыщики располагали мощной вооруженной силой. Причем уже с 30-х гг. XVII в. в помощь сыщикам на местах отписывались не только посадские и волостные люди «с наитным боем, сколько будет человек пригоже» или отставленные от службы дворяне и дети боярские уездов, но и военные команды из стрельцов и казаков.

С изданием Новоуказных статей в 1669 г. сыщики, при сохранении губных изб, становятся постоянными должностными лицами. Они были не только уполномочены разыскивать преступников, но и окончательно решать уголовные дела при явных доказательствах вины или при существовании сильного подозрения против обвиняемого. В последнем случае они согласовывали свои действия с Разбойным приказом и от него получали на них санкцию. С этого времени значение губных старост в борьбе с преступностью резко уменьшается, падает и их значимость в обществе, так как сыщики являлись представителями государственной власти и ограничивали деятельность этих органов народного представительства. Сыщикам было предоставлено право суда над губными старостами и губными дьяка-

ми по гражданским искам, и устанавливался более жесткий контроль государства в реализации уголовной политики.

В 1679 г. царским указом «О ведении всех дел в уездах воеводами» губные избы и сыщики были упразднены. Передав на местах все функции власти, в том числе следственно-разыскные и судебные, воеводам, государство взяло на себя непосильную задачу содержания аппарата управления, «еще не устроив свои финансы»¹. Ощувив дефицит финансовых средств и неэффективность воевод в борьбе с преступностью и с повальным бегством крестьян, спустя всего три–четыре года, государственная власть возвращается к прежним организационным формам сыска. В 1683 г. «Наказом сыщикам беглых крестьян и холопов» был восстановлен институт сыщиков, а указом 1684 г. – губных старост с прежним объемом полномочий. В последнем указе категорично предписывалось: «А воеводам тех дел не ведать».

Как и ранее, сыщики набирались из дворян и имели широкие полномочия, включая розыск по делам о разбоях, кражах и убийствах, содержание задержанных в тюрьме, применение телесных наказаний и имущественных взысканий. Сыском охватывалась вся территория уезда, или даже группы уездов, порученных сыщику. В распоряжении сыщиков имелся целый аппарат (дьяк и подьячие), а на местах от воевод они получали в помощь стрельцов, казаков, пушкарей, писарей и заплечных дел мастера. По указу 1698 г. «О посылке сыщиков во все города» эта зависимость от воевод была устранена, в нем предписывалось: «А для розыску дать сыщикам с Москвы стрельцов, по сколько в которой город доведется...». Эта мера сделала сыщиков не только независимыми от местных органов управления, но и значительно повысила их роль в розыске беглых крестьян. В 1702 г. издается указ «Об отмене в городах губных старост и сыщиков», и с 1708 г. их функции были возложены на губернские канцелярии².

Параллельно с выбором форм организации уголовного преследования на местах монархия предпринимала попытки унификации его центрального управления. В 1684 г. был издан указ «О переименовании Разбойного приказа Сыскным», и сюда же были переданы все дела о кражах и убийствах из Земского приказа, обслуживавшего территорию Москвы и прилегающих к ней уездов. Однако в 1687 г. розыск

---

¹ Чичерин Б. Н. Областные учреждения в России XVII в. М., 1856. С. 476.

² Андреевский И. Е. Полицейское право. Т. 1–2. Спб., 1874–1876. Т. 1. С. 288.

и преследование воров и убийц были переданы обратно в Земский приказ, а Сыскной приказ переименован в Приказ сыскных дел. В 1699 г. Земский приказ был ликвидирован, и его дела переданы в ведение Стрелецкого приказа. В 1701 г. был упразднен Приказ сыскных дел, и его функции распределены по другим приказам. Эти реорганизации являлись отражением тенденции централизации приказной системы (строгое разграничение функций, сокращение числа приказов).

Вместе с тем наблюдаемые колебания государственной власти в выборе субъектов сыска на местах между губными избами и воеводами, губными избами и сыщиками и попытки централизации их деятельности, указывая на планомерные поиски оптимальных форм организации сыска, являются отражением консолидации сословий и их внутрисословных интересов, в особенности купечества и служилого дворянства. Московские цари, хорошо понимая пагубность межсословной розни, пытались согласовывать мнение власти с позициями сословий. Так, царская власть, сначала опираясь на местное среднее и мелкое дворянство в борьбе с боярской аристократией, в первой половине XVI в. разрешает учреждение выборных губных изб для преследования разбойников и суда над ними, а во второй половине XVII в., пытаясь укрепить централизацию управления, предпринимает попытки их упразднения. Однако, уступая дворянству, которое все еще являлось ее социальной опорой, к концу века восстанавливает губные учреждения с прежним объемом полномочий.

Одновременно в планомерных мероприятиях укрепления института сыщиков проявлялась двойственность государственной уголовной политики: защита от преступных посягательств как общества в целом, так и собственно сословных интересов дворянства. С оформлением крепостного права Соборным уложением 1649 г. на протяжении всего XVII в. сопротивление крестьянства непосильным налогам и внеэкономическому принуждению выражалось в вооруженных восстаниях, бегстве с земель, к которым они были приписаны, и от своих господ, и в общеуголовных формах – разбоях, погромах и разграблениях помещичьих усадеб. Беглые крестьяне, не имея в условиях крепостного права возможности осесть и трудиться на другой земле, становились источником пополнения преступной среды. Разбойничьи шайки составляли «бродяги и беглые всякого звания люди». Слияние пассивных и общеуголовных форм крестьянского сопротивления

крепостничеству ярко отражено в челобитной дворян 1658 г.: «А крестьяня наши не хотят от твоей государевы службы ни мало лишняя тяготы при прежних летех понести, а иные похотели воровать, красть, разбивать, и без трудов пить и есть сладко, и одеваться, обуваться чужими животами...»¹, и далее проводилась мысль, что крестьянские побеги наносят урон дворянству и государству в целом. В этой и других подобных челобитных дворянство выступало с широкой программой требований, направленных на упрочение системы сыска беглых крестьян и борьбы с преступностью. В первой половине XVII в. сыск беглых крестьян стал постоянной функцией государственных органов – приказов и воевод². Поэтому в этот период сыщики – это временные, эпизодические органы борьбы с разбоями, кражами, поджогами и убийствами, а во второй половине XVII в. – уже постоянно функционирующие органы, и акцент их деятельности смещается в сторону сыска беглых крестьян, а расследование разбоев и краж становится сопутствующим направлением их деятельности.

Процесс и итоги реорганизации центральных и местных органов сыска во второй половине XVII в. показывают, что содержание их эволюции определял сложный выбор властью социальной опоры между консолидированными в своих интересах сословиями служилого дворянства, купечества и посадских людей и сложившейся придворно-аристократической бюрократией. Расширение и усложнение структуры субъектов сыска, выполняющих важнейшую функцию проведения уголовной политики государства, не сопровождалось дифференциацией функций уголовной юстиции. Полисубъектность сыска является органичным порождением противоборства общественных и государственных начал в определении основ уголовной политики. В то же время объединяющим ядром функционирования губных изб, воевод и сыщиков являлся сословно-классовый принцип их формирования и деятельности.

Таким образом, в развитии субъектов сыска во второй половине XVII в. отмечаются тенденции: 1) сословно-классовых начал их формирования; 2) параллелизма и централизации их деятельности; 3) со-

¹ См.: Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII в. Сборник статей, посвященный памяти А. А. Новосельского. М., 1975. С. 308.

² Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.–Л., 1962. С. 49–119.

вмещения в их компетенции функций розыска, следствия и суда по наиболее опасным преступлениям. Расширение субъектов сыска не сопровождалось дифференциацией функций судопроизводства, досудебное производство по-прежнему характеризовалось единством следственно-розыскной деятельности, выраженном в совпадении правовых процессуальных средств и методов уголовного сыска.

4.4. Правовые средства и методы сыска в XVI–XVII вв.

Основными правовыми средствами и методами сыска в этот период служили пытка, повальный и окольный обыски, словесный портрет. Пытка и повальный обыск были не просто средствами досудебного производства и методами уголовного сыска, а являлись центральными и тесно взаимосвязанными институтами сыскного судебного процесса, в полной мере соответствуя социально-политическим и культурно-правовым условиям того времени. Судебник 1550 г., развивая положения своего предшественника – Судебника 1497 г., в части закрепления правовых средств сыскного процесса пытке отводит место главного средства получения основного доказательства – собственного признания обвиняемого. В Указных книгах Разбойного приказа назначение пытки дополняется целью добывания информации от обвиняемого о соучастниках вменяемого ему преступления. В Соборном уложении 1649 г. пытка – это центральный институт производства по сыскным делам, что особенно ярко выражено в его XXI главе «О розбойных и татиных делех», являющейся собственно сводом правил «сыска».

Повальный обыск, прежде чем стать основным средством сыска в середине XVII века, в предшествующий период проходит сложную правовую эволюцию. Процедура «облихования», закрепленная Судебником 1497 г., в Судебнике 1550 г. (ст.ст. 52, 56–58) тесно связывается с другой процессуальной процедурой – «обыск». Под «обыском» подразумевался опрос 10–15 детей боярских или 15–20 «добрых же крестيان и целовальников», т. е. зажиточных крестьян и выборных представителей местной сельской общинной администрации. Техническая сторона «обыска» состояла в том, что опрашиваемые лица («обыскные люди») приезжали к наместнику или губному старосте в город и лично давали показания под запись. В Уставных книгах Разбойного приказа закрепляется требование собственноручной

записи «обыскными людьми» своих показаний: «... а за очи обыскных людей не писати, а речи б свои обыскные люди писали сами». Неграмотные люди показания, взятые с их слов, заверяли «приложением рук», которое требовалось подтвердить подписью священника («отцы духовные к тем речем руки прикладывали ж»). В первой половине XVI в. были введены специальные бланки протоколов («списков») «обыска» – «порозжие столбцы» или «образцовые письма». Вплоть до 1588 г. «обыскные люди» направлялись в Москву для проверки их показаний.

Правовая регламентация круга участников «обыска» ориентировала на опрос всех сословий местного населения. Так, в ст. 14 «Приговора о губных делах» 1556 г. сказано: «А в грамотах к старостам писати, чтоб обыскивали вправду всякими людьми, игумены и священники и лутчими людьми и середними и молодыми, ... и женским полом...». Таким образом, «обыск», охватив все слои населения и всех жителей округа, стал всеобщим, или повальным, что и отразилось в его одноименной номинации – «повальный обыск». Если мнения «обыскных людей» разделялись, то по закону учитывалось мнение большинства. Меньшинство признавалось лгушим и наказывалось кнутом или денежным взысканием. Если голоса разделялись поровну, то обвиняемый передавался на поруки людям, одоббившим его.

Дальнейшее развитие «повального обыска» в центральный институт сыскного судопроизводства в наиболее полной мере отражено в Соборном уложении 1649 г. Из содержания его главы «О разбойных и татинных делех» следует, что правовые основания проведения повального обыска и собственно начала самого сыскного производства совпадали. К ним были отнесены «письменная явка», «ропрос», «привод с поличным» и «язычная молка».

«Письменная явка – это заявление потерпевшего о краже или захвате его имущества вследствие разбойного нападения (ст. 51 гл. XXI). «Письменную явку» (челобитную, иск) подавали в один из обладавших судебными полномочиями приказов в Москве (Разбойный, Земский, Челобитный, Разряд) или на местах – губным старостам и воеводам. В иске требовалось «свои животы описывати имянно» (ст. 51 гл. XXI), т. е. указать количество и приметы похищенного имущества и подкрепить сведения о преступлении доказательствами, сославшись на «язычную молку», «поличное» или облихование лихого человека».

«Роспрос» – это допрос в современном юридическом значении термина¹.

«Привод с поличным» – это процессуальная мера, основанная на фактическом задержании преступника, т. е. когда к властям приводили воров и разбойников, схваченных на месте преступления, или пойманных разбойников с обнаруженным у них похищенным имуществом. В этом случае именно обнаружение вещественного доказательства – «поличного» – имело решающее значение для начала повального обыска и пытки. Процессуальным средством обнаружения «поличного» был обыск – действия, направленные на обнаружение и изъятие похищенного имущества. При этом не всякое имущество, добытое преступным путем, могло быть признано вещественным доказательством, а только то, которое изымалось с соблюдением определенных формально-юридических условий (ст. 57 гл. XXI Уложения). Важнейшим таким условием было участие в обыске и изъятии обнаруженного имущества пристава и понятых («сторонних людей, кому можно верить»). Человек, приведенный с «поличным», должен был его «очистить» или «отвести». В противном случае, прибегали к процедуре «пытки по поличному». В случае непризнания пытаемого в похищении имущества следовал повальный обыск.

«Язычная молка» или «язык» – это оговор или указание одного человека на другого как на преступника во время пытки или «роспроса» (ст. 38 гл. XXI). «Язычная молка» всегда влекла за собой очную ставку. «Язык» ставился с «очей на очи» с «оговоренным человеком» и должен был опознать его «среди многих людей». Если язык не узнавал оговоренного или, узнав, «сговаривал с него», то языка вновь пытали, подозревая в нем подставного человека. При подтверждении на новой пытке со стороны «языка» факта, что он обвинил («поклепал») оговоренного напрасно, последнего «отдавали за пристава и про него обыскивали» (ст. 44 гл. XXI).

Повальный обыск мог начаться и по просьбе лица, «оговоренного языком» в татьбе и разбое, или по просьбе лица, опознанного на очной ставке. Такой человек брался под стражу, и на его имущество накладывался арест. В случае признания его большинством опрошен-

¹ До Соборного уложения 1649 г. «роспрос» был известен Уставной книге Разбойного приказа 1616 г. (ст. 10), позднее регулировался Новоуказными статьями 1669 г. (ст. 19).

ных людей «лихим человеком» или признания им самим своей вины на пытке его приговаривали к смертной казни.

Во всех случаях проведения повального обыска его техническая сторона (процедура) была однообразной. Губному старосте или воеводе из приказа посылалась наказная память, в которой указывались предмет и территориальные пределы повального обыска. Показания опрашиваемых людей губной староста или губой дьяк записывали (заносили в «список»). Затем этот своеобразный протокол подписывался опрошенными людьми или их духовными отцами. «Список» скреплялся печатью и отсылался обратно в приказ с тем же приставом, который доставил наказную память.

Выступая процессуальным способом расследования преступлений, повальный обыск был и средством получения информации о совершенных преступлениях на территории судебного округа и выявления «лихих людей». Уставные книги Разбойного приказа и Соборное уложение (ст.ст. 82–89 гл. XXI) предписывали губным старостам при вступлении в должность проводить массовый опрос жителей округа всех сословий без исключения («без омены»), а крестьян – от каждого пахотного участка («с выти по человеку»). Губной староста приказывал жителям округа собраться в назначенном месте и опрашивал их по «крестному целованию»: «Кто у них в селах и деревнях лихие люди – тати, разбойники, к кому они приезжают и разбойную рухлядь привозят, и от кого на разбой ездят и кому разбойную рухлядь продают»¹. Полученные сведения записывались в «списки». «Лихованные» в этих опросах лица разыскивались и заключались в тюрьму. Далее применялся весь арсенал процессуальных средств: пытка, повальный обыск, очные ставки и т. д.

Таким образом, повальный обыск в середине XVII в. – это яркий пример совпадения формы уголовно-процессуальных действий и формы производства уголовно-сыскных действий. Это совпадение является проявлением интеграции следственной и розыскной деятельности в сыском судопроизводстве, при преобладании первой и вспомогательной роли второй.

Преобладание следственных начал просматривается также в процессуальной процедуре «окольного обыска», выработанной досу-

---

¹ Российское законодательство... Т. 3. С. 428.

дебной практикой во второй половине XVI в. и тогда же урегулированной правом сначала в Уставных книгах Разбойного приказа, а затем в Соборном уложении (ст.ст. 58–59, 76 гл. XXI). В первой половине XVII в. окольный обыск был направлен на выявление мест сбора разбойников и хранения награбленного имущества – «разбойных приходов», «разбойничьих станов», «приездов». По Соборному уложению «окольный обыск» проводили в двух случаях. Во-первых, когда требовалось узнать, была ли оказана помощь лицам, подвергшимся разбойному нападению («разбиваемым» людям) со стороны соседей, слышавшим «крик и воп разбиваемых», а также установить, были ли организованы ими преследование и розыск тех преступников. Во-вторых, когда нужно было удостовериться в количестве сожженного разбойниками имущества. Все результаты, полученные в ходе «окольного обыска», являлись доказательствами в делах о кражах, разбое, убийстве и имущественных спорах о границах феодальных земельных владений (ст. 76 гл. XXI).

Фундаментальной правовой основой повального и окольного обыска как средств инквизиционного судебного процесса являлась возложенная законодателем на крестьянскую общину и посад обязанность преследования, обнаружения и поимки разбойников и татей на соответствующей территории волости или посада. Зачастую «обыскные люди» указывали на своих соседей как на «лихих» из-за ссор, а не из-за «воровских приездов и разбоев». Поэтому в правовой регламентации «окольного обыска» государственной властью была учтена вероятность ложных показаний со стороны соседей «по недружбе», и предписывалось проверять его результаты, увеличивая количество «обыскных людей» на 15–20 человек. Тем самым «окольный обыск» перерастал в «повальный обыск». При этом на протяжении XVI – первой половины XVII вв. обязательное количество участников повального обыска постоянно расширялось. По Судебнику 1497 г. в «обыске» участвовали 5–6 человек; по Судебнику 1550 г. – до 10–20 человек; по губным и земским грамотам и Уставным книгам Разбойного приказа – 50–100 человек. Такое количество участников повального обыска неизбежно вело к снижению чувства ответственности каждого из них.

Все же по причине недоверия власти к результатам «повального обыска» во второй половине XVII в. его значение стало падать. Стре-

мясь повысить ответственность «обыскных людей», государственная власть стала прибегать к репрессивным мерам. За разноречивость показаний к участникам «повального обыска» стали применять телесные наказания (битье кнутом) и взыскивать с них материальные убытки по «обысчному делу». Однако телесному наказанию подвергались не все, а «и ис тех людей, изо ста человек» выбирали «лутчих людей прикащиков и крестьян, пяти или шти человек». На бояр, дворян, дьяков и приказных людей возлагалась ответственность за лжесвидетельство зависимых от них или им подчиненных людей. На бояр и дворян налагалась «великая опала» от государя, а зависимые от них лица подвергались смертной казни. При этом феодалы, не заинтересованные в потере рабочих рук, не стали надежным гарантом от лжесвидетельств со стороны крестьян.

Силовые методы не дали желаемого результата. В правовых источниках второй половины XVII в. повальный обыск назван «душевредством», т. е. клеветой из мести. По этой причине в дополненных в 1669 г. Новоуказных статьях субъектам сыскного судопроизводства предписывалось: «Верить достоверным свидетелям, а не глаголу их; <...> сыскивать про всякие дела теми людьми, которые сами про что ведают подлинно или видели, и скажут имянно» (ст. 28). Но и эта мера не устранила недостатка повального обыска. Поэтому в мае 1688 г. был издан специальный указ, требовавший, чтобы потерпевший в челобитной грамоте указывал подозреваемого в краже. В противном случае, выдача сыскной грамоты «для сыска повальным обыском воровских людей» запрещалась.

В начале XVII в. практика поимки и розыска преступников обогатилась новым способом – словесным портретом, и описание внешности разыскиваемых лиц стало развиваться в способ идентификация личности преступника по особым приметам. Воеводы и приказы рассылали «по селам и деревням везде не задерживая ни часу» соответствующие памяти о побеге преступников с указанием их примет. Например, в 1618 г. ростовский воевода отписывал: «Побежал от князя Ивана Буйносова ростовского колодник чернец Дионисий, ростом высок, нос велик, глаза серы, борода велика, прочермь руса, широка, плешь до полуголовы, платье на нем – шуба боранья худа, манатья короткая». В 1668 г. из Казанской в Нижегородскую приказную избу послана память о побеге «вора и разбойника», уроженца села Воро-

нино Нижегородского уезда, крестьянина Ивана Леонтьева, по кличке Самара: «ростом из средних, не мал, в плечах широк, волосы на голове светлорусы, борода велика, светлоруса ж, голощек, нос ксорос, плоск, глаза серы ямоваты, смугловат, лобаст, пытан и жжен». Словесный портрет как средство розыска преступников законодательно был закреплен Новоуказными статьями 1669 г. Здесь местным феодалам и должностным лицам предписывалось в случае отлучения ранее судимого лица с постоянного места жительства «не сказався», оповещать о том сыщиков с указанием особых примет этих лиц и биографических сведений о них (ст. 25). Кроме того, словесный портрет успешно сочетался с основными средствами инквизиционного судебного процесса в условиях крепостного права, препятствующего активной миграции населения.

Закреплению словесного портрета как способа отыскания и идентификации преступника способствовало развитие в системе наказаний практики клеймения осужденных, имевшего целью пометить преступника при отсутствии документов¹. Эта практика получила законодательное подтверждение в указе «О клеймении преступников» 1637 г., который предписывал «пятнати» лица разбойников и татей буквами-знаками и отправлять в Сибирь. В 1691 г. петровским указом было велено «запятнать» знаком – «В» всех, кому смертная казнь была заменена ссылкой, чтобы «впередь кто из тех воров из ссылки сбежит, а объявиться в Москве, был бы тут опознан».

Активным дополнением правовых средств инквизиционного процесса в XVI–XVII вв. был исконный способ розыска и поимки преступника, применявшийся в среде общины и посада – «гонение следа». В этот период он все более срастается с повальным обыском и действительно становится способом поимки преступника по горячим следам (ст.ст. 59, 60 гл. XXI Уложения) и в условиях крепостного права обладает мощным оперативным потенциалом. С принятием Соборного уложения крепостное право распространялось не только на крестьян, но и на городское население. Прикрепляя основную массу городского и сельского населения к определенному месту проживания без права покинуть его, законодатель одновременно обязывал всех, живущих по соседству, в случае совершения тяжкого преступ-

---

¹ Подробнее см.: *Рогов В.А.* История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995.

ления принимать немедленные меры к розыску и поимке преступников. В законе оговаривалось, что соседи, слыша «крик и воп» пострадавших в момент совершения разбоя, были обязаны идти «на след» или «в погоню». «Неотведение следа» жителями села, в который привел след, по нормам Соборного уложения квалифицировалось как укрывательство разбойников. Поэтому жители села, где скрылись разбойники, подвергались сначала повальному обыску, а если его результаты и итоги расспроса (т. е. допроса) «погонных людей» подтверждали факт укрывательства, то – пытке. Подтвержденный факт укрывательства квалифицировался законом как соучастие в преступлении. Поэтому оперативность проведения «гонения следа» гарантировалась суровым наказанием за уклонение от его проведения.

Законодательное подтверждение назначения «гонения следа» как способа отыскания и поимки преступников состоялось в Новоуказных статьях 1669 г. (ст. 56). Тем самым был подведен итог многовековой трансформации «гонения следа» из общинного судебно-процессуального института, каким он предстает в Русской Правде, в полицейскую обязанность населения по отысканию и поимке преступника. Этой целью исчерпывалось содержание уголовного сыска, как части следственно-розыскной деятельности в рассматриваемый период.

Тема 5. РОССИЙСКИЙ СЫСК В XVIII в.: **СТАНОВЛЕНИЕ СЫСКА КАК ФУНКЦИИ ПОЛИЦИИ**

5.1. Реорганизация субъектов общеуголовного сыска в первой половине XVIII в.

5.2. Сыщики и милитаризация общеуголовного сыска в первой половине XVIII в.

5.3. Эволюция общеуголовного сыска в функцию общей полиции во второй половине XVIII в.

5.1. Реорганизация субъектов общеуголовного сыска в первой половине XVIII в.

В становлении правоохранительной функции Российского государства XVIII век занимает особое место. Проведенные в первой четверти XVIII в. реформы армии, финансов, церкви, судоустройства и государственного управления, учреждение полиции, сопровождавшиеся изданием огромного количества нормативных правовых актов, способствовали совершенствованию правовых и организационных форм охранительной функции государства и деятельности его органов.

Развитие организации сыска в этот период проходило под влиянием административной и судебной реформ и учреждения общей полиции (1718 г.). В ходе административной реформы (1708–1709 гг.) были учреждены губернии во главе с губернаторами, к которым перешли функции территориальных приказов и воевод, что создало предпосылки формирования в конце XVIII в. управления и организации деятельности общей полиции России по децентрализованному принципу. Судебная реформа (1718–1719 гг.) явилась первой, но непоследовательной попыткой разделения административной и судебной властей. Общая полиция создавалась по замыслу Петра I как орган общедминистративного управления, исполнявший при этом функции охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, включая расследование преступлений, розыск и поимку преступников. Учреждение органов суда и полиции способствовало в дальнейшем организационной дифференциации инквизиционного процесса на судебную и досудебную стадии. Тем самым были заложены основы развития суда и предварительного расследования как самостоятельных функций правосудия. Однако с момента учреждения общей полиции общеуголовный сыск не являлся исключительно ее функцией и даже не был основным направлением ее деятельности. Эволюция общеуголовного сыска в функцию общей полиции заняла более полувека.

Становление регулярной полиции в России берет начало в мае 1718 г., когда в Санкт-Петербурге была учреждена должность генерал-полицмейстера. В 1720–1721 гг. органы полиции создаются в некоторых периферийных городах на средства магистрата, а в 1722 г. в Москве учреждаются должность обер-полицмейстера и его канцелярия. В 1733 г. учреждаются полицмейстерские конторы в 23 городах Империи¹. Они были подчинены Главной полицмейстерской канцелярии. В 40-х годах XVIII в. полицмейстерские конторы стали создаваться по инициативе местных органов управления (например, в Туле, Серпухове, Арзамасе, Ельце, Кунгуре и Муроме). В марте 1762 г. последовал указ Сената, разрешивший генерал-полицмейстеру самостоятельно решать вопрос об учреждении полицмейстеров в городах. Этим же указом полицмейстерские конторы были подчинены губернаторам. При этом оговаривалось, что губернаторы и воеводы в организации полицейской деятельности подчиняются Главной полицмейстерской канцелярии: «По делам полицейским имеют быть зависимыми от Главной полиции»².

На протяжении всего XVIII в. шло формирование не только полицейского аппарата, но и полицейского права. В большом количестве законодательных актов, направленных на регламентацию деятельности полиции, определялись направления ее деятельности и конкретизировались, хотя и не всегда отчетливо, отдельные полномочия органов полиции.

Одной из многочисленных функций полиции законодатель определял расследование и судебное рассмотрение уголовных дел. По этой части полицмейстерские канцелярии имели широкие полномочия. Они были уполномочены проводить дознание и предварительное следствие по всем обнаруженным полицией преступлениям, а также суд в отношении лиц, подведомственных полиции. Вынесенные приговоры полиция сама приводила в исполнение. В Регламенте Главному магистрату 1721 г., определявшему сущность и назначение полиции как «души гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства», указывалось,

¹ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 155–156; История органов внутренних дел: сб. документов. Вып. 2. Общая полиция в России XVIII в. / сост. А. Я. Малыгин, М. И. Сизиков. Курск, 1998. С. 27.

² См.: История органов внутренних дел... Вып. 2. ... С. 31–32.

что она «всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных». Иначе говоря, на полицию возлагались задачи предупреждения и пресечения преступлений, розыск преступников¹. И задачи эти она выполняла. Например, Московская полицмейстерская канцелярия за период август–октябрь 1724 г. рассмотрела 66 дел о кражах. Чтобы воры не могли проникнуть во дворы, жителям предписывалось возводить заборы в 4 аршина высотой². В тех случаях, когда полицейские служители и караульщики не могли схватить вора, они били в трещетки и кричали «караул!». Все, кто слышал этот призыв, должны были бежать на помощь. Не пришедших на помощь карали наравне «со злодеями».

Разрастание аппарата полиции сопровождалось расширением и усложнением ее компетенции. Полиция вела борьбу с нищенством, проводила переписи городского населения, следила за противопожарной безопасностью, осуществляла контроль за торговлей, надзирала за благоустройством городов и регламентировала строительство, вела учет иностранцев, приезжавших в Россию, преследовала старообрядцев. И, наконец, одной из этих многочисленных ее задач была борьба с преступностью.

В первой половине XVIII в. полномочия и компетенция общей полиции в сфере борьбы с преступностью постепенно расширялись. В 30-е годы XVIII в. полицмейстерские конторы периферийных городов производили дознание в отношении задержанных полицией «воров и разбойников» и их розыск³. В 1746 г. следствие и суд в отношении воров и разбойников, пойманных в Петербурге и Петербургской губернии, были переданы Главной полицмейстерской канцелярии. Для исполнения этих функций в ее составе была создана Розыскная экспедиция. Ее штат состоял из советника, двух ассессоров, двух секретарей и канцелярских служителей.

Главная полицмейстерская канцелярия категорически запрещала полицмейстерским конторам периферийных городов вести следствие. Самостоятельно полиция могла определять меры наказания только по малозначительным правонарушениям: хождение в кабаки и по улице в

¹ См.: История органов внутренних дел... Вып. 2. ... С. 13.

² См.: Сизиков М. И. Становление и развитие общей... С. 19.

³ См.: Сизиков М. И. Полиция Российской империи в середине XVII в. // Советское государство и право. – 1993. – № 11. – С. 120–131.

«неуказанные часы», пьянство, продажа испорченного продовольствия, потеря указа, предоставление постоя в доме лицам, не имевшим паспортов, топление печи летом и т. д. Полиция развивалась преимущественно как административное учреждение, но в ее ведении сохранялись дознание и уголовный сыск. При производстве дознания полиция производила некоторые следственные действия: осмотр места происшествия и потерпевшего, изъятие орудия преступления, задержание подозреваемого. Содержание и назначение уголовного сыска исчерпывалось, как и ранее, отысканием и поимкой преступников. Существенное место в деятельности полиции занимал сыск беглых крестьян, мастеровых и солдат.

Розыск преступников и беглых людей проводился средствами и методами, применявшимися во второй половине XVII в. Полицейские служащие, старосты, сотские и десятские публично объявляли горожанам приметы разыскиваемых лиц. Горожане обязаны были сообщать полиции об известных им беглых и преступниках. За недонесение виновных карали штрафом, а поимка беглого человека вознаграждалась суммой в два рубля.

В первой половине XVIII в. полиция еще не представляла собой развитый в структурном и численном отношении государственный орган, способный эффективно выполнять функции по охране общественного порядка и уголовного преследования. Поэтому как полицейские функции, так и функции уголовного преследования – предварительное расследование и уголовный сыск, сохранялись у традиционных общеадминистративных органов предыдущего столетия: приказов, экспедиций, воевод, представителей общинной выборной администрации или возлагались на новые органы управления – губернаторов, в помощь которым придавались военные гарнизоны. Следствие и суд по делам о разбоях, кражах и убийствах вели: в Петербурге – Юстиц-коллегия; в Москве – Сыскной приказ; в остальных городах – губернские и воеводские канцелярии.

Сыскной приказ как специальный орган для производства следствия и суда по уголовным делам был создан в 1730 г. указами от 20 марта и 22 июня в Москве (теми же указами в Москве был образован и Судный приказ). Учреждение Сыскного приказа было вызвано рядом причин. Во-первых, появлением большого количества дел по общеуголовным преступлениям, с которыми Московская губернская

канцелярия уже не могла справиться. Во-вторых, подчиненная с 1729 г. Сенату, а затем превратившаяся в Главную, Московская полицмейстерская канцелярия была столь малочисленной, что даже после утверждения ее штатов в 1731 г. насчитывала 132 полицейских служащих. Кроме функций уголовного сыска, на этот малочисленный и непрофессиональный состав возлагался огромный объем административных, хозяйственных и контрольных функций, установленных Инструкцией Московскому обер-полицмейстеру 1722 г., бывший ему явно не по силам. В-третьих, территориальные полицейские команды состояли из унтер-офицеров и солдат, временно прикомандированных от Московского гарнизонного полка, а обер-офицеры в полицмейстерскую канцелярию и на съезжие дворы (полицейские части города) определялись из отставных армейских офицеров.

Напротив, Сыскной приказ по функциям и задачам, определенным Указом от 22 марта 1730 г., учреждался как специальный и основной орган преследования общеуголовных преступлений сначала в Москве, а затем и в близлежащих уездах. Создание Сыскного приказа явилось частным проявлением общей тенденции реставрации некоторых государственных органов и институтов допетровской эпохи, отмечаемой в период правления Анны Иоанновны, в том числе в области борьбы с преступностью.

Сначала в ведении Сыскного приказа находились только те уголовные преступления, за которые налагались тяжелые наказания: ссылка в Сибирь, в «крепости и на заводы в работу навечно», казнь и лишение прав состояния («политическая смерть»). Впоследствии круг его деятельности существенно расширился. Здесь стали производить следствие и суд по менее тяжким преступлениям (например, по побегам крепостных от своих владельцев) и по преступлениям против веры и церкви. С 1734 г. по указу Правительствующего сената Сыскной приказ стал центральным органом, ведавшим пересылкой всех колodников, осужденных к ссылке в Сибирь и Оренбург («к умножению там русских людей»).

Сыскной приказ обычно сам начинал преследование преступников по доносам, а также по исковым челобитным потерпевших от преступления лиц, по указаниям и сообщениям (промемориям) различных правительственных учреждений. Основной формой розыска обвиняемых лиц являлся сыск по «наказу». По «наказу» отправлялись

подьячий с солдатами и понятыми («окольными людьми»). Такая процедура называлась также «доездом». «Доезды» были настоящим бедствием для обывателей, особенно сельских, поскольку посылаемые команды часто хватали людей без разбора, кто попадет, и ни в чем неповинные люди иногда на протяжении нескольких лет томились в тюрьмах и даже подвергались пыткам.

На службе в Сыскном приказе состояли специальные лица – доносители. Именно на доносителей были возложены обязанности предупреждения преступлений и сыска воров и разбойников, а также мест их пристанища. Одним из таких доносителей был Иван Осипов, известный как Ванька Каин, – вор и грабитель.

В 1763 г. Сыскной приказ был ликвидирован, а его дела переданы в Розыскную экспедицию Московской губернской канцелярии, учрежденную в том же году по образцу Розыскной экспедиции в Петербурге.

Московская Розыскная экспедиция находилась под ведением и надзором московского губернатора и в непосредственном подчинении Московской губернской канцелярии. Розыскная экспедиция практически заменила упраздненный Сыскной приказ. К ней перешли все функции и круг ведомства Сыскного приказа. При этом территория, на которую простиралась юрисдикция бывшего Сыскного приказа, была существенно расширена. Кроме Москвы и Московского уезда, к ведению Розыскной экспедиции были предписаны еще двенадцать уездных городов, преимущественно Московской губернии, а также некоторые города других смежных губерний. Характер дел, входивших в компетенцию Розыскной экспедиции, был определен самой формой судопроизводства: ее ведению подлежали все дела, по которым, согласно Соборному уложению 1649 г. и последующим законодательным актам, назначался розыск. В 1782 г. она была упразднена, а ее функции были переданы палате уголовных дел, образованной на основании «Устава благочиния, или полицейского» 1782 г.

5.2. Сыщики и милитаризация общеуголовного сыска в первой половине XVIII в.

В поисках оптимальных форм противодействия увеличивающимся из года в год разбоям и грабежам государственная власть, наряду с полицией, к решению этой задачи привлекает армию и воссоздает недавно упраздненный институт сыщиков. В первой половине XVIII в. основными субъектами «искоренения» воров и разбойников постепенно становятся армия и Военная коллегия, что являлось ничем иным, как проявлением милитаризации государственного аппарата в первой четверти XVIII в. в условиях ведения Северной войны.

В «нестоличных» губерниях функции досудебного уголовного преследования (розыск и следствие) воров и разбойников, производство над ними суда и уголовной расправы, наряду с воеводами, были возложены на учрежденных в 1708 г. губернаторов. Для розыска и поимки преступников в распоряжение губернаторов был предоставлен военный гарнизон, от которого следовало отряжать «пристойные партии». Однако воеводы должны были, как и в предшествующий период, формировать свой отряд для поимки преступников из местных жителей.

Силы органов местного управления оказались недостаточными, и уже в первом десятилетии XVIII в. стали распространяться разбои, усугублявшие и без того сложную внутреннюю обстановку в стране в связи с начавшейся в 1700 г. Северной войной. Так, например, уже в 1710 г. к царю обратились помещики и вотчинники Можайского уезда и городов Клин и Волоцк с челобитной, где прямо указывали, что сыскивать и ловить разбойников некому, и обращались с просьбой назначить сыщика. С удовлетворения царем этой просьбы в России началась реставрация института сыщиков. Однако теперь сыщики назначались не из состава служащих приказов или других органов гражданского управления, как во второй половине XVII в., а из состава лиц, проходивших военную службу. Следствием этого нового подхода в формировании института сыщиков явилась передача функции общеуголовного сыска войсковым подразделениям.

Первым таким новым сыщиком, назначенным Петром I 30 ноября 1710 г. для искоренения разбоев не только в Можайском уезде, но и в «иных городах и уездах Московской губернии», стал полковник Феодосий Юрьевич Козин. Для организации борьбы с разбоями в

данном ему вместе с назначением наказе «О поимке воров и разбойников и об исследовании их преступлений» предписывалось преследовать разбойников и воров лично, опираясь на местное население. Полномочия сыщика были такими же широкими, как во второй половине XVII в.: розыск и поимка разбойников, производство предварительного расследования и суда, вынесение приговоров, вплоть до смертной казни, и приведение судебного решения тут же в исполнение. В случае необходимости сыщик мог обращаться в другие губернии с требованием поимки и присылки к нему лиц, которые были «оговорены» находящимися у него под следствием преступниками. Сыщик обладал правом требовать от местных жителей всех сословий без исключения активного содействия. Отказ в содействии сыщику грозил наказанием – ссылкой на каторгу. Сам сыщик за плохое исполнение своих обязанностей также подвергался наказанию: «быть в великой опале, и поместья и вотчины описаны будут на Великого Государя; и розданы в раздачу бесповоротно».

Предписания Наказа 1710 г. были основаны на нормах Соборного уложения и Новоуказных статей. Наказ представлял собой настолько подробную и четкую инструкцию их применения, что стал основой Указа Сената «О беспрепятственном розыске и преследовании сыщиками воров и разбойников и их сообщников по всем губерниям» от 12 октября 1711 г. и «Инструкции полевых и гарнизонных команд офицерам, отправленных для сыску беглых драгун, солдат, матросов и рекрут для искоренения воров и разбойников и пристанодержателей их» от 24 декабря 1719 г. Из текста Указа Сената от 12 октября 1711 г. следует, что институт сыщиков был восстановлен уже повсеместно. Указом Сената от 21 мая 1743 г. учреждение сыщиков в губерниях и городах («Указ сысчикам») было подтверждено. Специальными инструкциями сыщикам предписывалось в преследовании разбойников и воров, беглых крестьян, солдат и драгун руководствоваться Соборным уложением 1649 г. и «по прежним указам», а «вступаться в частные и непринадлежащие до них дела» запрещалось.

К середине XVIII в. назначение сыщиков из лиц, находившихся на постоянной воинской службе, прочно вошло в практику. С 30-х годов XVIII века в помощь сыщикам стали выделять от полков отряды из драгун и солдат. Кроме того, сыщикам предписывалось формировать на местах отряды из «отставных от полевых полков» или «из

других каких служилых людей, сколько надлежит, по рассмотрении Военной коллегии». Все расходы по содержанию этих отрядов «сверх полкового комплекта» также возлагались на Военную коллегию. Кроме того, Сенатский указ от 26 июня 1745 г. прямо указал, что жалобы на сыщиков подаются в Военную коллегию. Таким образом, институт сыщиков в первой половине XVIII в. приобретает военизированный характер.

Параллельно с реставрацией и милитаризацией института сыщиков шел процесс возложения функции общеуголовного сыска на полковников и офицеров полков, расквартированных на местах. Созданные в годы правления Петра I органы местного управления в лице губернаторов и их канцелярий, на которые наряду с другими возлагались функции охраны общественного порядка, не были еще развиты в той степени, чтобы принять на себя весь объем борьбы с общеуголовной преступностью. Органы общей полиции, также призванные вести борьбу с преступностью, не были повсеместными, и даже в столицах не обладали достаточным для этого штатом. Поэтому государству, кроме военной силы, противопоставить разбоям и грабежам было нечего. К тому же в основе вовлечения армии в решение задачи противодействия преступности лежала практика использования для ликвидации разбойных шаек военных команд еще во второй половине XVII в.

В 1702 г. в Костромской и Галицкий уезды «для сыску разбойников» была направлена рота солдат во главе с капитаном Рагульским, усилиями которых были схвачены «знаменитые злодеи» – помещики Захар Полозов, Никифор Сытин, Петр Синяшин и другие, которые разбойничали со своими людьми.

Офицерам воинских команд в сыске о разбойниках и ворах предоставлялись широкие полномочия. Например, в Сенатском указе «О вешании воров и разбойников в тех местах, где будут пойманы» от 14 июня 1711 г. поручику Т. Дееву предписывалось: «А которые из них (преступников – Т. М.) подлежат казни и тех вешать в тех же местах, где будут пойманы и воровали и станы держали». 12 августа 1712 г. был издан Сенатский указ «О вменении полковым командам в обязанность, чтобы они по извещению губернского начальства отряжали воинские команды для сыска воров и разбойников». Полковникам предписывалось в случае появления в тех местностях, где

расквартирован их полк, разбойных банд, оказывать губернаторам содействие в борьбе с ними или же самостоятельно приступить к немедленной их ликвидации, сообщив в Военную и Юстиц-коллегию. Полномочия офицеров воинских команд по производству сыска позже были подтверждены Инструкцией от 24 декабря 1719 г. и указами от 26 июня 1724 г., 21 июня 1728 г., 12 сентября 1728 г., 9 января 1730 г., 5 октября 1730 г., 7 июня 1731 г., 28 августа 1744 г. и др.

В Нижегородской губернии были даже сформированы регулярные воинские подразделения – конная и пехотная роты – исключительно для сыска воров и разбойников. Начало их становления было положено в 1728 г., когда в Пензинскую провинцию для искоренения воров и разбойников был послан полковник Азовского драгунского полка Сытин с «пристойною командою». По указу Правительствующего Сената от 3 сентября 1736 г. солдаты этой команды были откомандированы обратно к своим полкам. Вместо них были учреждены конная и пехотная роты из отставных обер- и унтер-офицеров. Жалованье они получали из средств, взыскиваемых по «воровским делам штрафных доходов», а ружья и амуницию – из списанного имущества полка. В 1741 г. по распоряжению Военной коллегии для служащих рот были пошиты мундиры. Тогда же последовал Сенатский указ: «Содержать их, как жалованьем, так и всею амунициею по гарнизонному штату от комиссариата».

Военная коллегия не только разделяла функцию общеуголовного сыска с еще немногочисленными тогда полицмейстерскими канцеляриями, но и стала в этот период основным субъектом его организации. Устойчивое сохранение функции противодействия разбоям и поимки преступников за Военной коллегией вплоть до середины XVIII в. объясняется еще и субъективным фактором непрочности порядка престолонаследия. В эпоху дворцовых переворотов монархи, как правило, делали ставки на гвардию, а престол занимали в основном представительницы слабого пола, и не все из них разбирались в особенностях и тонкостях структуры и обязанностей «силовых» ведомств.

Таким образом, к середине XVIII в. общеуголовный сыск становится в основном функцией Военной коллегии и подчиненных ей сыщиков, формируемых из состава кадровых офицеров (штаб-офицеров, обер-офицеров, майоров и полковников). Сыщики воз-

главляли приданные им из состава регулярных армейских подразделений военные отряды, а также отряды из отставных военных, формируемых на местах. Однако в условиях мирного времени функцию общеуголовного сыска военные рассматривали как им несвойственную и чуждую, тяготились ею и исполняли неэффективно.

В 40–50-х гг. XVIII в. разбои достигли особого размаха. В Сенат стали поступать сведения о деятельности вооруженных разбойных банд вдоль рек Ока, Волга, Сура «на воде» и «на суше», а также около Москвы. Ответной мерой государства стала попытка усиления аппарата сыщиков путем учреждения Указом Сената от 19 ноября 1756 г. должностей четырех главных сыщиков (Указ «Об определении главных сыщиков для сыску и искоренения воров и разбойников, и беглых людей»). Главным сыщикам были подчинены все военные команды, ранее отправленные для искоренения воров и разбойников, и внутренние гарнизоны. К указу прилагалась специальная «Инструкция определенному для сыска и искоренения воров и разбойников главному сыщику». Это был наказ главным сыщикам об их обязанностях и правах, порядке сыска и деятельности и взаимодействии при ее осуществлении с другими органами и должностными лицами. При необходимости главные сыщики имели право требовать помощи людскими ресурсами от воевод.

В «Инструкции» всячески подчеркивалось требование оперативности осведомления главного сыщика административными властями губерний и уездов об обнаружении разбойников и местах их пристанищ. Такая же оперативность требовалась и от самих сыщиков в реагировании и организации преследования и поимки преступников.

Подчинялись главные сыщики Сенату и один раз в три года представляли ему отчет по результатам деятельности в форме рапорта. Это обстоятельство, а также подчинение главным сыщикам всех воинских команд, посланных для ликвидации разбойных шаяк, указывает на попытку власти централизовать борьбу с разбоями в целях повышения ее эффективности.

Милитаризация общеуголовного сыска в первой половине XVIII в. проявилась и в его специфических методах. Основным методом борьбы с разбойными бандами в этот период были военно-карательные операции – «вступать в бой», что вполне объяснимо при исполнении функции общеуголовного сыска армейскими частями.

В Наказе сыщику 1710 г. впервые встречается предписание соблюдать конспирацию при преследовании разбойников. В Инструкции командирам воинских команд от 24 декабря 1719 г. (п. 3) командирам гарнизонов и военных отрядов перед началом операции по ликвидации разбойной банды предписывалось провести разведывательные мероприятия. Здесь же рекомендовалось «воров живых получить, а особливо их воровских атаманов», чтобы получить от них как можно больше информации о разбойной банде.

В «Инструкции сыщикам для искоренения воров и разбойников» от 7 сентября 1744 г. и в «Инструкции главному сыщику» от 19 ноября 1756 г. развивались предписания не только о конспирации и разведке, но и вербовке добровольных осведомителей и лазутчиков. В Инструкции 1756 г. четко было определено, что «агентов» следует вербовать из числа «жителей, к тому способных людей» тех местностей, где организовывались «разбойничьи станы». Задача лазутчика состояла в выяснении личности и примет предводителя преступной группы, ее численности и степени вооруженности. За оказанные услуги выплачивалось вознаграждение в сумме 5 рублей за каждого пойманного преступника.

Разбои носили очевидный характер, и разбойничьи шайки, как правило, были хорошо вооруженными организованными отрядами. Ввиду этого деятельность добровольных осведомителей и лазутчиков можно скорее отнести к конспиративно-разведывательному мероприятию по сбору информации в рамках подготовки военно-карательной акции, чем к негласному агентурному (негласное наблюдение) методу уголовного сыска.

5.3. Эволюция общеуголовного сыска в функцию общей полиции во второй половине XVIII в.

Во второй половине XVIII в. в связи с упрочением и развитием абсолютизма полицейский аппарат значительно вырос, расширились и укрепились его полномочия по охране общественного порядка на улицах, площадях и иных общественных местах.

В мае 1762 г. императором Петром III был издан именной указ «О расположении войска по квартирам», адресованный Военной коллегии. В нем четко выражалось мнение монарха о принадлежности функции общеуголовного сыска исключительно органам общеадми-

нистративного управления: «От всех сыщиков все воинские команды отобрать, а о искоренении того злодейства имели Наш Сенат наистрожайшие указы и достаточные наставления губернаторам и воеводам дать, и впредь от полков людей никуда в дальнейшие отлучки без указа оной Коллегии (т. е. Военной коллегии – Т. М.) не отлучать».

В июне 1762 г. последовал Сенатский указ, предписывающий сыщикам отпустить немедленно команды к их полкам, а самим передать имеющиеся в производстве уголовные дела губернским, провинциальным и воеводским канцеляриям. Этим же указом «искоренение воров и разбойников» было возложено также на помещиков, управителей дворцовых волостей, сотских и десятских светских и церковных земель.

Следующий указ от 2 октября 1762 г., принятый уже при Екатерине II, предписывал губернаторам и воеводам в деле искоренения воров и разбойников поступать по «Наказу губернаторам и воеводам, и их товарищам» от 12 сентября 1728 г. В то же время в этом Наказе в случае необходимости («где окажутся разбойничьи собрания многочисленностью») была предусмотрена возможность привлекать воинские команды («из гарнизонов пристойные партии, а по недостаточеству в оных людей... требовать, где случаться армейские полки по близости») по требованию губернаторов и воевод. Обязанность командиров полков в борьбе с разбоями в месте дислокации полка подтверждалась «Инструкцией пехотного полка Полковнику с приложением форм и штатов» от 8 декабря 1764 г. и «Инструкцией конного полка Полковнику» от 14 января 1766 г. Но теперь полномочия военных в сфере уголовного преследования существенно ограничивались. Пойманных преступников они обязаны были передать для дальнейшего уголовного судопроизводства губернским и воеводским канцеляриям.

В конце 60-х гг. XVIII в. впервые после петровских реформ была сформулирована и выражена официальная точка зрения на понятие полиции, ее функции и задачи, хотя заимствованная Екатериной II из сочинений немецких полицейстов. В дополнительной, XXI главе, к Большому наказу, данного Екатериной II Уложенной комиссии в 1768 г., предполагалось, возложить на полицию предупреждение и выявление уже совершенных преступлений, проведение дознания по ним и передачу преступников в суд. Тем самым впервые был сфор-

мулирован взгляд власти на полицию как на государственный карательно-репрессивный орган.

В ходе реформ уездной (в 1775 г.) и городской (в 1782 г.) полиции, последовавших за подавлением крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева, борьба с грабежами, кражами и разбойными нападениями стала одним из основных направлений деятельности регулярной полиции. По «Учреждениям для управления губерний» 1775 г. полицейские функции в уездах исполняли нижние земские суды во главе с земскими исправниками, а в городах – городничие, которые возглавляли городскую полицию. Именно этим органам вменялась в обязанность борьба с общеуголовной преступностью. Земский исправник был обязан при обнаружении в уезде «скопища воров» уведомить об этом вышестоящее начальство и, не теряя времени, приложить «всевозможное старание воров иметь в тех местах в уезде, где находятся» (ст. 244). Аналогично определялись обязанности городничего (ст. 276)¹.

В 1782 г. в городах были учреждены новые коллегиальные органы административно-полицейского управления – управы благочиния. Организация и деятельность этих органов подробно регламентировались «Уставом благочиния или полицейским» 1782 г. В состав управы благочиния входили городничий и два пристава: гражданских и уголовных дел. Важнейшими функциями управы благочиния являлись «открытие преступлений и проступков, предупреждение оных, имание под стражу, исследование на месте, обнаруживание и утверждение доказательства преступлений и проступков...». Осуществление этих функций предписывалось приставу уголовных дел, который ведал охраной общественного порядка и общеуголовным сыском на территории города и прилегающей местности.

В полицейских частях, на которые делился город, дознание по уголовным делам и обнаружение преступников входило в обязанность частных приставов (ст. 88 «Устава благочиния»). В соответствии со статьями 99 и 105 «Устава благочиния» частный пристав производил словесное исследование и составлял протоколы. Причем в ст. 105 Устава было подробно указано, что частный пристав в случае выявления совершенного преступления должен был установить лич-

---

¹ Российское законодательство ... Т. 5. С. 222, 272.

ность потерпевшего, состав деяния, способ и орудие его совершения, место и время, свидетелей и, наконец, личность самого преступника. На основании ст. 104 «Устава благочиния» частный пристав мог брать преступника под стражу.

При расследовании дела частному приставу помогали квартальные надзиратели и поручики. После проведения расследования частный пристав делал представление в управу благочиния, куда и доставлялись из частей города преступники и задержанные за правонарушения обыватели. После проведения расследования их направляли в суд. Только дела о кражах и мошенничествах на сумму до 20 рублей окончательно разбирались в управе благочиния на основании статей 70 и 72 Устава благочиния.

Таким образом, реформы полиции второй половины XVIII в., которые заложили перспективу ее становления как полноценного самостоятельного государственного органа, строившегося на профессиональной основе, открыли новый этап в эволюции общеуголовного сыска в России. Полиция становится основным и единственным субъектом общеуголовного сыска.

Становлению сыска как функции органов общей полиции в немалой степени способствовала дифференциация сыска на политический и общеуголовный. Организационное обособление политического сыска от общеадминистративного аппарата обеспечило стабильное развитие общей полиции, которая, являясь его частью, не принимала в целом активного участия в политических преобразованиях.

В эволюции общеуголовного сыска в XVIII в. следует выделять два этапа. Первый этап – 1702–1762 гг. – характеризуется полисубъектностью общеуголовного сыска. Он возлагался на: воевод (1702 г.), армейские части и подразделения (1702 г.) и их командиров (1712 г.), губернаторов (1708 г.), сыщиков (1710 г.), органы общей полиции (1718 г.), Сыскной приказ (1730 г.). Полисубъектность общеуголовного сыска была проявлением переходного этапа развития российского государства, когда шел процесс укрепления абсолютизма. Второй этап – 1762–1802 гг. – характеризуется передачей функции общеуголовного сыска органам городской и сельской полиции, когда процесс оформления абсолютизма завершился (бюрократический аппарат, регулярная армия и полиция, церковь подчинена государству). Вместе с тем для органов общей полиции функция общеуголовного сыска бы-

ла лишь одной из многих, возложенных на нее как общеадминистративный орган. С другой стороны, сам факт перехода функций общеуголовного преследования исключительно общей регулярной полиции выражал тенденцию ее эволюции в карательно-репрессивный орган российского абсолютистского государства.

Возложение на полицию обязанностей предупреждения, пресечения и преследования преступлений предопределило тенденцию расширения задач уголовного сыска, проявления которой наиболее четко отражаются в правовом регулировании деятельности полиции в первой половине XIX в.

Тема 6. РОССИЙСКИЙ СЫСК В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ПРЕДПОСЫЛКИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ И МЕСТО В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

6.1. Предпосылки институционализации общеуголовного сыска как вида правоохранительной деятельности.

6.2. Соотношение дознания и розыска в досудебном уголовном производстве.

6.3. Проекты организационного обособления общеуголовного сыска в первой половине XIX в.

6.1. Предпосылки институционализации уголовного сыска как вида правоохранительной деятельности

В начале XIX в. капиталистическое развитие российского общества, революционные преобразования в Западной Европе и внешнеполитическая обстановка (войны с наполеоновской Францией) привели монархию к пониманию необходимости реформирования и укрепления государственного аппарата в целях его адаптации к новым общественным условиям. В первой четверти XIX века в ходе реформ государственного управления были упразднены петровские коллегии и учреждены министерства, централизованно управление полицией и расширен ее аппарат путем создания новых подразделений.

В 1802 г. было образовано восемь министерств, в том числе и Министерство внутренних дел. Управление полицейскими органами входило в компетенцию экспедиции спокойствия и благочиния МВД. Она состояла из двух отделений. На первое отделение были возложены сбор сведений о происшествиях и контроль за проведением массовых зрелищ и публичных собраний. Второе отделение ведало вопросами охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, сюда же поступали жалобы на полицию. В 1806 г. экспедиция спокойствия и благочиния подверглась существенной реорганизации и получила название – экспедиция государственного благоустройства. Она состояла из двух отделений и пяти столов (отделов). Сбором сведений обо всех происшествиях (массовых беспорядках, пожарах и несчастных случаях) и о количестве совершенных и раскрытых преступлений занимался первый стол первого отделения.

В 1811 г. в целях освобождения полиции от выполнения несвойственных ей хозяйственных функций из состава Министерства внутренних дел было выделено Министерство полиции, состоящее из Де-

партамент полиции исполнительной, Департамента полиции хозяйственной, Медицинского департамента, общей и особенной канцелярии министра. Организация борьбы с преступностью была поручена Департаменту полиции исполнительной. Министерство полиции не оправдало возложенных на него надежд и в 1819 г. было ликвидировано, а его функции переданы обратно в Министерство внутренних дел. Департамент полиции исполнительной стал основным структурным подразделением Министерства внутренних дел. Департамент полиции исполнительной руководил деятельностью городской и земской полиции и определял их штатную численность. В целях контроля деятельности органов полиции на местах с 30-х годов XIX в. вводится и постепенно расширяется практика служебных командировок, увеличивается число посыльных – «чиновников для особых поручений».

Почти век спустя Министерство внутренних дел сыграло определяющую роль в развитии уголовного сыска России. В начале XX в. в его кабинетах был разработан проект об организации общегосударственной сыскной полиции, а в самом министерстве были созданы центральный орган управления сыскной полицией и центральная справочная часть по криминальным учетам.

В 1811 г. в условиях надвигавшейся военной опасности со стороны Франции для обеспечения внутренней безопасности империи, укрепления ее границ и улучшения подготовки рекрутов для армии был создан Корпус внутренней стражи, который с 1816 г. именовался Отдельным корпусом внутренней стражи. Согласно Положению для внутренней стражи от 3 июня 1811 г., к компетенции Корпуса относились: поимка воров; преследование и истребление разбойников; рассеяние скопищ, запрещенных законом; усмирение бунтов; взятие под стражу преступников, захваченных на месте преступления с личным. Корпус внутренней стражи содействовал полиции в борьбе с преступностью вплоть до своей ликвидации в 1864 г. В этой сфере его компетенция ограничивалась поимкой и задержанием преступников. Уголовное преследование, профилактика и предупреждение преступлений были полностью возложены на общую полицию.

В первой половине XIX в. темпы роста преступности были еще низкими: в 1804–1811 гг. разбойные банды ежегодно орудовали в одной–двух губерниях; в девяти губерниях зафиксировано неповиновение крестьян и беспорядки; в 1817 г. – в шести губерниях, а беспорядки

рядки – в семнадцать. Новая волна роста преступности приходится на 1820–1821 гг., когда были отмечены: 41 случай грабежей, 101 – разбоев и 2069 – убийств. На рубеже 20–30-х годов XIX в. распространяется фальшивомонетничество. До 1841 г. деятельность разбойных банд ежегодно охватывала территории от десяти до двенадцати губерний. Однако криминогенная обстановка в стране находилась под контролем полиции. Даже в столичных и крупных городах она была относительно спокойной. Например, в Москве в середине XIX в. при населении численностью 370 тыс. человек в среднем в год совершалось пять–шесть убийств, два–три грабежа и разбоя, 400 мошенничеств и 700 краж, из которых около 2/3 раскрывались.

Капитализация сельского хозяйства и промышленности, смягчение крепостного права, ослабление помещичьего надзора за крестьянами, развитие частной собственности выдвигали задачи контроля за усилившейся внутренней миграцией населения и охраны общественного порядка. В июне 1837 г. было принято «Положение о земской полиции», по которому расширены штаты сельской полиции и реорганизован аппарат ее управления. Уезды губерний были разделены на участки – станы, в каждом из которых учреждался полицейский чиновник – становой пристав. В состав его многочисленных полицейских обязанностей в пределах границ вверенного ему участка вошло проведение общеуголовного сыска. В подчинении станового пристава находились выборные от крестьянских дворов сотские и десятские, которые должны были еженедельно являться к нему и сообщать обо всех происшествиях, случившихся в селе или деревне. Нижний земский суд был переименован в земский суд, образована его канцелярия, подчиненная земскому исправнику. Права земского исправника как начальника земской полиции были расширены. Канцелярия земского суда состояла из двух отделов. Первый отдел осуществлял охрану общественного порядка и проводил предварительное следствие по всем преступлениям, совершенным на территории уезда. Второй отдел контролировал выполнение сельской полицией поручений губернской администрации. «Наказом губернаторам» 1837 г. подтверждалось подчинение земской полиции губернаторам, сохранявшееся до 1917 г.

Для развития городской полиции в первой половине XIX в. была характерна тенденция усиления наружно-постовой службы, увеличи-

валось количество «полицейских будок», а в 1853 г. из нижних военных чинов были сформированы «полицейские команды» во главе с унтер-офицерами. Подчинялись эти полицейские команды полицмейстерам¹.

В целом функции общей полиции и принципы организации ее деятельности, определенные еще в «Учреждениях для управления губерний» 1775 г. и «Уставе благочиния» 1782 г., в первой половине XIX в. не претерпели существенных изменений. Сосредоточение контрольно-распорядительной власти у местных руководителей полиции – губернатора, а также подчиненных ему земских исправников и городских полицмейстеров, упрочило принцип децентрализации организации деятельности общей полиции. Расследование уголовных дел, включая производство уголовного сыска, в этот период проводили все органы городской и земской полиции. Однако в силу децентрализации органы земской полиции проводили уголовный сыск и расследование преступлений исключительно на территории уезда, а городской – города, не выходя за границы подведомственной им территории без ведома и разрешения непосредственного руководителя.

Создание центрального органа управления общей полицией – Департамента полиции исполнительной и расширение штатов полиции подготовили почву для будущей специализации ее подразделений, проявлением которой вместе с учреждением горной полиции (1806 г.), лесной стражи (1832 г.), других полиций – вотчиной (мызной; 1861 г.) железнодорожной (1861 г.), речной (1867 г.), портовой (1891 г.), фабрично-заводской (1899 г.) – стала сыскная полиция. Наметившаяся специализация органов полиции создавала организационные предпосылки институционализации уголовного сыска как особого вида правоохранительной деятельности.

Значимым событием первой половины XIX в. в истории российского права стала его систематизация, воплощенная в Полном собрании законов Российской империи (первое издание – 1830 г.) и Своде законов Российской империи (первое издание – 1832 г.²). Содержание и принципы российского права не подверглись реформированию, что

---

¹ Подробнее см.: *Борисов А. В., Дугин А. Н., Малыгин А. Я. и др.* Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995. С. 39–40; *Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипильев А. Е.* История полиции России (1718–1917 гг.). Вып. 2. М., 1992. С. 22–23.

² Второе издание Свода законов Российской империи состоялось в 1854 г., третье – в 1857 г.

не означает, тем не менее, стагнации его развития. Систематизация права подготовила почву для формирования его отраслей и кодификации, в особенности уголовно-процессуального и уголовного права. Нормы уголовного и уголовно-процессуального права сначала были сосредоточены в XV томе Свода законов. В 1836 г. началась кодификация уголовного права, завершившаяся изданием в 1845 г. «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных». В итоге уголовное право сформировалось в самостоятельную отрасль с центральными институтами преступления и наказания.

В Своде законов 1832 г. было окончательно закреплено господство идеи о формальном определении уголовно наказуемого деяния. Сначала в Своде (ст. 4 кн. 1; т. XV), а затем и в Уложении 1845 г. (ст. 1) оно трактуется как противозаконное (запрещенное законом) и наказуемое физическое действие или бездействие (неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано). Формальный подход к определению уголовно наказуемого деяния привел к выделению двух его понятий – преступление и проступок.

Различие между преступлением и проступком в Своде устанавливалось по тяжести наказания, а в Уложении – по объекту посягательства. В Уложении понятие преступления трактуется как «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества, или частных лиц...» (ст. 1). Понятие проступка определялось как «нарушение правил, предписанных для охранения определенных законом прав и общественной или же личной безопасности или пользы...» (ст. 2).

Преступления против государства и «против правительства» были выделены в отдельную категорию и поставлены, повторяя систематизацию Соборного уложения, соответственно на второе и третье место после преступлений против веры. Понятие и система уголовно наказуемых деяний, определенные в Уложении 1845 г., оставались неизменными вплоть до 1917 г. Тем самым правовая традиция деления преступлений на политические и общеуголовные была продолжена. В то же время Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, закрепляя терминологические новации и дефиниции преступления и проступка более четко, по сравнению с предыдущим законодательством, определило объект уголовного преследования и

создало правовые предпосылки институционализации общеуголовного сыска, поставив вопрос о его субъектах, правовых формах, средствах и методах, а также месте в досудебном производстве.

6.2. Соотношение дознания и розыска в досудебном уголовном производстве

Решение задач уголовного преследования преступлений в первой половине XIX в. было полностью возложено на полицию. До издания Свода законов общая полиция в деятельности по предупреждению и расследованию преступлений руководствовалась «Учреждениями для управления губерний» 1775 г., «Уставом благочиния» 1782 г., а также Соборным уложением 1649 г., Новоуказными статьями 1669 г., Артикулом воинским 1715 г., Именным указом 1766 г. «О скорейшем решении о колодниках дел», Наказом генерал-прокурору 1767 г., Наказом министерству полиции 1811 г. и др.

При получении сведений о происшествии полиции следовало «дознать и привести в ясность», учинился ли такой-то случай или нет»¹, т. е. полиции следовало установить элементы состава преступления, его обстоятельства и лиц к нему причастных. Средствами такого полицейского расследования были повальный обыск, свидетельские показания и личный поиск, проводимый чином полиции. Повальный обыск проводился в соответствии с нормами Соборного уложения 1649 г., а опрос свидетелей – в соответствии с нормами Учреждений 1775 г. (ст.ст. 243, 266) и Устава 1782 г. (ст.ст. 105, 106). Личный поиск включал осмотры места преступления и (или) пострадавшего, с целью обнаружения следов преступления, а также осмотры и обыски помещений в целях нахождения похищенного имущества или скрывшегося преступника.

В зависимости от тяжести преступления орган полиции мог либо сам принять решение о наказании, либо обязан был провести расследование в полном объеме и передать дело в судебные инстанции по принадлежности. По более серьезным преступлениям полиция проводила розыск и следствие, а также задержание лиц, подозреваемых в их совершении. Указом от 30 июля 1820 г. регламентировалось, что по окончании расследования преступлений против личности

---

¹ Гуляев П. Права и обязанности градской и земской полиции и всех вообще жителей Российского государства по их состояниям. М., 1824. С. 119.

и имущества полиция «дерзнувшему же нарушить спокойствие» отсылает к суду «по роду людей и дел»¹.

В Своде законов 1832 г. (Т. XV), сконцентрировавшем накопленные за предыдущие столетия правовые нормы, регулировавшие уголовно-процессуальные отношения и определявшие полномочия органов полиции в расследовании преступлений, эта стадия полицейского расследования получила номинацию «предварительное следствие». «Предварительное следствие» составляло первую стадию досудебного производства. Вторая его стадия была представлена «формальным следствием», а все досудебное производство было названо «предварительное расследование».

Задачей «предварительного следствия» было установить, действительно ли имело место происшествие, заключающее в себе признаки преступления, и привести в известность все обстоятельства, указывающие на такое деяние. Формальное следствие определялось как «объем всех действий следователя, которые направляются против известного лица, поставленного в состояние обвинения по причине известного преступления, чтобы иметь возможность окончательно решить, действительно ли и в каком виде и степени учинило оно рассматриваемое преступление и достойно ли оно наказания»². Нетрудно заметить, что фактически в российском уголовном судопроизводстве уже сложились институты следствия и дознания в их современном понимании, хотя формально-юридического определения они еще не получили.

Вместе с тем, в содержании глав II–V: «Об исследовании происшествия и об осмотре», «О выемках и обысках в домах», «О взятии и представлении обвиняемого к следствию», «О пресечении обвиняемым способов уклониться от следствия и суда»³, а также в нормах «Общего учреждения губернского»⁴ усматривается регулирование сыскной деятельности полиции, или розыска, по уголовным делам.

¹ Гуляев П. Указ. соч. С. 203.

² Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 111–121; *Он же*. Репринтное переиздание. М., 2001. С. 74–94; *Линовский В.* Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. С. 166, 147; *Чельцов-Бебутов М. А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 736–737.

³ Свод законов Российской империи (СЗ РИ). Т. XV. Кн. II. Разд. 2, 3. СПб., 1832.

⁴ СЗ РИ. Т. II. Общее учреждение губернского. СПб., 1832.

Основаниями к началу производства «предварительного следствия», согласно букве закона, были жалобы потерпевших, донос, поручения прокуроров и стряпчих, явка с повинной. Разрешая главный вопрос «предварительного следствия»: «Действительно ли происшествие учинилось и включает в себе признаки преступления?», – полиция на месте происшествия обязана была провести поисковые действия: осмотр, обыск, выемки, расспросы, которые по терминологии Свода стали следственными, а также действия розыскные, т. е. преследование скрывшихся преступников. При этом полиции предписывалось проводить расследование преступлений «тотчас на месте», где «оно учинилось»¹, «приводить в известность все обнаруживающие преступление обстоятельства и признаки, и буде возможно по горячим следам»².

При осмотре места преступления и потерпевшего следовало зафиксировать «явственные признаки преступления, бой, увечье и всякие следы», собрать, тщательно уложить, а по возможности запечатать и приобщить к делу найденные инструменты, орудия и вещи, «могущие служить доказательством или объяснением» преступления³. Для получения сведений о преступлении и открытия его следов надлежало опросить «всякого без изъятия»⁴. Преступников, задержанных на месте преступления по горячим следам, беглых и подозрительных людей следовало обыскать и допросить⁵.

Обыски и выемки в домах полиция производила как в целях расследования, так и в целях предупреждения преступлений, если были получены сведения о скрывающихся преступниках, беглых или утаивании поличного (т. е. похищенного имущества). Вместе с полицейскими чиновниками в обысках и выемках обязаны были принимать участие доносители. Обыски и выемки предписывалось проводить в присутствии понятых⁶. Все письменные материалы передавались затем соответствующему полицейскому чиновнику для производства «формального следствия».

---

¹ Там же. Ст. 3957; п. 4 ст. 4217.

² Там же. Ст. 2535; Т. XV. Уголовное уложение. Ст. 947.

³ Там же. Т. XV. Уголовное уложение. Ст. 948, 950.

⁴ Там же. Ст. 949.

⁵ Там же. Ст. 951.

⁶ СЗ РИ Т. XV. Уголовное уложение. Ст. 968–975.

Таким образом, согласно нормам Свода 1832 г., «предварительное следствие» по целям и средствам производства представляло собой совокупность дознания (цель) и розыска (средства) в современном их понимании. Причем эта взаимосвязь была настолько сильной, что образец записки, составляемой полицейским чиновником по окончании предварительного следствия, где фиксировались все его результаты, получил наименование «Розыск»¹. Дореволюционные авторы, стремившиеся систематизировать и прокомментировать нормы Свода, регулирующие деятельность полиции по производству предварительного следствия, отмечая эту взаимосвязь, подчеркивали, что предварительное следствие «есть изыскание» по горячим следам², а «розыск есть основа следствия»³. Поэтому розыск следовало проводить «во всех важных уголовных делах – в тех, в которых при открытом преступлении неизвестен преступник, или же где по роду происшествия можно подозревать преступление»⁴.

Между тем в юридической литературе этого периода не было единства в понимании пределов и назначения розыска в досудебном производстве. По мнению Д. Долгова, цель розыска состояла в том, чтобы «буквально разъяснить» как прямые, так и все побочные вопросы, касающиеся преступления и происшествия, и «сколько можно приблизительнее» определить, точно ли конкретный человек есть действительный преступник, или он ошибочно или умышленно оговорен, и точно ли в деле кроется преступление⁵. Ф. Наливкин считал, что в состав розыска «должны входить одне только предварительные сведения и дознания, которые собираются и делаются до приступа к формальному следствию»⁶. Н. В. Оболенский называл предварительное следствие «розыском», а формальное следствие – «следствием» и утверждал, что они «по большей части смешиваются и составляют исследование вообще»⁷. Однако в целом, как видно, мнения авторов

¹ Там же. Приложение к статье 946 Т. XV Свода законов Российской Империи 1832 г.; Долгов Д. Основные формы уголовных следствий, вообще принятых при их производстве. Спб., 1846. С. 25.

² Линовский В. Указ. соч. С. 149.

³ Долгов Д. Указ. соч. С. 24.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Долгов Д. Указ. соч. С. 28.

⁶ Наливкин Ф. Важное и необходимое предостережение следователей, обвиняемых и обвинителей по уголовным делам. М., 1847. С. 26.

⁷ Оболенский Н. В. Практическое руководство к производству следствий. Ч. I. М., 1855. С. 12–15.

второй четверти XIX в., несмотря на их расхождения в объеме и целях розыска, склоняются к его отождествлению с «предварительным следствием», что в целом не противоречило ни букве закона, ни самой практике предварительного следствия, поскольку все досудебное производство находилось в руках полиции.

Отсутствие четкости определения в законе и правовой доктрине понятий «дознание» и «розыск» привело к путанице в правах и обязанностях полиции в практике досудебного производства по уголовным делам. В официальных актах, применительно к характеристике организации и деятельности полиции накануне реформ 60-х гг. XIX в., не раз отмечалось, что возложенная на частных приставов законом обязанность «делать лично предварительные розыски о происшествиях» исполняется менее подготовленными к этой обязанности квартальными надзирателями, а участие частных приставов ограничивается только подписанием и передачей «поступающих бумаг и дел к исполнению в кварталы, и потом возвращением исполнений по принадлежности»¹.

Вместе с тем, первые теоретические попытки определения соотношения дознания и розыска в досудебном производстве подвели к более четкому абстрактному формально-юридическому выделению понятия «дознание», но не «розыск». Первым шагом в этом направлении стал «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления и проступки» 1860 г. Этот Наказ вместе с «Учреждением судебных следователей» и «Наказом судебным следователям» стал правовой основой реформы предварительного следствия, проведенной в 1860 г. Ее суть состояла в изъятии из компетенции полиции формального следствия (по терминологии Свода) и передачи его производства учрежденным специально для этой цели судебным следователям. «Формальное следствие», переданное судебным следователям, стало называться «предварительным следствием», составив вторую стадию досудебного уголовного производства.

Проект «Наказа полиции о производстве дознания...» первоначально имел другое название – «Наказ полиции о порядке *первоначального исследования преступлений и проступков*» (выделено мной –

---

¹ Труды комиссии о преобразовании городской полиции в С.-Петербурге. Спб., 1863.

Т.М.). Изменение формулировки названия Наказа полиции 1860 г. с «первоначального исследования» на «дознание» было вполне обоснованно и своевременно. Новая формулировка внесла терминологическую ясность в обозначение досудебных стадий уголовного процесса.

Изменение формулировки названия проекта не сопровождалось редакцией его текста. «Наказ полиции о производстве дознания» 1860 г. в своей материальной части восходил к нормам XV тома Свода законов, регламентирующим деятельность полиции по выяснению информации о факте происшествия или проступка. Позже, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., дознание, трансформированное из «предварительного следствия» Свода законов, понималось как первая стадия следствия¹ и действия полиции, осуществляемые в целях удостоверения «действительно ли происшествие то случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка» (ст. 253).

Логичным следствием законодательного оформления института дознания стало более точное определение законом роли и места общеуголовного сыска (розыска) в уголовном судопроизводстве. В Наказе полиции 1860 г. уже в первых положениях было лаконично указано, что «без розысканий нельзя с достоверностью определить: заключается или не заключается в них (происшествиях – Т. М.) преступление или проступок». Отсюда видно, что розыску отводилось место необходимой начальной фазы дознания и место его основного инструментария.

В производстве дознания полиции следовало удостовериться, «действительно ли совершилось происшествие, заключающее в себе преступление и проступок», и определить, «подлежит ли совершившееся преступление или проступок, рассмотрению уголовных мест» (п. 4 Наказа). Дознание полиции предписывалось проводить по горячим следам (п. 3), «посредством розысков, словесными расспросами, негласным наблюдением за обвиняемым в преступлении, и другими невоспрещенными законом способами...» (п. 10), а также осмотрами, ограничивающимися «наружным обозрением» (п.п. 22, 23)². Под «розысками» понимались исключительно личные поисковые действия полицейских служащих городской и уездной полиции, направленные на установление, обнаружение и поимку предполагаемого преступника.

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. СПб., 1996. С. 371.

² СЗ РИ. Т. IV. М., 1907. С. 111, 115, 118.

Розыск, словесные расспросы, негласное наблюдение и осмотры в Наказе 1860 г. были объединены термином «разведывания», что постепенно приближало к обнаружению и осознанию их информационно-поискового характера. Все эти средства дознания (с точки зрения буквы закона) были направлены на «получение сведений и открытия следов преступления или преступника»¹ и практически выступали методами общеуголовного розыска. Каждое средство дознания – личные поисковые действия полицейского (розыски), расспросы, негласное наблюдение и наружные осмотры помещений – имело целью добычу сведений и юридически значимых фактов для решения задач дознания и следствия (квалификация состава преступления, определение степени вины его субъекта).

Таким образом, отводя общеуголовному розыску роль вспомогательной деятельности в производстве дознания, составители Наказа полиции 1860 г. автоматически включили в круг его задач, наряду с традиционными для него поиском и поимкой преступников, установление факта преступления и всех сопутствующих ему обстоятельств, нацеленное на его раскрытие. Иначе говоря, розыск из практической поисковой деятельности в рамках уголовного преследования приобрел устойчивый правовой характер, выражающийся в нацеленности розыска на поиск юридически значимой информации для расследования преступлений. Закрепление этой тенденции состоялось в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., который в целом был основан на «Учреждении» и «Наказах» 1860 г. (ст.ст. 253, 254 Устава продублировали соответственно положение п. 4 и п. 10 Наказа полиции). Дознание в Уставе было определено как действия полиции по установлению факта преступления и всех его обстоятельств (ст. 253), а розыск, словесные расспросы и негласное наблюдение рассматривались как его средства или формы (ст. 254).

Кроме того, регламентируя производство розыска, составители Наказа приблизились к установлению его непроцессуального характера, предписывая, что, применяя средства дознания («при этих разведываниях»), «полицейские чиновники не вправе отбирать письменные показания от лиц, к которым обращаются с расспросами, и не могут производить ни формальных осмотров, ни обысков в домах и

---

¹ Там же. С. 115.

других, охраняемых замками или стражею помещениях»¹. Тем самым подготавливалась формально-юридическая основа выделения общеуголовного розыска в самостоятельный вид правоохранительной деятельности.

Таким образом, розыск в законодательстве и правовой доктрине первой половины XIX в. рассматривался исключительно как вспомогательное средство досудебного производства, не осознавался и не выделялся как особая деятельность полиции в рамках уголовного преследования. Но в то же время он, с одной стороны, признавался необходимой фактической основой досудебного производства, сохраняя тем самым восходящую к эпохе возникновения государства генетическую связь с судебным процессом. С другой стороны, розыск, как органичная составная часть дознания, приобретал признаки автономного правового регулирования, делая первые шаги в направлении перерастания в самостоятельный вид правоохранительной деятельности.

Кроме того, следует помнить, что реформа предварительного следствия 1860 г. была направлена не только на его улучшение, но и на укрепление полиции накануне отмены крепостного права путем освобождения ее от следственных функций. Несмотря на то, что после ослабления крепостничества уже к 60-м годам XIX в. наметилась тенденция роста преступности, более стремительная, чем десятилетием ранее, никаких специальных превентивных мер, направленных на совершенствование борьбы с общеуголовной преступностью, принято не было. Это было одним из основных просчетов правящих кругов в ходе подготовки крестьянской реформы. Только столкнувшись лицом к лицу с тотальным ростом преступности в стране во второй половине XIX в., царизм начинает первые робкие и недостаточные, как покажет потом практика, шаги по созданию специализированных органов борьбы с преступностью – сыскных отделений.

Тем не менее, реформа предварительного следствия, организационно разделившая функции следствия (судебные следователи) и дознания (полиция), в сочетании с тенденцией специализации органов полиции упрочивала организационно-структурные основания институционализации общеуголовного сыска.

---

¹ СЗ РИ. Т. IV. М., 1907. С. 115.

6.3. Проекты организационного обособления общеуголовного сыска в первой половине XIX в.

Трансформация общеуголовного розыска из практической деятельности органов полиции по розыску и поимке преступников в самостоятельный правовой институт получила конкретизацию в первых попытках его организационного оформления, предпринятых государственной властью в рассматриваемый период.

В первой половине XIX в. большая часть уголовных дел расследовалась частными приставами и квартальными надзирателями в городах, а в уездах – земскими исправниками и становыми приставами. Самым распространенным преступлением в России оставались разбои и грабежи, охватывающие в основном сельскую местность. Поэтому в регулировании деятельности полиции по борьбе с преступностью в первой половине XIX в. основной упор был сделан законодателем на регламентацию действий органов уездной полиции. Нормы, регулирующие деятельность уездной полиции по борьбе с разбоями и грабежами, были сосредоточены во II томе Свода законов «Общее учреждение губернское», представлявшем собой систематизацию норм Именных указов и постановлений Сената XVIII в. о предупреждении, пресечении и преследовании воровства и разбоев.

Земским исправникам и становым приставам для обеспечения «безопасности жителей стана и проезжающих» от воров и разбойников предписывалось принимать меры «для открытия их и преследования». К таким мерам были отнесены «тайное разведывание», наружное гласное и негласное наблюдение. Чином и служителям земской полиции предписывалось следить за подозрительными людьми, брать под стражу тех, кто на торгах и рынках продавал или менял украденные вещи, пропивал их в питейных домах, трактирах и харчевнях, отдавал их на сохранение или закладывал. Для обнаружения места, «где скрываются или имеют пристань разбойники, или воры», также предписывалось устанавливать «неприметное наблюдение» за подозрительными людьми; либо применить к ним «неформальный допрос», либо «употребить разведывание через служителей земской полиции» – сотских и десятских, или через «достойных доверия обывателей». Кроме того, земским исправникам и становым приставам

следовало организовывать пикеты и разъезды из частей Корпуса внутренней стражи или же из состава местных жителей.

В литературе упоминается об особой Инструкции следственной комиссии III отделения 1843 г., которая была создана на базе Особой канцелярии Министерства внутренних дел для «разбора» пойманных особыми средствами воров, мошенников и беглых каторжников. Выявлением и разоблачением преступников занимались нижние полицейские чины, которые производили поиск, искусно маскируясь под различные категории правонарушителей и обывателей, и использовали «специальные методы» – осведомительство, негласное наблюдение, организацию притонов-ловушек, заимствованные из опыта парижской сыскной полиции.

Однако на практике эти методы не применялись, и проведение предварительного следствия органами полиции было далеко от совершенства. В начале XIX в. в условиях консервации патриархальных феодально-крепостнических порядков и в целом стабильности населения города и деревни полиция, как правило, сталкивалась с очевидными преступлениями. Тяжкие преступления были редкостью и совершались в основном по «пьяному делу». К тому же в уголовно-процессуальном праве России сохранился институт доносительства. Донос, как и ранее, поощряемый и всячески закрепляемый государством, для полиции был основным источником получения информации об общеуголовных преступлениях, а законом рассматривался как основание начала расследования преступления. Поэтому для полиции не существовало проблемы выявления и раскрываемости общеуголовных преступлений. В случаях, когда в полицию поступали сообщения о совершенных преступлениях, полицейские служащие не спешили проводить расследование. Современники эпохи констатировали: «Все почти воровства открываются у нас случайно». На вопросы обывателей, адресованные полицейским чиновникам, о причинах их отказа от целенаправленных действий по раскрытию преступлений, те отвечали: «Помилуйте, и без того много хлопот, а тут пошла бы переписка, да розыски – ну, черт с ними». Даже когда место нахождения преступника было известно потерпевшему и сообщалось полиции, ее чиновники парировали: «А на кой счет я поеду за вором?»¹.

---

¹ См.: Рейнблат А. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 510, 511.

Подобное отношение полицейских служащих к исполнению обязанностей по расследованию преступлений было следствием их пренебрежения к служебному долгу и значительного объема возложенных на полицию административно-хозяйственных функций, который не претерпел изменений с XVIII в. Например, знаменитый российский полицейств И. Т. Тарасов, раскрывая взгляд законодателя на полицию в первой половине XIX в., отмечал, что полиция рассматривалась им как «нечто такое, чему можно было поручить выполнение всех вообще неорганизованных задач государственного управления, для которых не установлено было особых учреждений или которые не подходили под компетенцию существовавших нормальных учреждений, причем число таких задач множилось чрезвычайно и в состав их входило не мало задач совершенно фантастических, неудобоосуществимых»¹.

Полицейские служащие не видели для себя проблемы предупреждения и пресечения преступлений. Так, литератор того времени Ф. В. Булгарин, отмечая разгул (по субъективной оценке автора «до высшей степени») воровства и разврата, проституции детей 9–11 лет, писал: «Полиция и не взглянет на это, чтоб не навязывать себе бед, переписки и хлопот»². Давая общую оценку криминальной ситуации и деятельности полиции по ее улучшению, он отмечал: «Наши трактиры, харчевни, особенно загородные, – сущие притоны воров и мошенников. Частные и квартальные получают свою плату за то, чтоб не мешать торговать, и они никого не беспокоят»³. В уездах империи становые приставы зачастую также равнодушно относились к разбоям и грабежам, происходящим на подведомственных им территориях.

Неудовлетворительное состояние борьбы с преступностью формировало в правящих слоях и общественности осознание необходимости и своевременности разработки и внедрения новых организационных форм и методов общеуголовного сыска. В первой половине XIX в. стали появляться первые проекты о специальных органах сыска.

В 1842 г. в Петербурге высочайшим распоряжением был учрежден временный комитет для рассмотрения предложений о мерах борьбы с кражами в столице. 25 февраля 1843 г. комитет представил

---

¹ Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885. С. 3–4.

² Рейнблат А. Указ соч. С. 511.

³ Там же. С. 512.

министру внутренних дел проект учреждения сыскной команды С.-Петербурга. Эта предполагаемая сыскная команда должна была состоять из приставов, сыскных надзирателей и сыщиков, подчиняться генерал-губернатору и находиться в непосредственном ведомстве и распоряжении петербургского обер-полицмейстера. Сведения обо всех похищениях, утратах, потерях и иных происшествиях, случившихся в столице, сыскные приставы должны были получать от обер-полицмейстера и управы благочиния.

Основной ее задачей определялось предупреждение и пресечение общеуголовных преступлений. Формой деятельности в достижении поставленной задачи виделся систематический надзор чинами сыскной команды во всех общественных местах – «церквях, театрах и маскарадах, на улицах, площадях и гуляньях, рынках, трактирах, гостиницах, ресторанах и харчевнях, в питейных лавочках, торговых лавках, в сборных местах для найма работы и услужения, в торговых банях и в домах непотребных женщин». Единственным методом осуществления систематического надзора предусматривалось наружное наблюдение. Более того, полномочия сыскной команды были существенно ограничены. Сыскной пристав, надзиратели и сыщики сыскной команды не могли самостоятельно брать кого-либо под стражу. Для этого они должны были письменно или устно обращаться к чинам общей полиции. В случаях, не терпящих отлагательства, рядовые сыщики могли устно обращаться к городovým унтер-офицерам.

Таким образом, проектируемая сыскная команда – это специальное подразделение в составе столичной петербургской полиции, с узко ограниченной компетенцией – исключительно поисковые и предупредительные меры по общеуголовным преступлениям. Данный проект реализован не был. Возможно, это было связано с переменами в руководстве петербургской полиции после того, как в его деятельности были выявлены большие злоупотребления.

Мнение определенной части общественности о необходимости создания специальных органов по борьбе с общеуголовной преступностью выразил в 1846 г. литератор Ф. В. Булгарин¹ в письме главе III

---

¹ Булгарин Фадей Венедиктович (1789–1859 гг.) – русский журналист, писатель; издавал газету «Северная пчела» и журнал «Сын отечества», основанные на идеологии самодержавия; был доносителем III отделения, писал политические доносы на русских писателей. Подробнее см.: *Рейнлат А.* Указ. соч.

отделения «О необходимости организации сыскного приказа». Называя проектируемое уголовно-сыскное подразделение старым словом «приказ», он, видимо, опирался на исторические традиции российской правовой терминологии. По его мнению, «сыскной приказ» – «это первая потребность в благоустроенном государстве», и он «нужнее многих комитетов и департаментов». Ф. В. Булгарин, неплохо осведомленный об организации и предназначении органов политической полиции, будучи сам негласным агентом III отделения, задачи «сыскного приказа» раскрывал следующим образом: «Должен заниматься одним только отыскиванием воров, разбойников, бродяг, беглецов, мошенников всякого рода; должен быть в вечной войне с ними, наблюдать за каждым подозрительным человеком, знать, чем он живет и где проживает». Как видно, взгляды общественных деятелей и высших чиновников полиции на задачи и методы деятельности общеуголовных сыскных подразделений совпадали и не выходили за рамки норм действовавшего полицейского и уголовно-процессуального права, отводившего уголовному розыску роль вспомогательного средства досудебного уголовного производства.

Слабость органов городской и сельской полиции в борьбе с преступностью стала обнаруживаться в середине XIX в., когда развитие капиталистических отношений и нарастание социальных противоречий привели не только к росту преступности, но и к изменению ее качественных характеристик. В период 1855–1860 гг. рост преступности особенно отмечался в крупных городах и шел за счет повышения доли преступлений против имущества. Например, в Москве количество краж, покушений на кражу, обманов и мошенничеств возросло в 1,5 раза, конокрадств – на 2 случая в год, а показатель числа убийств, грабежей и разбоев оставался относительно стабильным – 7 случаев в год. Снова увеличилось число разбоев и грабежей. В периодической печати середины XIX в. не раз отражались сведения о «нестерпимом разгуле лихих людей, о воровствах, грабежах и разбоях, совершаемых во множестве и с дерзостью поразительной...», в Нижнем Новгороде и его пригородах, Ельце, Гжатске, Холмском и Старорусском уездах, где разбойники «держали целые уезды на осадном положении с 1856 года до конца 1864 года»¹.

---

¹ Парвов Ф. Полиция и разбойники в селах Спб., 1878. С. 5, 7.

Основными формами и методами борьбы с разбойными и воровскими шайками в уездах Империи были регулярные рейды и обыски в домах и во дворах хозяев, дававших, по полученным сведениям, приют разбойникам. Многовековой опыт борьбы с разбоями в российской глубинке не продвинулся дальше поисковых методов наружного наблюдения для обнаружения местонахождения разбойников, устройства засад в местах их пристанища и использования воинских команд для их поимки и ликвидации. Открытый поисковый характер общеуголовного сыска на момент отмены крепостного права не соответствовал динамичному росту преступности и изменениям ее качественных характеристик.

Таким образом, в первой половине XIX в. централизация и расширение аппарата общей полиции, кодификация уголовного права и систематизация уголовно-процессуального права, организационное обособление в досудебном уголовном производстве функций следствия и дознания создали условия для принятия управленческих решений по созданию специальных сыскных подразделений. Симптоматичным проявлением такой готовности аппарата государственного управления был первый опыт полицейского руководства по разработке проекта создания сыскной части С.-Петербурга в 1843 г. Развернувшиеся в специальной литературе дискуссии о понятии дознания и общественный запрос на усиление деятельности общей полиции в противодействии возрастающей из года в год преступности обнаружили актуальность и способность институционализации общеуголовного сыска в самостоятельный вид правоохранительной деятельности.

Тема 7. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СЫСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.: ПЕРВЫЕ СЫСКНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ

7.1. Первые сыскные отделения: причины создания, структура, задачи и принципы деятельности.

7.2. Методы деятельности первых сыскных отделений.

7.1. Первые сыскные отделения: причины создания, структура, задачи и принципы деятельности

Наступивший в России к середине XIX в. кризис феодально-крепостнической системы повлек изменения внутривнутриполитической ситуации в стране. Только за 1857–1861 гг. произошло около 2165 крестьянских выступлений. Началось организованное рабочее движение за экономические права, печатание нелегальной литературы; революционные демократы приобрели известность и влияние на молодежь; появились радикальные кружки и общество «Земля и воля» с противоправительственной программой действий. В России проводятся широкомасштабные преобразования, приведшие к незначительной демократизации государственно-правовых институтов. Отмена крепостного права в 1861 г. и последующие буржуазные реформы государственного механизма вели к неизбежному реформированию правоохранительной системы. Были проведены реформы полиции (1862 г.) и судопроизводства (1864 г.), имевшие следствием существенные сдвиги в компетенции и структуре общей полиции.

По «Временным правилам об устройстве полиции в городах и уездах губерний», принятым 25 декабря 1862 г., органы уездной и городской полиции были объединены в общую уездную полицию, и созданы уездные полицейские управления, состоявшие из возглавлявшего его уездного исправника, его помощника и общего присутствия уездного полицейского управления (заседатели от дворян и сельских обывателей). В С.-Петербурге, Москве, губернских и некоторых крупных городах были созданы отдельные городские полицейские управления, состоявшие из начальника городской полиции – полицмейстера, его помощника и общего присутствия (два депутата от городского общества)¹.

¹ Подробнее см.: Курицын В. М. Буржуазные реформы государственного аппарата и развитие права России в 60–80-е гг. XIX в. М., 1992. С. 24–30; История полиции дореволюционной России / под ред. В. М. Курицына. М., 1998. Введение; Шелкопляс В. А. Полицейская реформа в России в 60-х годах XIX века. Минск, 1981.

Судебная реформа 1864 г. открыла новую эпоху в истории российского судоустройства и судопроизводства, а в совокупности с предшествовавшей ей реформой предварительного следствия задавала направление эволюции системы досудебного уголовного производства в России вплоть до сегодняшнего дня. Триада институтов предварительного следствия, дознания и уголовного розыска до сих пор является стержнем системы российского досудебного уголовного производства. С передачей в 1860 г. предварительного следствия судебным следователям его формально-юридическое разграничение с дознанием и определение места и роли розыска в досудебном расследовании стали жизненно необходимыми для функционирования всей системы уголовного правосудия в Российской Империи. Компетенция общей полиции претерпела глубокие изменения. Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. было полностью подтверждено изъятие у нее судебных и следственных функций¹. В результате полиция трансформировалась в орган дознания, сохранив функцию общеуголовного сыска, которую исполняла крайне неэффективно.

Интенсивное развитие капитализма в России после отмены крепостного права сопровождалось обострением социальных противоречий в городе и деревне, повлекших ухудшение криминогенной ситуации в стране. Рост преступности стал превышать прирост населения: с 1858 г. по 1861 г. количество преступлений ежегодно увеличивалась почти на 2 %, а численность населения – примерно на 1 %. Число подсудимых с 1864 г. по 1865 г. возросло на 12 %². Наиболее стремительно преступность нарастала в городах, где социально-экономические противоречия имели наиболее яркое проявление при большом скоплении населения, разнородного по своему социальному составу и кругу занятий. Особенно неблагоприятной была криминогенная ситуация в С.-Петербурге, где общественное мнение уже давно складывалось в пользу принятия дополнительных мер по борьбе с преступностью. За период с 1857 г. по 1877 г. в Петербурге число убийств и

---

¹ Судебные следователи состояли при окружных судах и судебных палатах. Под надзором прокуроров судебных палат и окружных судов проводили предварительное расследование преступлений в пределах закрепленных за ними участков. В случае нужды они могли прибегать к помощи полиции и использовать силы военных команд.

² См.: *Остроумов С. С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 70–86.

ограблений церковей увеличилось более чем в 1,5 раза, краж – в 8 раз, а поджогов – более чем в 10 раз¹.

Рост преступности в С.-Петербурге заставил руководство городской полиции спустя двадцать лет вернуться к вопросу о создании сыскной части. В 1863 г. специально созданной комиссией был подготовлен новый Проект учреждения городской полиции С.-Петербурга, предусматривавший создание в ее составе сыскной части². Во «Всеподданнейшем отчете генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова по управлению С.-Петербургским градоначальством и столичною полицией с 1866 по 1867 гг.» сказано, что отсутствие в составе столичной полиции специального подразделения «для раскрытия преступлений и изыскания общих мер к предупреждению и пресечению преступлений» является «существенным пробелом», так как наружная полиция, «неся на себе всю тяжесть полицейской службы, не имела ни средств, ни возможности действовать с успехом в указанном отношении»³. Основываясь на этом, градоначальник предлагал учредить сыскную полицию.

Сыскная полиция С.-Петербурга была учреждена в составе полицейского управления 31 декабря 1866 г. приказом министра внутренних дел. Этим же приказом был определен круг ее задач – «производство розысков по важным преступлениям и изыскание общих мер предупреждения и пресечения преступлений»⁴ (были конкретизированы в «Учреждении С.-Петербургской сыскной полиции»). Компетенция сыскной полиции определялась на основе Устава уголовного судопроизводства (1864 г.), Устава о предупреждении и пресечении преступлений (ред. 1857 г.) и Общего устава счетного (ред. 1857 г.), а детальное регулирование действий сыскной полиции – инструкцией градоначальника. Согласно Уставу уголовного судопроизводства, сыскная полиция проводила дознания и по решению суда или по представлению судебного следователя или прокурора разыскивала обвиняемых лиц, если не было известно место их пребывания, или в случае их побега. По Уставу о предупреждении и пресечении преступле-

---

¹ См.: *Михневич В. С.* Язвы Петербурга (опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения). Спб., 1886.

² См.: Проект учреждения городской полиции С.-Петербурга. Спб., 1863. С. 49.

³ *Высоцкий И. П.* С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. Спб., 1903. С. 286.

⁴ Там же. С. 182.

ний она вела учет лиц, задержанных участковой полицией, если у них не было паспорта или если они обвинялись в каких-либо преступлениях, и наводила о таких лицах справки. Также сыскная полиция могла самостоятельно выявлять лиц предосудительного поведения и высылать их из столицы¹. По правилам Общего устава счетного сыскная полиция разыскивала имущество, на которое было наложено взыскание по начетам.

Штат сыскной полиции первоначально был утвержден царем 27 июня 1867 г. в составе 21 сотрудника: начальник, 4 чиновника для поручений, 12 полицейских надзирателей, 1 делопроизводитель и 2 его помощника, 1 журналист, который вел журнал (он же архивариус). Оговаривалось, что этот штат вводился в действие в виде опыта на три года². Структура сыскной полиции еще не была определена, и вся текущая работа проводилась ее начальником – И. Д. Путилиным, имевшим несколько агентов. Деятельность агентов ограничивалась составлением сообщений о розыске, которые печатались в приложениях к приказам по полиции, и занесению сведений о разыскиваемых лицах и вещах в особые справочные книги. На место преступления сыщики являлись только в случаях убийства и особо крупных краж, да и то, как правило, по требованию судебных властей. Поэтому, как отмечено в официальных изданиях, «большая часть совершившихся в столице преступлений оставалась неоткрытою и даже надлежащим образом необследованною»³.

К концу XIX в. по неоднократным ходатайствам С.-Петербургских градоначальников штаты сыскной полиции были расширены и увеличены средства на ее содержание. Это дало возможность организовать ее деятельность по территориальному принципу, заимствованному из опыта берлинской полиции⁴. Территориальный принцип был введен в 1896 г. по инициативе градоначальника Н. В. Клейгельса. Чиновники для поручений были распределены по отделениям города, а полицейские надзиратели – по участкам, и вся территория С.-Петербурга оказалась под наблюдением сыскной полиции. К 1904 г. штат петербургской сыскной полиции состоял из 131 сотрудника, а ее

¹ Отчет о деятельности С.-Петербургской сыскной полиции за 1904 г. Спб., 1904. С. 4.

² Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА С.-Петербурга). Ф. 792. Оп. 1. Д. 1094. Л. 130–131.

³ *Высоцкий И. П.* С.-Петербургская столичная... С. 286.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 334. Л. 268.

деятельность распространилась на пригороды столицы с «густым фабричным населением»¹.

Постепенно сложилась внутренняя структура сыскной полиции: канцелярия и четыре отдела – стол привода, антропометрическое бюро, в состав которого входила фотолаборатория, стол находок, стол о дворниках.

Стол привода был организован одним из первых в 1866 г. Он занимал центральное место и стал своеобразным прообразом центра оперативно-справочных учетов. Первоначально здесь наводились справки о судимости всех доставленных в сыскную полицию арестованных и задержанных за различные правонарушения. Со временем его задачи расширились и составили: регистрацию всех сведений о лицах, судимых или подвергшихся административным взысканиям, и о лицах, разыскиваемых по обвинению в преступлениях или замеченных в совершении каких-либо проступков в Петербурге и прилегающих к нему пригородах; ответы на запросы административных, судебных и полицейских органов С.-Петербурга и других городов, а также зарубежных полицейских и судебных органов; наблюдение за лицами, которые были высланы из Петербурга и самовольно вернулись обратно; наведение справок при найме на работу о честности и благонадежности домашней прислуги, извозчиков, кучеров, особенно дворников и швейцаров, а также служащих в увеселительных заведениях, «которым в силу их положения так или иначе приходится верить не только имущество, но и жизнь»². В столе привода сыскные агенты имели возможность ознакомиться с преступным миром, его своеобразным языком и нравами, взглядами преступников на свое ремесло. В 1897 г. стол привода был расширен и переименован в справочный отдел. В его составе была образована новая часть, сосредоточившая справки о лицах, осужденных за мелкие правонарушения (нарушение порядка, тишины и спокойствия в Петербурге). На основании этих сведений большая часть таких «лиц, вредных для общества»³, была выслана из столицы.

---

¹ Подробнее см.: Матиенко Т. Л. Сыскная полиция Российской империи (1866–1917 гг.). М., 2007. С. 16–17.

² Отчет о деятельности С.-Петербургской... С. 7.

³ Высоцкий И. П. С.-Петербургская столичная... С. 289.

В 1890 г. были учреждены антропометрическое бюро и фотография, объединенные в один отдел. Основной задачей этого отдела была идентификация лиц, совершивших преступления, выявление рецидивистов и лиц, скрывающих по каким-либо причинам свое прошлое, чтобы избежать наказания. С развитием деятельности этого отдела связано начало внедрения в России передовых на тот момент научных методов раскрытия преступлений и розыска преступников – антропометрии и фотографии, которые уже хорошо были известны полиции западноевропейских стран. В 1903 г. для антропометрического бюро и фотографии были приобретены три новых фотографических аппарата с новейшим в то время изобретением для увеличения фотоснимков.

В 1897 г. исключительно для розыска утерянных денег, вещей и документов был учрежден стол находок. До этого розыск пропавших вещей и бумаг находился в ведении канцелярии градоначальника.

В 1902 г. при петербургской сыскной полиции был организован стол о дворниках и швейцарах. Основное его назначение заключалось в учете дворников, сторожей и швейцаров и в сборе о них подробнейших сведений (нравственные и служебные качества, взыскания за грубость в общении или плохое исполнение служебных обязанностей), чтобы не допустить на эти места «лиц порочных». Здесь же имелись сведения о судимости служащих в питейных заведениях и извозчиков¹.

Основную текущую работу сыскной полиции С.-Петербурга – производство дознаний – вели четыре чиновника для поручений. Кроме того, они были обязаны принимать участие в обходах и осмотрах и проверять действия подчиненных им полицейских надзирателей. Полицейские надзиратели распределялись по четырем участкам города – по 12 человек на каждый. В их обязанности входили сбор информации о подозрительных лицах, наблюдение за театрами, увеселительными заведениями, клубами, ломбардами, ресторанами, гостиницами, постоялыми дворами, ночлежками и публичными домами. С 1896 г. надзиратели сыскной полиции стали систематически проводить обходы по ночлежным притонам и ежедневно – по улицам города с целью задержания лиц предосудительного поведения, выявления

---

¹ *Высоцкий И. П.* С.-Петербургская столичная... С. 288–289.

разыскиваемых преступников и лиц, не имеющих паспортов и лишенных права проживания в столице¹.

В 1902–1903 гг. в Петербурге по указанию градоначальника впервые были проведены крупномасштабные мероприятия по профилактике правонарушений. Был установлен контроль над проституцией (наблюдение за сутенерами и содержательницами квартир, собраны сведения о квартирах проституток) и усилены ежедневные обходы (первоначально проходили при личном участии начальника сыскной полиции). В результате этих мер «было достигнуто массовое очищение столицы от бродячего и преступного люда» и пресечено «начавшее входить в обычай противозаконное ношение финских ножей и другого рода оружия»². В целях совершенствования розыска похищенных и пропавших вещей управляющим всех петербургских ломбардов были разосланы правила по их розыску.

Вслед за Петербургом сыскное отделение было создано в Киеве в 1880 г.³ С 1901 г. сыскное отделение возглавил Г. М. Рудый, благодаря усилиям которого оно стало одним из самых мощных уголовно-сыскных органов Российской империи до 1908 г. Опыт киевского сыскного отделения, наряду с «петербургской моделью», был взят за основу при разработке законопроекта «Об организации сыскной части в Империи». Кроме того, в 1905 г. Г. М. Рудым была разработана «Инструкция чинам киевской сыскной полиции», взятой Министерством внутренних дел за основу «Инструкции чинам сыскных отделений», разработанной в 1910 г. для всех сыскных отделений империи.

В 1902 г. была проведена реорганизация сыскного отделения Киева с ориентацией на опыт сыскных полиций Лондона и Парижа. В сыском отделении были образованы стол следственный, стол происшествий, стол личного задержания, стол справок и наблюдений, антропометрический кабинет и фотография⁴. Следственный стол вел дознания по особо важным делам. В столе происшествий собирали сведения обо всех происшествиях в городе, потерях и находках, требованиях о розыске вещей и скота и хранили вещественные доказательства и вещи, отобранные у преступников. Стол справок и наблю-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 965. Оп. 4. Д. 6. Л. 1–50.

² Отчет о деятельности С.-Петербургской... С. 3, 28.

³ Отчет о деятельности сыскного отделения киевской городской полиции за 1902, 1903 и 1904 гг. Киев, 1905 // Антология сыска... С. 235.

⁴ Там же. С. 235–239.

дений вел ведомости о судимости лиц и «наблюдательные листки» на преступников-рецидивистов, «неблагонадежную» прислугу и лиц, которым запрещено было работать в обслуживающей сфере (посыльными, швейцарами, дворниками, сторожами, извозчиками и т. п.), справки о лицах, которым воспрещалось проживание в Киеве и собирал сведения о дворниках и ночных сторожах. В 1904 г. в киевском сыскном отделении был организован дактилоскопический отдел, и в 1905 г. – делопроизводственные отделы – регистратура и канцелярия. В штате сыскного отделения имелся переводчик с иностранных языков.

В «Инструкции чинам киевской сыскной полиции» четче, чем в других подобных нормативных актах, были сформулированы задачи сыскного отделения: предупреждение и пресечение преступлений; обнаружение преступлений; розыск преступников и «всего добытого преступлением»; регистрация преступников и подозрительных лиц; отождествление личности преступников посредством антропологического исследования; регистрация извозчиков, швейцаров, дворников и сторожей¹. Таким образом, назначение сыскного отделения не сводилось к расследованию общеуголовных преступлений, а расширялось до их профилактики посредством тщательного контроля над криминальной средой и вероятными источниками ее пополнения.

Деятельность киевской сыскной полиции, как и петербургской, была организована по децентрализованному принципу, но с некоторыми отличиями. В Петербурге количество сыскных агентов, распределенных по участкам города, было постоянным, а в Киеве они сосредоточивались «между всеми полицейскими участками сообразно числу происшествий в каждом». При этом в «Инструкции» специально оговаривалось, что сыскные агенты «не должны стесняться районом своих действий, если преступник и вещи, добытые преступлением, находятся на другом участке, или если они наткнулись в другом районе на преступление, требующее преследования по горячим следам, но местных чинов сыскной полиции в данный момент нет налицо»².

В старой столице – Москве – сыскная часть была сформирована также при полицейском управлении города в 1881 г. Однако сведений об истории образования и развития московской сыскной полиции со-

---

¹ Инструкция чинам киевской сыскной полиции. 1905 г. // Антология сыска... С. 132.

² Там же. С. 136.

хранилось немного. Известно, что канцелярия московской сыскной полиции делилась на пять отделов: «общий журнал», стол розысков, стол находок, стол судимости и отдел «дежурство». В «общем журнале» регистрировались все заявления о совершенных преступлениях в городе и близлежащих уездах, поступающие из полицейских отделений и от частных лиц. Здесь же хранились дела личного состава и секретная переписка сыскной полиции. Стол розысков принимал от административных и судебных органов сообщения о сыске лиц и проводил их циркулярный розыск. Розыском пропавших вещей, денег и документов занимался стол находок. Стол судимости вел учет и регистрацию лиц, осужденных за преступления и проступки, давал сведения о трехкратной судимости преступника для передачи дела от мирового судьи в окружной суд, выяснял личность подозреваемого в совершении преступления, регистрировал и протоколировал все случаи нищенства и занятия проституцией. Эти протоколы почти всегда являлись основанием для последующей высылки таких лиц из Москвы. О работе отдела «дежурство», точных сведений не обнаружено. Скорее всего, он занимался составлением расписания дежурства сыскных агентов и проводил общие организационные мероприятия. Деятельность московской сыскной полиции регламентировалась специальной инструкцией градоначальника.

Кроме С.-Петербурга, Киева и Москвы сыскные отделения в начале XX в. были созданы в составе полицейских управлений одиннадцати крупных городов России – Риге (1899 г.), Одессе (1902 г.), Ревеле (1903 г., называлось антропометрическое розыскное бюро), Витебске и Двинске (не позже 1902 г.), Варшаве, Баку, Ростове-на-Дону, Тифлисе, Севастополе, Лодзе (к 1906 г.). Внештатные сыскные части были в Царицыне и Саратове. Величина штата сыскного отделения зависела от размера и статуса города, численности населения и уровня преступности. Штат киевской сыскной полиции составлял 21 сотрудник; сыскного отделения в Одессе – семь; в Ростове-на-Дону – шесть; в Севастополе он состоял из начальника, канцелярского чиновника и вольнонаемных полицейских надзирателей; в Баку – из начальника и делопроизводителя, а канцелярских служителей нанимали из гражданских лиц. Разнообразие штатов, структуры и принципов деятельности первых сыскных отделений было вызвано тем, что ру-

ководство Департамента полиции оставляло решение этих вопросов на усмотрение местных начальников полиции.

Сыскные отделения пока не стали основными субъектами общеуголовного сыска, даже там, где они были созданы. В отчете о деятельности киевского сыскного отделения за 1906 г. указывалось, что раскрываемость преступлений в Киеве составила 35 %, и этот показатель ее начальник считал не плохим, а «вполне удовлетворительным»¹. В Москве за 1907 г. было совершено около 5707 преступлений, а раскрыто только 443, т. е. менее 10 %². Однако сыскные отделения показали большую эффективность в борьбе с общеуголовной преступностью, чем общая полиция. По отзыву представителей судебных властей и прокурорского надзора, в городах, где функционировали сыскные подразделения, количество нераскрытых преступлений было значительно меньше, чем в местностях, где борьбу с преступностью вела только общая полиция³.

Таким образом, сыскные отделения С.-Петербурга, Москвы и нескольких крупных городов Российской империи стали первыми специальными субъектами общеуголовного сыска. В практике нормативной правовой регламентации их деятельности, хотя и не имевшей еще централизованного и универсального характера, круг задач общеуголовного сыска существенно расширился – расследование, предупреждение и пресечение преступлений. С деятельностью первых сыскных отделений связывается первый этап становления сыскной полиции Российской империи – 1866–1908 гг.

7.2. Методы деятельности первых сыскных отделений

С самого момента зарождения сыскной полиции основными методами ее деятельности стали негласное наблюдение и использование агентуры. На широкое применение метода негласного наблюдения сыскной полиции прямо указано в мемуарах самого первого руководителя в ее истории – начальника С.-Петербургской сыскной полиции И. Д. Путилина⁴. Он писал: «Разумеется, агенты знали, в какого рода

¹ Отчет о деятельности сыскного отделения Киевской городской... С. 6.

² Мулукаев Р. С. Общеуголовная полиция... С. 23; Он же. Полиция в России... С. 86.

³ Проект об организации сыскной части в Российской империи // Вестник полиции. – 1908. – № 7. – С. 7.

⁴ Путилин И. Д. 40 лет среди грабителей и убийц. Записки первого начальника Петроградской сыскной полиции И. Д. Путилина. Т. I. Петроград–Москва, 1916.

местах следует разыскивать двуногих хищников <...>, это трактиры и приюты разврата – тайные и явные. Добрая половина преступников, убийц и воров, из крестьян и мещан, конечно, по преимуществу была разыскана и арестована сыскной полицией именно в этих отвратительных притонах»¹. Метод негласного наблюдения быстро зарекомендовал свою эффективность на практике и получил нормативное правовое закрепление. В ведомственных актах указывалось, что сыскная полиция должна производить «секретно, в партикулярном платье»², надзор за лицами, которые навлекли на себя подозрение своим образом жизни, за всеми происшестввиями, относящимися к мошенничеству, воровству, приему краденных вещей на хранение или их покупки, укрывательству разыскиваемых лиц, не имеющих паспортов, и т. д. В «Инструкции чинам киевской сыскной полиции» 1905 г. негласное наблюдение и выслеживание рассматривались как основное содержание деятельности чинов сыскной полиции³. Подчеркивая конспиративность действий сыщиков, Инструкция в «Особом наказе чинам сыскной полиции» определяла: «Чины сыскной полиции во время нарядов или наблюдений в публичных местах не должны, без особой нужды, вступать в разговоры или раскланиваться с чинами наружной полиции, носящими форму, или отдавать им честь» (п. 40)⁴.

Систематическое гласное и негласное наблюдение за преступниками способствовало оперативному раскрытию совершенных преступлений и пресечению преступлений в местах публичного скопления народа в церквях, театрах, площадях во время народных гуляний и т. п. Сохранилось немало таких свидетельств⁵. Вот два самых типичных из них. В 1885 г., в ночь на 22 июня, у ротмистра гусарского полка была совершена кража серебряных вещей, в которой был заподозрен родственник его лакея – некто по фамилии Маркевич. Тот был задержан сыщиками, и после того, как его опознали свидетели, сознался и рассказал, что украденные вещи находятся у его сообщника, который забрал все похищенные вещи и обещал на следующий день

¹ На страже отечества. Уголовный розыск Российской империи / И. Д. Путилин, А. Ф. Кошко. М., 20013. С. 48.

² С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство: Краткий исторический очерк. СПб., 1903. С. 287.

³ Инструкция чинам киевской сыскной полиции. 1905 г. // Антология сыска... С. 140.

⁴ Там же. С. 142.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 965. Оп. 1. Д. 22–24, 28, 29, 67–78, 80, 90, 99, 111, 197, 200, 202, 230, 261, 271, 275, 281 и др.; Оп. 2. Д. 15, 19, 31–33, 36, 38, 39, 61, 117, 120, 125 и др.; Оп. 4, Д. 10 и др.

принести ему половину денег, вырученных от их продажи. За квартирой Маркевича было установлено наблюдение, и 23 июня к нему пришел неизвестный человек, «но не нашедши его, <...> оставил записку, назначая свидание <...> 25 июня в Кронштадте в гостинице «Дорога». В гостинице также было установлено наблюдение, и 25 июня «по описанным Маркевичем приметам неизвестного человека удалось задержать»¹. Вскоре были найдены и похищенные вещи. Другой пример. Докладывая о результатах деятельности за период суточного дежурства 27 января 1905 г., командир летучего отряда петербургской сыскной полиции, чины которого постоянно вели наружное наблюдение, сообщал: «Вчера в Александрово-Невской Лавре при отпевании тела купчихи Лапшиной задержано четверо карманных воров (двое мужчин и две женщины) и на Знаменской улице в 11 часов вчера задержаны 1 мужчина и две женщины по сомнению в принадлежности узла с несколькими платьями и другими вещами»².

Первые сыскные отделения (как и охранные отделения) разрабатывали агентурный метод. Самым ранним документальным свидетельством (из обнаруженных и изученных источников) его использования в общеуголовном сыске является агентурный донос начальнику С.-Петербургской сыскной полиции, датированный 1884 г. и содержащий подробные сведения об игорных домах столицы и квартирах, местах и времени проведения карточных игр, их организаторах и участниках. Другое свидетельство использования негласной агентуры в борьбе с шулерством относится к 1885 г. По полученным сыскной полицией агентурным сведениям были приняты меры. За указанными в обоих доносах адресами и лицами было установлено негласное наружное наблюдение, и некоторые шулеры были взяты с поличным и высланы из Петербурга.

Значение негласной агентуры, как необходимого специального метода деятельности сыскной полиции, сразу же было оценено руководством полиции. В 1889 г. петербургский градоначальник в докладной записке Министру внутренних дел отмечал: «необходимость при сыскной полиции негласных агентов, без участия которых успех

---

¹ ЦГИА СПб. Ф. 965. Оп. 2. Д. 21. Л. 18–19.

² ЦГИА СПб. Ф. 965. Оп. 3. Д. 72. Л. 431. Рапорта подобного содержания составлялись ежедневно и сейчас представляют достаточно объемный том архивного дела (свыше 600 листов).

сыска весьма часто бывает совершенно невозможен, не может быть отрицаема, при условии пользования негласными агентами из всех слоев общества»¹. Начальник петербургской сыскной полиции Чуплицкий также считал, что «без содействия негласных агентов ни одно серьезное запущенное дело не может быть раскрыто одними средствами сыскной или наружной полиции. Только при посредстве ранее судившихся за кражи узнаются места сбыта похищенного и разные воровские притоны»². В «Инструкции чинам киевской сыскной полиции» рекомендовалось к сведениям, полученным от негласной агентуры, относиться с осторожностью, «пропускать их через фильтр дознания», и только те из них, которые окажутся достоверными, «положить в основание дознания»³.

К сотрудничеству с сыскной полицией привлекались также лица, занятые в сфере услуг – владельцы меблированных комнат и гостиниц, держатели трактиров, чайных, ночлежных домов и притонов, а также старосты артелей. В 1903 г. в сыскной полиции были составлены списки владельцев ночлежных домов и постоянных дворов С.-Петербурга⁴. Тогда же начальником петербургской сыскной полиции им были даны специальные инструкции, в которых разъяснялись их обязанности по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений и указывалось, что они должны вести наблюдение за жильцами и посетителями⁵. Особенно сложно было получить осведомителей из числа держателей тайных ночлежных притонов и трактиров. И. Д. Путилин вспоминал: «Целый ряд уголовно-криминальных происшествий последних лет показал нам, что очень часто держатели грязных притонов-трактиров умышленно укрывали своих преступников-клиентов, за счет награбленного имущества которых они жирели и богатели»⁶. Держатели тайных притонов подлежали аресту, и если не были уличены в более серьезном преступлении, то немедленно высылались из С.-Петербурга в административном порядке⁷.

¹ Там же. Ф. 569. Оп. 17. Д. 1458. Л. 76.

² ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 1458. Л. 60.

³ Инструкция чинам киевской сыскной... // Антология сыска... С. 157.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 965. Оп. 2. Д. 124.

⁵ Отчет о деятельности С.-Петербургской сыскной... С. 3.

⁶ На страже отечества. Уголовный розыск Российской империи / И. Д. Путилин, А. Ф. Кошко. М., 2013. С. 134.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 965. Оп. 1. Д. 25, 34. Оп. 2. Д. 16.

Особое значение в деятельности петербургской и московской сыскной полиции придавалось работе с дворниками. В 1866 г. в С.-Петербурге и Москве были разработаны «Правила об обязанностях дворников и ночных сторожей». Согласно этим правилам, дворники обязаны были немедленно объявлять полиции о каждом прибывающем в дом или выбывшем из него и вообще о всяком происшествии в доме; задерживать и доставлять в полицию лиц, «навлекших на себя основанное подозрение в каких-либо преступлениях»; наблюдать, «чтобы во вверенных надзору их зданиях и местах не произошло воровства, и в случае, если будут замечены похитители, задерживать их» и отправлять в конторы квартальных надзирателей; «в случае усмотренного какого-либо насилия, грабежа и т. п., тотчас прекращать это, призывая на помощь соседние караулы и полицию»¹. Поэтому, кроме необходимого хозяйственного инвентаря, дворники были «вооружены» свистками. Практически во всех случаях, когда возникала потребность в проверке сведений агентурных и анонимных доносов, или установлении проживающих в домах лиц и их посетителей, чины сыскных отделений в первую очередь проводили опрос дворников. В случае кражи первыми и самыми надежными информаторами о заносе и выносе каких-либо вещей и предметов из здания считались дворники. В рапортах на имя начальника сыскной полиции о результатах дознания и розыска сотрудники сыска обычно указывали на дворников как на основной источник полученных сведений.

Таким образом, уже на первом этапе становления сыскной полиции в Российской империи (1866–1907 гг.) основными методами ее деятельности в решении задачи борьбы с преступностью стали негласное наружное наблюдение и агентурный метод. Это придавало уголовно-розыскной деятельности новое качество – упредительный, разведывательно-поисковый характер, а в практике первых сыскных отделений зарождалась оперативно-розыскная деятельность общей полиции России.

В конце XIX в. в России начинают применяться научные методы и технические средства в борьбе с преступностью. Зарождалась и развивалась отечественная криминалистика, ориентированная на потребности практики розыскной деятельности. Начало использования

---

¹ Правила об обязанностях дворников и ночных сторожей. М., 1866. С. 4–6.

и развитие инновационных на тот момент научных методов – антропометрии, фотографии и дактилоскопии, черпаемых из зарубежного опыта, также связывается с образованием и деятельностью первых сыскных отделений. В практике киевского сыскного отделения впервые стали применять собак-ищек¹.

Прежде всего, стали разрабатываться научные методы идентификации. Этим занимались антропометрические бюро на основе методик французского доктора Альфонса Бертильона путем измерения различных частей человеческого тела. Первое антропометрическое бюро, организованное 1 июня 1890 г. при петербургской сыскной полиции, размещалось в двух комнатах: в первой производились измерения, а во второй размещались измерительные приборы (две доски с антропометрическими линейками, 2 метра для измерения роста и 1/2 метра для измерения бюста, таблица для измерения распростертых рук, головной циркуль, прибор для измерения уха, скользящий циркуль для измерения ступни, локтя, пальцев) и шкафы для хранения карточек.

Измерению подвергались рост, расстояние между крайними точками распростертых рук, высота бюста, продольный и поперечный диаметр черепа, длина среднего пальца и мизинца левой руки, длина левых ступни и локтя. В антропометрическую карточку заносились данные о профиле носа, цвете глаз, особых приметах на теле, а также сведения, «характеризующие субъекта с общественной и уголовной стороны». За период с 1890 г. по 1897 г. в России было измерено 23 тыс. мужчин и 4 тыс. женщин. Среди них было обнаружено 1700 рецидивистов и 180 рецидивисток. Как утверждается, личность 39 рецидивистов и двух рецидивисток была установлена путем измерения².

В начале XX в. система А. Бертильона постепенно стала вытесняться дактилоскопией. Регистрация преступников, основанная на дактилоскопии, была введена циркулярными распоряжениями Министерства внутренних дел по Департаменту полиции от 29 декабря 1906 г. В 1907 г. в Департаменте полиции был создан Центральный регистрационный отдел, в состав которого входило фотографическое

---

¹ Отчет о деятельности сыскного отделения киевской... за 1902, 1903 и 1904 гг. // Антология сыска... С. 248–250.

² Сыскная полиция // Энциклопедический словарь. Т. XXIV. Изд. Брокгауз и Ефрон. Спб., 1898. С. 333.

бюро. Необходимость создания Центрального регистрационного отдела была продиктована потребностями общей и политической полиции в идентификации личности преступников, так как на рубеже XIX–XX вв. в России преступность начинает приобретать мобильный характер. Преступники, особенно карманные воры, чтобы скрыться от следствия и суда, утаить от полиции в случае задержания свою судимость или преступный промысел, стали пользоваться чужими и подложными паспортами¹. С другой стороны, сведения, имевшиеся в антропометрических бюро, созданных к 1907 г. в Петербурге, Москве и других крупных городах, были разрозненны и разбросаны в разных делах и архивах. Более того, иногда приметы и фотографии даже выдающихся преступников были сняты небрежно и бессистемно и не могли быть быстро использованы в нужный момент для установления их личности и доказательства их преступного прошлого².

В том же году губернаторам, градоначальникам и варшавскому обер-полицмейстеру Департаментом полиции был разослан специальный циркуляр, предписывавший присылать в Центральное регистрационное бюро фотографии преступников и карты их примет, а также «лиц неизвестных почему либо заслуживающих внимания в интересах розыска и следствия» со всеми сопровождающими их сведениями³. В дополнение еще одним циркуляром Департамента полиции губернаторам, градоначальникам, начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений предписывалось из тех подразделений общей и политической полиций, в которых была введена дактилоскопия, снятые с преступников и задержанных лиц дактилоскопические оттиски «препровождать в Регистрационный отдел Департамента полиции, где имеется уже значительное количество дактилоскопических карт»⁴. К циркулярам прилагались «Правила для обнаружения, сохранения и фотографирования следов оттисков кожных линий пальцев рук, обнаруживаемых при осмотрах мест преступления». Очевидно, что руководство Министерства внутренних дел, понимая важность криминальных учетов в раскрытии преступлений и их профилактике, стремилось использовать все разработанные к тому

¹ Отчет о деятельности сыскного отделения киевской... за 1902, 1903 и 1904 гг. // Антология сыска... С. 247.

² Циркуляр Департамента полиции от 9 апреля 1907 г. // Антология сыска... С. 199.

³ Там же. С. 200–201.

⁴ Циркуляр Департамента полиции от 26 сентября 1907 г. // Антология сыска... С. 203.

времени системы регистрации и идентификации личности. Предпочтение отдавалось более новой и эффективной дактилоскопии, но старая учетная база по Бертильону была сохранена.

Деятельность первых сыскных отделений и попытки Министерства внутренних дел систематизировать накопленную ими и 3-м делопроизводством Департамента полиции информацию о преступном мире и упорядочить способы ее фиксации и хранения заложили основы становления информационно-аналитического обеспечения уголовно-разыскной деятельности.

Таким образом, с учреждением и развитием деятельности первых сыскных отделений связана институционализация уголовно-сыскной деятельности и ее трансформация в такой вид правоохранительной деятельности сначала в советском законодательстве, а затем в научной юридической литературе, которая получила название «оперативно-разыскная». Приобретя задачи предупреждения и пресечения преступлений и собственные методы, общеуголовный сыск стал отчетливо вычлениваться из досудебного производства в самостоятельный вид правоохранительной деятельности, отличающийся от других ее видов (охраны общественного порядка, проведения следствия и дознания) разведывательным и непроцессуальным характером.

Тема 8. СЫСКНАЯ ПОЛИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЗАРОЖДЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

8.1. Реформа общеуголовного сыска в 1908 г.: причины, проекты и правовые основы.

8.2. Сыскная полиция Российской империи: структура и принципы организации.

8.3. Функции сыскной полиции: соотношение дознания и розыска.

8.4. Методы сыскной полиции и зарождение оперативно-разыскной деятельности.

8.1. Реформа общеуголовного сыска в 1908 г.: причины, проекты и правовые основы

Начало XX в. в России ознаменовалось рядом крупных и значительных событий – русско-японская война 1904–1905 гг., революция 1905–1906 гг., учреждение Государственной Думы в 1905 г. и реформы П. А. Столыпина 1906–1907 гг. Непосредственной причиной государственной инициативы повсеместного создания сыскных отделений был тотальный рост преступности, связанный с интенсивным развитием капитализма и сопровождавшим его социально-политическим кризисом всех сфер жизни российского общества, приведшим страну в эпоху революций.

Бурное капиталистическое развитие российской экономики в конце XIX – начале XX вв. вызвало динамичный рост преступности в стране. Число осужденных окружными судами и судебными палатами с 1885 г. по 1899 г. увеличилось на 12 %, а за с 1889 г. по 1908 г. оно возросло на 66 %¹. Рост преступности значительно обгонял прирост населения. Население ежегодно увеличивалось на 1,7 %, а число преступлений – на 5,1 %². По оценкам руководства Министерства внутренних дел, «шквал революционной смуты... немало содействовал» росту преступности «до небывалых в России размеров»³. Кроме того, в начале XX в. преступность в России все отчетливее приобретала профессиональный характер. В 1903 г. выдающийся деятель русского сыска В. И. Лебедев, занимавший тогда должность начальника Московской сыскной полиции, впервые сформулировал мысль о том, что борьба с профессиональной преступностью является основ-

¹ Остороумов С. С. Указ. соч. С. 152.

² Там же. С. 102.

³ Беседа с Тов. Мин. вн. Д. св. Его Величества г.-м. В. Ф. Джунковским // Вестник полиции. – 1913. – № 29. – С. 664.

ной задачей полиции¹. Однако производство предварительного расследования по уголовным делам оставляло желать лучшего.

В 1869 г. была создана специальная комиссия для исследования неэффективности предварительного следствия. Она отметила как недостатки правового регулирования досудебного расследования уголовных дел, так и установила, что самым существенным недостатком следственной практики является отсутствие правильно организованного и тесно связанного с предварительным следствием розыска, констатируя: «смело можно сказать, что у нас розыск почти не существует».

Фактическое отсутствие уголовно-розыскной работы явилось следствием правовых коллизий в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., который не создал правовой основы полного организационного разграничения следствия и дознания, а установил почти полную взаимозаменяемость судебного следователя и полицейского чиновника в зависимости от обстоятельств на месте обнаруженного преступления. На полицию было возложено исполнение функций судебного следователя, если он отсутствовал на месте преступления. Также полиция была полномочна задерживать подозреваемых, если они могли скрыться с места преступления, и обвиняемых, если они могли уклониться от следствия и суда (ст.ст. 250–260, 300, 307). Во всех остальных случаях при обнаружении преступления и проступка полиция была обязана сообщать об этом мировым судьям, судебным следователям или прокурорам, в зависимости от состава правонарушения, и собирать доказательства факта совершения преступления, «данные, уличающие подозреваемого», а также принять меры для сохранения следов преступления, но не производить самостоятельно предварительного расследования. По прибытии на место преступления судебного следователя полиция прекращала самостоятельные действия, передавала ему все материалы и была обязана выполнять его поручения.

В юридической литературе второй половины XIX в. также не существовало определения понятий «предварительное следствие», «дознание» и единства в понимании содержания действий соответствующих органов, а розыск рассматривался средством и предварительного следствия, и дознания. Например, В. К. Случевский, следуя

---

¹ Лебедев В. И. Справочный указатель для чинов полиции. М., 1903. С. 3.

букве закона, рассматривал дознание как действия полиции по «обнаружению преступного характера происшествия» и полагал, что «дальнейшие действия по розысканию и обличению преступника» должны принадлежать судебному следователю. А. А. Квачевский, разделяя эту точку зрения, все первоначальное производство по делу, включая розыск, называл дознанием в широком смысле и выделял дознание в узком смысле – «собираение признаков одного преступления, без указания преступника». П. В. Маклинский считал, что «дознание должно состоять в том, чтобы разузнать и указать следователю, где находятся доказательства, которые можно собрать находящимися в его распоряжении средствами».

В итоге неопределенность в понимании дознания и предварительного следствия на практике привела к совмещению функций общей полиции и судебных следователей. А поскольку розыск рассматривался законом как необходимая начальная стадия дознания и как его форма производства, то и его осуществление было одинаково возложено на судебных следователей (как органы предварительного следствия) и общую полицию (как орган дознания). При этом, как отмечали комиссии, создаваемые во второй половине XIX в., этой функцией в равной мере тяготелись и считали ее второстепенной как судебные следователи, так и полиция. Закрепленное Уставе уголовного судопроизводства дублирование функций органов следствия (судебных следователей) и дознания (органов общей полиции) создало юридическую предпосылку отказа и тех, и других от практического осуществления уголовно-розыскных действий.

Фактической основой неисполнения сыскных функций со стороны судебных следователей была их очевидная крайняя малочисленность, ведущая к их чрезвычайно большой делопроизводственной загруженности, а со стороны чинов общей полиции – огромный объем хозяйственных, административных и охранительных функций, среди которых розыск как приоритетный не выделялся. Поэтому на практике действия чинов полиции весьма отличались от тех, которые были им предписаны законом, о чем периодически высказывались представители судебного ведомства и губернаторы в отчетах¹.

---

¹ Селиванов Н. Указ. соч. С. 292; Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. В 2-х томах. Т. II. Пг., 1914. С. 79.

В итоге система правоохранительных органов России в период интенсивного развития капитализма, обострения социальных противоречий и криминализации общественных отношений после отмены крепостного права оказалась не в состоянии противостоять нарастающей общеуголовной преступности, обнаружив уже к 70-м гг. XIX в. свою неэффективность. В 70–80-х гг. XIX в. до 80–90 % лиц, привлеченных к суду, освобождалось от уголовной ответственности в соответствии со ст. 277 Устава уголовного судопроизводства («когда судебный следователь не найдет оснований продолжать следствие»)¹. По официальным данным Министерства юстиции, только за 1902–1904 гг. из 864626 уголовных дел предварительное следствие было прекращено из-за необнаружения виновных по 137594 делам.

В специальной юридической литературе конца XIX – начала XX вв. также указывалось, что основной причиной плохого качества предварительного следствия по уголовным делам является отсутствие специальной розыскной службы. Все авторы, анализируя состояние дознания и следствия, высказывали единое мнение о том, что необходимо создать сыскную полицию².

Теоретическим обоснованием необходимости учреждения сыскной полиции стали итоги научной дискуссии о разграничении понятий «дознание» и «розыск». А. А. Квачевский считал, что «в своем собственном значении розыск составляет часть дознания, в обширном смысле – один из способов его производства, направленный к обнаружению и указанию скрытого, тайного, преимущественно виновника преступления»³. П. В. Маклинский также утверждал: «дознание и розыск употребляются часто в одном значении, но понятие о дознании обширнее понятия о розыске; последний представляет как-бы часть первого, направленную на обнаружение чего-либо скрытого, не легко доступного; он предполагает быстроту действий и потому упо-

¹ Проект об организации сыскной части в Российской империи // Вестник полиции. – 1908. – № 7. – С. 7.

² *Мордухай-Болтовский В. П.* Сборник узаконений для руководства чинов полиции и корпуса жандармов. Спб., 1875; *Тарасов И. Т.* Полиция в эпоху реформ. М., 1885. С. 80–105; *Бразоль Б. Л.* Очерки по следственной части. Пг., 1916. С. 41–59; *Селиванов Н.* Судебно-полицейский розыск у нас и во Франции // Юридический вестник. – 1884. – № 2, 7. *Обнинский М. Н.* Спорные границы дознания и предварительного следствия // Юридический вестник. – 1885. – № 3.

³ *Квачевский А. А.* Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. Ч. III. Спб., 1869. С. 5.

минается тогда, когда говорится о делах или обстоятельствах загадочных или важных, требующих особенной деятельности со стороны полиции»¹. И. Я. Фойницкий понятие «розыск» определял более конкретно, включая в него все меры по установлению события преступления (осмотр местности, потерпевшего, предметов – вещественных доказательств (даже при помощи экспертов), публикации в газетах, обходы ночлежных приютов и т. д.)². К розыску им были отнесены также словесные расспросы и негласные наблюдения, указанные в законе (ст. 258 Устава уголовного судопроизводства) как формы дознания, а также преследование преступника по горячим следам. Такое понимание розыска оказалось впоследствии наиболее предпочтительным, и было воспринято составителями законопроекта о создании сыскной полиции.

Предложение о создании специальной судебной полиции, работающей по заданиям и в контакте с судебными органами, было выдвинуто в 1907 г. членом Совета министра внутренних дел, действительным статским советником В. Э. Фришем.

Необходимость реформы общеуголовного сыска осознавалась и в недрах Министерства внутренних дел. В 1905–1906 гг. по инициативе директора Департамента полиции М. И. Трусевича был разработан законопроект о создании в Российской империи сыскной части. В декабре 1907 г. была опубликована служебная записка за подписью председателя Совета министров и министра внутренних дел П. А. Столыпина «Об организации сыскной части», обосновавшая необходимость создания общегосударственной общеуголовной службы. 29 декабря П. А. Столыпин, согласовав с Министерством финансов предварительный кредит для создания сыскных отделений, направил законопроект в Государственную Думу. В начале 1908 г. подготовленный Министерством внутренних дел законопроект «Об организации сыскной части в Империи» был опубликован в официальном правительственном органе – журнале «Вестник полиции».

В законопроекте обосновывалась необходимость создания специальных подразделений общеуголовного сыска, и были сформулированы основополагающие принципы их организации. Планировалось ввести в действие одновременно целую сеть сыскных отделений,

¹ Маклинский В. П. Практическое руководство для судебных следователей. Спб., 1907. С. 30.

² Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Спб., 1895. Вып. 1–2. С. 291.

унифицировать их структуру, компетенцию и порядок деятельности. Предлагалось привести к единообразию систему регистрации преступников, улучшить розыскную работу в сельской местности и, наконец, установить тесное взаимодействие между сыскными отделениями посредством создания центрального органа, координирующего их деятельность, причем создание такого органа рассматривалось как главная задача¹.

Образование центрального органа управления общеуголовным сыском было подготовлено созданием в 1907 г. в Департаменте полиции Центрального регистрационного отдела и единой справочной регистрационной базы. Проектирование централизации общеуголовного сыска подкреплялось принятием соответствующих решений. В начале 1908 г. М. И. Трусевич ходатайствовал перед министром внутренних дел о создании в Департаменте полиции новых структурных подразделений – Инспекторского отдела и Уголовно-сыскной части. 12 марта 1908 г. Инспекторский отдел и Уголовно-сыскная часть были учреждены приказом директора Департамента полиции. Уголовно-сыскная часть была реорганизована в 8-е делопроизводство Департамента полиции. В его обязанности входили: руководство сыскной деятельностью на местах, связь с иностранными полициями по вопросам общеуголовного характера, составление инструкций и правил по сыску, заведывание школой инструкторов и фотографией Департамента полиции, снабжение сыскных отделений оборудованием и пособиями. По поводу создания 8-го делопроизводства Департамента полиции в «Вестнике полиции» было отмечено: «Учреждением этого отдела положено, таким образом, начало упорядочению сыскной части, остававшейся до сего времени без всякого общего руководства и наблюдения и лишенной какой-либо объединенности»². В проекте предполагалось предоставить министру внутренних дел «возможность перемещать силы и средства отделений в пределах действительной необходимости, сообразно изменению жизненных потребностей той или другой местности». В этих положениях законопроекта просматривается стремление его составителей связать сыскные отделения в единую систему и создать качественно новую систему орга-

---

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 215–224, 1908–1909 гг. Д. 4, ч. 3, лит. Б. Л. 34.

² Вестник полиции. – 1908. – № 15. – С. 4.

низации общеуголовного сыска в России в начале XX в. – общегосударственную сыскную полицию.

В проекте «Об организации сыскной части в Империи» более конкретно была проведена граница между уголовно-разыскными и следственными действиями. Четко было определено, что следственные действия могут проводиться только после возбуждения уголовного дела, а осуществление уголовно-разыскной деятельности возможно также и до его возбуждения.

В основу организации сыскной полиции был положен опыт уже имевшихся сыскных отделений. В частности, это отразилось на определении их штатов и материального содержания. Типовым был признан штат сыскного отделения г. Киева, утвержденный Государственной думой в 1908 г. В зависимости от числа жителей и уровня преступности все населенные пункты и города России были разделены на четыре группы. В первую группу вошли города с количеством жителей от 191 до 319 тыс., во вторую – от 90 до 190 тыс., в третью – от 35 до 90 тыс. и в четвертую – города, в которых проживало до 35 тыс. человек. Соответственно для каждой группы населенных пунктов предполагалось определить разряд сыскного отделения и установить для него количество сотрудников в следующих соотношениях: для первой группы определить сыскные отделения 1-го разряда с штатом в 20 сотрудников; 2-го разряда – 11 сотрудников; 3-го – 8 сотрудников и 4-го – 6 сотрудников. От разряда зависела и степень технической оснащенности сыскного отделения. Непременным условием создания сыскного отделения в городе с населением до 35 тыс. жителей являлось наличие в нем высших административных, судебных или воинских учреждений или предприятий, «которые притягивают к себе наиболее беспокойные элементы населения» (железнодорожные узлы, крупные фабрики и заводы). Для сыскных отделений в районах, где преобладало нерусское население, предполагалось ввести должности переводчиков.

Проект предусматривал снабжение сыскной полиции особыми техническими средствами и широкое внедрение в ее деятельность специальных научных методов – систематическая регистрация задержанных лиц, антропометрия, дактилоскопия.

Чиновники Министерства внутренних дел пытались предотвратить коллизии, которые могли бы возникнуть в процессе практиче-

ской деятельности по расследованию преступлений. Для этого они полагали необходимым в самом законе об учреждении сыскных отделений установить, что «в пределах исполнения своих обязанностей по исследованию преступлений чины сыскных отделений пользуются всеми правами, предоставленными полиции на основании действующих судебных уставов и других, относящихся к этому предмету, законоположений». Данное положение законопроекта было самым слабым и недалевидным. На стадии подготовки законопроекта к обсуждению в Государственной Думе («нулевое чтение») оно встретило вполне обоснованную острую критику.

Судебно-административная комиссия Государственной Думы указала на известную «хаотичность и неопределенность» прав и обязанностей общей полиции, «которыми теперь обладают и чины сыскной». На этой основе комиссия признала, что отсутствие четкого разграничения компетенции общей и сыскной полиции в общеуголовном сыске является существенным упущением законопроекта¹. Несмотря на столь серьезный изъян законопроекта, все члены комиссии единогласно высказались за его скорейшее принятие.

Авторы проекта считали целесообразным установить контроль над деятельностью сыскных отделений со стороны прокуратуры и судебных властей. Это предложение не получило развития. В законопроекте прокурор судебной палаты и прокурор окружного суда были наделены только правом вето при назначении начальника сыскного отделения и правом давать чинам сыскных отделений поручения о проверке сведений по уголовным делам, находящимся на рассмотрении в судебных палатах или окружных судах. Судебные следователи также наделялись правом давать сыскным отделениям поручения по производству розысков.

Все предложения Министерства внутренних дел были сформулированы в девяти параграфах и поданы на рассмотрение Государственной Думы. Дума посвятила обсуждению законопроекта о создании сыскной полиции два заседания (дневное и вечернее) 20 июня 1908 г. Принятый Государственной думой 6 июля 1908 г. Закон «Об организации сыскной части» состоял из девяти статей и приложения о штатном расписании сыскных отделений. В этом Законе были сфор-

---

¹ Организация и деятельность уголовного сыска в дореволюционной России (конец XIX – начало XX вв.) / под ред. Б. П. Балугева и Р. С. Мулукаева. М., 1984.

мулированы основные принципы организации и деятельности сыскных отделений, основной задачей которых являлось производство дознания и розыска по общеуголовным преступлениям.

Значение Закона 1908 г. состояло в том, что он, во-первых, укрепил юридические основы дальнейшей специализации деятельности органов полиции, которая являлась общей тенденцией развития правоохранительной функции государства России в XIX – начале XX вв. Во-вторых, и это главное, с его принятием на законодательном уровне был сделан первый шаг к формально-юридическому выделению розыскной деятельности по общеуголовным преступлениям в самостоятельную функцию органов общей полиции. В Законе 1908 г., вслед за теоретическим разграничением понятий «дознание» и «розыск» в юридической науке в законе было определено, хотя и не последовательно, что общеуголовная сыскная деятельность не является собственно формой и средством дознания, а имеет самостоятельное значение. Тем самым Закон «Об организации сыскной части» задал тенденцию трансформации общеуголовной сыскной деятельности в оперативно-розыскную деятельность общей полиции. С этого момента в правовой традиции российского государства наметилась тенденция вызревания сложившейся в практике первых сыскных отделений оперативно-розыскной деятельности из «де-факто» в «де-юре».

Для разработки единого правового акта, регламентирующего деятельность сыскных органов, Министерству внутренних дел потребовалось более двух лет. Только 10 августа 1910 г. оно издало «Инструкцию чинам сыскных отделений». В ней конкретизировались основные положения Закона 1908 г., в частности, цели и задачи сыскных отделений, их внутренняя структура и порядок производства розыскных действий. Сами чиновники Министерства, давая общую оценку этому документу на страницах официальных изданий, признавали, что данная Инструкция «не вполне определенно характеризует постановку сыскного дела: есть многие противоречия, неточности, недомолвки», и неопределенность ее положений явилась главной причиной низкой эффективности сыскной полиции в борьбе с возрастающей из года в год преступностью. Несмотря на явные недостатки, Закон «Об организации сыскной части» и «Инструкция чинам сыскных отделений» составили правовую основу развития общеуголовного сыска в России в начале XX в.

8.2. Сыскная полиция Российской империи: структура и принципы организации

По Закону от 6 июля 1908 г. «Об организации сыскной части» сыскные отделения начали создаваться в 89 губернских и других наиболее значительных центрах Российской империи. Учреждались сыскные отделения четырех разрядов в составе полицейских управлений городов (при канцеляриях полицмейстеров, обер-полицмейстеров и градоначальников). В состав каждого сыскного отделения входили: его начальник, полицейские надзиратели, городовые. Должность помощника начальника сыскного отделения вводилась только для отделений первых двух разрядов. Для сыскных отделений первого разряда были предусмотрены должности чиновников, заведующих столами. Сыскные подразделения Петербурга и Москвы в Законе были поставлены вне разрядов, и их структура и штаты этим Законом не определялись.

Сначала введение в действие новых сыскных отделений шло низкими темпами. Дальнейшее усиление сыскной полиции проходило на основе новых законодательных актов или особых высочайших распоряжений о создании ее отделений. К 1916 г. в России функционировало 108 сыскных отделений.

Внутренняя организация сыскных отделений Законом от 6 июля 1908 г. не оговаривалась. Она была определена в Инструкции от 10 августа 1910 г. в соответствии с основными направлениями деятельности сыскной полиции. В составе сыскных отделений были организованы специальные отделы: справочное регистрационное бюро, в составе которого находились учебный музей и наблюдательная часть; стол розыска и стол личного задержания.

Центральной или, как значилось в Инструкции 1910 г., «главной частью внутренней организации»¹ сыскного отделения являлось справочное регистрационное бюро. Этот отдел занимался регистрацией преступников, систематизировал все поступающие о них сведения, на основании которых устанавливалась личность преступников и других задержанных лиц. При регистрационном бюро находилась фотолаборатория с антропометрическим и дактилоскопическим кабинетом. В регистрационном бюро наводились справки о судимости и розыске

---

¹ Инструкция чинам сыскных отделений. Спб., 1910. С. 7.

лиц, скрывшихся от правосудия. Здесь же находился специальный учебный музей. В музее хранились коллекции писем и бумаг с почерками преступников, различные орудия преступлений, воровские инструменты, мошеннические приспособления и т. п.

Справочные регистрационные бюро были призваны использовать в розыскной деятельности последние достижения криминалистики.

При справочном регистрационном бюро находилась наблюдательная часть, руководившая работой по ведению оперативного наружного наблюдения за подозрительными лицами. Ее сотрудники проводили негласную проверку личности всех пребывающих на временное жительство в районе деятельности сыскного отделения и «почему-либо обращающих на себя внимание полиции»¹, а также наблюдали за иностранцами, внушающими подозрение. В наблюдательной части были сосредоточены сведения о притонах преступников, ночлежных домах, чайных лавках, постоянных и заезжих дворах; местах сбыта краденного, о содержателях воровских квартир; о лицах, занимавшихся сводничеством, и местах «наиболее усиленного проявления преступности» (публичные дома, вокзалы, театры, трактиры, гостиницы, тайные квартиры для свиданий) и т. п.

Стол розыска проводил работу по выявлению преступников и их разоблачению с помощью внутреннего наблюдения и негласной агентуры. В стол личного задержания доставлялись все арестованные и задержанные лица, заподозренные в совершении преступления или пойманные во время проведения обходов и облав. Здесь выяснялась их личность и проверялось, нет ли о них сведений в сыскной полиции.

В некоторых сыскных отделениях, принадлежащих в основном к 1-ому разряду, а также С.-Петербурга и Москвы, были созданы так называемые «летучие» и «ломбардные» отряды. «Летучий отряд» предназначался, как сказано в отчете начальника московской сыскной полиции, «для постоянного дежурства в театрах, на вокзалах, для обходов, облав на бродяг и для несения дневной и ночной патрульной службы на улицах, рынках и тому подобных местах»². В «ломбардный отряд» московской сыскной полиции входили шесть сотрудников – пять городских и их руководитель – полицейский надзиратель. Ос-

---

¹ Инструкция чинам сыскных отделений... С. 11.

² ГАРФ. Ф. 102, оп. 215–224, 1910. Д. 162. Л. 14.

новной задачей «ломбардного отряда» являлось наблюдение в ломбардах и розыск в них пропавших и украденных вещей.

Руководство внутренней организацией и деятельностью сыскного отделения осуществлял его начальник. Он назначал заведующих столами, распределял обязанности между сыскными агентами и непосредственно руководил всем сыскным делом, давал указания по производству дознаний, назначал массовые проверки, обходы и обыски барышников, скупщиков краденного, делал распоряжения об установлении и снятии наблюдения за подозреваемыми лицами.

Несмотря на робкие попытки Министерства внутренних дел централизовать работу по выявлению и расследованию преступлений в общегосударственном масштабе, Закон «Об организации сыскной части» все же ограничил деятельность каждого сыскного отделения узкими рамками города. По Закону от 6 июля 1908 г. сыскные отделения были подчинены непосредственно полицмейстерам (градоначальникам и обер-полицмейстерам), и далее по вертикали – губернаторам. Последние назначали начальников сыскных отделений. Полицмейстер (градоначальник, обер-полицмейстер) непосредственно руководил деятельностью сыскных отделений, издавая соответствующую инструкцию. Каждое сыскное отделение в своей деятельности оказалось замкнутым в границах города или уезда (в особых случаях). И только по особому распоряжению губернатора чины сыскного отделения могли распространять свою служебную деятельность на всю территорию губернии или за ее границы. Это привело к тому, что в масштабах всего государства деятельность общеуголовного сыска была основана на децентрализованных началах.

В 1908 г., одновременно с созданием сыскных отделений, в составе Департамента полиции было образовано 8-е делопроизводство, которое ведало исключительно вопросами организации и деятельности общеуголовного сыска в России. В его функции входили составление и рассылка инструкций и правил, касающихся общеуголовной сыскной деятельности органов общей полиции, издание розыскных циркуляров и постановлений о прекращении розыска, организация работы школы инструкторов. Оно отвечало на запросы начальников сыскных отделений по различным вопросам, давало справки и разъяснения по действующему законодательству, осуществляло методическую помощь сыскным отделениям, распространяло брошюры о новых науч-

ных методах розыска, вело переписку с иностранными полицейскими учреждениями, заведовало перемещением кадров (в основном – переводчиков) и делами по занятию должностей в сыскных отделениях, в том числе в столичных. Сюда поступали представления на награждения отличившихся на службе чинов сыскной полиции, отчеты о деятельности сыскных отделений и о расходовании ими ассигнованных сумм. В 1915 г. оно занималось созданием новых сыскных отделений.

8-е делопроизводство Департамента полиции не было наделено правом объединения работы сыскных отделений и не осуществляло общего централизованного руководства местными подразделениями сыскной полиции при преследовании, изобличении и поимке как отдельных преступников, так и преступных групп. Не занималось оно и непосредственной организацией розысков в масштабах всего государства.

Таким образом, в России сложилась полуцентрализованная система управления сыскной полицией. В такой системе полномочия центральных общегосударственных органов полицейского управления в отношении территориальных формирований ограничены, в частности, контролем за назначением руководящих должностных лиц, установлением системы информации и связи, определением правил несения службы и т. п.¹ Сыскные отделения рассматривались как территориальные формирования и в остальных вопросах подчинялись местным территориальным органам общего управления (губернатору).

Полуцентрализованная система управления общеуголовной полицией в дореволюционной России сложилась в силу целого ряда исторических условий. Вся административная система на местах в Российской империи замыкалась на губернаторе, который подчинялся министру внутренних дел. Еще в 1880 г. правящими кругами был взят курс на централизацию управления органами полиции и с этой целью в составе Министерства внутренних дел был создан Департамент полиции. Однако, несмотря на это, власть губернатора оставалась «полицейской, распорядительной, исполнительной и поручительной»², и все городские и уездные полицейские управления находились в его непосредственном подчинении.

---

¹ См.: Организация деятельности органов внутренних дел зарубежных стран: управление полициями буржуазных стран. М., 1980. С. 10–22.

² Свод законов Российской империи. Изд. 1892 г. Т. II. С. 94.

Незавершенность процесса централизации управления органами общей полиции предопределила особенности организации деятельности сыскной полиции и положения сыскных отделений в системе правоохранительных органов дореволюционной России. В организации сыскной полиции следует выделить два уровня: местный (городской или губернский) и общегосударственный. На местном уровне деятельность сыскных отделений была централизована, в масштабах всего государства централизаторское начало было выражено весьма слабо и заключалось в рядовых поручениях Департамента полиции. Отсутствие постоянной организаторской деятельности Департамента полиции и его подразделений вступало во все большее противоречие с постоянно возрастающей миграцией населения и мобильностью преступности.

Наиболее дальновидные чиновники Министерства внутренних дел понимали, что отсутствие центрального органа, ведающего всей организацией общеуголовного сыска в стране, весьма неблагоприятно сказывалось «как на внутреннем укладе жизни, так и на функциях сыскных отделений»¹. В периодических изданиях всякий раз подчеркивалось, что сыскная деятельность при таких условиях не может быть продуктивной <...> Объединение и направление этой деятельности должно исходить из руководящего центра...»².

В Министерстве внутренних дел в этом направлении проводилась определенная работа. К 1912 г. в 8-м делопроизводстве Департамента полиции был разработан проект «Об организации сыскных летучих отрядов (бригад) для производства розысков вне районов штатных сыскных отделений». Он был направлен на централизацию общеуголовной сыскной деятельности и ее развитие в уездах в Империи. В качестве новой организационной формы уголовно-розыскной деятельности в сельской местности планировались «летучие отряды», а центральным органом, управляющим ими и объединяющим их силы – 8-е делопроизводство Департамента полиции. На него предлагалось возложить функции регламентации деятельности летучих отрядов, их оснащение новейшими техническими средствами уголовного сыска и обеспечение профессионального образования членов летучих отря-

---

¹ Сыскные отделения и их новый руководитель // Вестник полиции. – 1914. – № 20. – С. 495.

² Летучие отряды // Московский вестник. – 1912. – № 64. – С. 1; Сыскные отделения по проекту о реформе // Вестник полиции. – 1914. – № 16. – С. 302–303; Инструкция чинам сыскных отделений // Вестник полиции. – 1914. – № 44. – С. 762.

дов¹. На местах летучие отряды должны были находиться в распоряжении судебно-прокурорского ведомства при судебных палатах (юрисдикция каждой из них распространялась на несколько губерний). Однако осуществить задуманное не удалось. Проект о создании летучих сыскных отрядов был представлен для ознакомления на совещании губернаторов, состоявшемся в 1913 г. в С.-Петербурге, но дальнейшей реализации не получил.

Организацию сыскных отделений на местах Инструкцией от 10 августа предписывалось строить по принципу специализации (п. 56). Весь личный состав сыскного отделения следовало разделить на три группы, каждая из которых образует особый отряд и исполняет поручения начальника по какой-либо одной категории преступлений. По видам профессиональной преступности Инструкция установила три таких категории: 1) убийства, поджоги, разбой, грабежи; 2) кражи и организованная воровская деятельность (конокрады, взломщики, карманники, магазинные, отдельные железнодорожные, хипесные и т. п. шайки); 3) мошенничества, подлоги, обманы, фальшивомонетчество, подделка документов, шулерство, аферисты разного рода, контрабанда, продажа женщин в дома терпимости за границу². Во главу каждого отряда назначался полицейский надзиратель сыскной полиции.

Видимо, основания внедрения специализации у составителей Инструкции были. Судя по содержанию отчетов сыскных отделений, основную массу совершаемых преступлений составляли убийства и грабежи, кражи, мошенничества, составившие три основные категории преступлений по Инструкции 1910 г., по которым и предполагалась специализация сыскных агентов. Выбор принципа специализации был обусловлен и тем, что по Закону от 6 июля 1908 г. сыскные отделения должны были осуществлять розыски не только в городах, но и на территории прилегающего уезда, а в ряде случаев – даже на территории других уездов и городов губернии. С точки зрения теоретических представлений о принципах и организационных формах деятельности сыскной полиции, специализация создавала предпосылки для профессионального совершенствования ее работников и всего сыскного аппарата в целом. Но на практике в условиях российской действительности осуществить ее не удалось.

---

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 215–224, 1912. Д. 4. Ч. 3. Лит. Б. Л. 22.

² Инструкция чинам сыскных отделений. С. 14.

Главным препятствием внедрения специализации работников розыска являлось их недостаточное количество. По утверждению практических работников, специализация была «неудобной» и потому, что на одних чинов сыскного отделения выпадало гораздо больше работы, чем на других¹. Даже в таких крупных городах, как С.-Петербург и Москва, от специализации по категориям преступлений отказались с самого начала. В московской и петербургской сыскных полициях отдавали предпочтение территориальному принципу организации. Начальник московской сыскной полиции А. Ф. Кошко в отчете за 1909 г. выразил свою точку зрения на этот счет следующими словами: «Отдельных групп по категориям преступлений в московской сыскной полиции нет, и такое деление при существующем штате совершенно невозможно, и вряд ли будет целесообразным теперь же распределить служащих для работы по преступлениям, разбитым по категориям...»². Он считал, что только территориальный принцип организации деятельности дает возможность начальнику сыскной полиции контролировать работу каждого полицейского надзирателя и агента, «держат у себя в руках всю сыскную полицию» и обеспечивать результативность в борьбе с преступностью. Рассматривая дальнейшие перспективы развития московской сыскной полиции, А. Ф. Кошко отмечал, что специализация была бы возможной при увеличении штата сыскной полиции в два–три раза³. Все это притом, что штаты сыскной полиции в Москве были весьма значительными по сравнению со штатами в большинстве других городов Российской империи. На службе в московском сыске состояли в общей сложности 133 человека. Отсюда понятно, насколько затруднительным было внедрение специализации для сыскных отделений первого разряда, штаты которых насчитывали 20 человек, и тем более для отделений третьего и четвертого разрядов, где количество чинов было меньше в два–три раза. В таких сыскных отделениях каждый отряд составил бы всего два–три человека, включая начальника сыскного отделения и четырех чиновников, заведовавших отделами. Следует также иметь в виду, что сыскные отделения третьего и четвертого разрядов составляли 82,1 % от общего количества сыскных отделений. Товарищ министра внутренних дел В. Ф.

¹ Недочеты инструкции чинов сыскных отделений (по заключению местных властей) // Вестник полиции. – 1913. – № 24. – С. 567.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 215–224, 1910. Д. 162. Л. 14.

³ Там же. Л. 15.

Джунковский, выступая на съезде начальников сыскных отделений, проходившем в 1913 г. в Петербурге, признал, что к решению вопроса о внедрении специализации следовало подойти более конкретно, исходя из численности штатных единиц служащих сыскных отделений четырех разрядов¹.

В общегосударственном масштабе деятельность сыскной полиции также строилась по территориальному принципу (децентрализованный тип организации), явившемуся следствием разграничения деятельности между городскими и уездными полицейскими управлениями в губерниях также по территориальному принципу: власть уездного и городского полицейских управлений ограничивалась пределами подведомственной им территории. Это привело к тому, что проводить дознание и розыск за пределами города – на территории уезда или всей губернии – сыскные отделения могли исключительно по особому распоряжению губернатора. Однако начальник сыскного отделения не имел права прямых докладов губернатору и мог обращаться к нему только через полицмейстера. Правом такого распоряжения наделялся еще и прокурор окружного суда. Самостоятельно производить розыскные действия за пределами своей губернии ни начальники сыскных отделений, ни их агенты не имели права. Право сношения за пределами губернии было закреплено только за губернатором, и Инструкция 1910 г. чинам сыскных отделений разъясняла, что «в случае необходимости принять сыскные меры по какому-либо делу одновременно в разных местностях Империи» соответствующий губернатор должен обратиться с уведомлением в Департамент полиции². Только после того, как Департамент полиции издавал розыскные ведомости и направлял их во все сыскные отделения, можно было надеяться, что преступники будут пойманы. Как правило, пока между соответствующими канцеляриями велась переписка, преступникам удавалось скрыться и даже покинуть пределы губернии, а сыскные отделения оказались практически изолированными друг от друга. Таким образом, территориальная разобщенность сыскных отделений препятствовала пресечению деятельности как отдельных профессиональных преступников, так и преступных групп, разъезжавших по стране.

---

¹ Краткий отчет о совещании деятелей уголовного сыска // Вестник полиции. – 1913. – № 27. – С. 620.

² Инструкция чинам сыскных отделений. С. 3.

В итоге сыскные отделения оказались бессильными в противостоянии преступности в сельской местности. Определенная Законом 1908 г., их обязанность осуществлять розыскную деятельность на территории прилегающего уезда на практике встретила серьезные препятствия. На служебные командировки служащих сыскных отделений в уезды не выдавалось дополнительных средств. Например, в письме начальника сыскного отделения, адресованном редакции журнала «Вестник полиции», указано, что «в первые годы службы никаких кредитов на поездки не давалось, а приходилось расходовать из сыскных сумм, отпускаемых на отделение, что, конечно, лишало необходимых средств на текущую розыскную работу по городу, отнимая главным образом суммы, предназначенные на негласную агентуру»¹. В среднем за год на каждое сыскное отделение приходилось около 15 выездов, а на каждого сыщика – по три–четыре командировки. Это ослабляло сыскную работу в городе, поэтому в большинстве случаев преступления в губернии (а также и в уездах) начальнику городской полиции были безразличны. Руководители сыскных отделений тоже отрицательно относились к командировкам своих подчиненных, мотивируя это недостаточным количеством сотрудников и, разумеется, финансовых средств².

На практике, как признавали сами полицейские чиновники, связь сыскных отделений и уездной полиции в деле по предупреждению, пресечению и преследованию преступлений «сводилась к нулю»³. В периодических изданиях и докладах на совещаниях в Министерстве внутренних дел неоднократно подчеркивалось, что «нередко наблюдались многие известные случаи, когда зарегистрированный преступник и даже разыскиваемый совершенно свободно проживал в уезде в то время, когда его тщательно разыскивали в городе»⁴, а из-за отсутствия в уездах специального розыскного органа огромное число уездных го-

¹ К недочетам организации сыскного дела (из личных впечатлений) // Вестник полиции. – 1914. – № 29. – С. 518.

² Совещание губернаторов // Вестник полиции. – 1913. – № 5. – С. 118; Недочеты инструкции чинам сыскных отделений (по заключению местных властей) // Вестник полиции. – 1913. – № 24. – С. 567.

³ О мерах борьбы с преступностью и летучих сыскных отрядах // Вестник полиции. – 1913. – № 5. – С. 118; Сыскные отделения по проекту о реформе // Вестник полиции. – 1914. – № 16. – С. 303.

⁴ О мерах борьбы... // Вестник полиции. – 1913. – № 5. – С. 118; Сыскные отделения по проекту о реформе // Вестник полиции. – 1914. – № 16. – С. 303; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 215–224. Д. 4. Ч. 3. Лит. Б. Л. 12.

родов, местечек, больших сел и прочее, было «лишено обеспеченности в деле борьбы с преступными выступлениями»¹. В сельской местности целенаправленной борьбы с преступностью не проводилось. В некоторых губерниях проблему борьбы с преступностью пытались решить местные власти учреждением специальных сыскных команд на средства земств, например, в Екатеринославской губернии, которая издавна отличалась особым размахом преступности.

8.3. *Функции сыскной полиции: соотношение дознания и розыска*

Законом 1908 г. (ст. 4) на сыскные отделения были возложены «все права и обязанности, согласно судебным Уставам и другим действующим по сему предмету узаконениям, присвоенным ныне полиции по исследованию преступных деяний». Этими «другим действующим узаконениям» были: Общее учреждение губернское (в редакции 1900 г.), Устав уголовного судопроизводства 1864 г., Уставом о предупреждении и пресечении преступлений 1876 г., Общий устав счетный и ряд инструкций и циркуляров Министерства внутренних дел. Поэтому в круг функций сыскной полиции вошли: проведение дознания; розыск лиц, совершивших преступления или подозреваемых в их совершении; розыск лиц, уклоняющихся от исполнения судебных решений; розыск имущества, на которое было наложено взыскание по начетам и пропавших вещей.

«Инструкция чинам сыскных отделений» 1910 г. разъяснила чинам сыскных отделений положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и других законодательных актов по производству дознания и розыска, централизовала и унифицировала правовое регулирование деятельности сыскных отделений. В ней четче, чем в Законе 1908 г., определялись задачи сыскных отделений – «предупреждение, устранение, разоблачение и преследование преступных деяний общего уголовного характера», а основными направлениями их деятельности – «негласное расследование и производство дознаний» (п. 1)².

Дознание в законодательстве определялось как действия полиции по установлению факта преступления: «действительно ли происшествие случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка» (ст. 253 УУС). Особо подчеркивалось, что

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 215–224, 1910. Д. 4. Ч. 3. Лит. Б. Л. 14.

² Инструкция чинам сыскных отделений. С. 1.

при этом полиция собирает «все нужные ей сведения», «не производя ни обысков, ни выемок в домах» (ст. 254)¹. Сыскная полиция проводила дознание по всем уголовным делам, кроме простых краж на сумму менее 100 рублей², и начинала его производство с момента поступления в ее отделение заявления от потерпевшего или по сообщению общей полиции, а также по поручениям судебных следователей и прокуроров окружных судов и судебных палат. Получив сведения о совершенном или обнаруженном преступлении самостоятельно, сыскная полиция должна была в течение суток известить об этом судебного следователя, прокурора или его заместителя (ст. 250 УУС).

Прибыв на место преступления, чины сыскных отделений приступали к производству первоначальных следственных действий – осмотру места и его подробному описанию, выявлению очевидцев и опросу свидетелей. Расспросами окружающих лиц следовало установить время и способ совершения преступления. Показания опрошенных очевидцев и свидетелей фиксировались. По возможности составлялось подробное описание способа совершения преступления, собирались сведения о подозреваемых лицах (их звание, место рождения, характеристика, приметы, связи, наличие родственников и знакомых, место пребывания последних и др.). Одновременно выяснялось наличие связей подозреваемых лиц и их знакомых по данным регистрационного бюро. Если же подозреваемые не выявлялись, то по уликам и следам преступления пытались определить степень профессионализма преступников. Составлялась также подробная характеристика потерпевших (их род занятий, уровень жизненного обеспечения, состояние здоровья, их связи и общественное положение, образ жизни, устанавливалось, не известны ли они полиции по каким-либо другим делам). Особо обращалось внимание на возможную причастность к преступлению городского, дворника, сторожа, швейцара. Кроме того, чины сыскной полиции должны были выяснить, не было ли из числа окружающих лиц подстрекателя к преступлению или сообщников преступника³. В зависимости от результатов дознания его материалы направлялись: судебному следователю, если были выявлены призна-

---

¹ Российское законодательство... Т. 8. М., 1991. С. 145.

² Дела этой категории рассматривались волостными судами и иными местными судебными административными органами.

³ Инструкция чинам сыскных отделений... С. 79–81.

ки преступления; мировому судье, если были выявлены признаки проступка; прокурору судебной палаты или окружного суда, если признаки правонарушения отсутствовали (ст. 253 УУС). Результаты дознания, начатого сыскной полицией по сообщениям общей полиции, направлялись по подсудности через того же чиновника общей полиции, от которого поступило сообщение.

В особых, предусмотренных законом, случаях чины сыскных отделений приобретали полномочия судебных следователей и могли официально производить следственные действия – осмотр, освидетельствование, выемку, арест, составляя протоколы. Определяя эти случаи, Инструкция 1910 г., отсылала к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (ст.ст. 256–258). Такими случаями были задержание преступника в момент совершения преступления с поличным и возможность утраты вещественных доказательств до прибытия на место преступления представителей судебно-прокурорского ведомства. Протоколы, составленные чинами сыскных отделений, впоследствии приобщались к докладам и передавались по принадлежности судебным следователям или прокурорам. В суде они становились основанием судебного решения.

Инструкция 1910 г. определяла, что при производстве дознания сыскная полиция осуществляет разыскную деятельность (п. 58), номинируя ее «негласное расследование» или «негласный розыск» (п. 1). В этой части разработчики Инструкции основывались на понимании розыска как средства и формы дознания, заложенном Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 254). Наряду с розыском средствами дознания Уставом были определены словесные расспросы и негласное наблюдение. Инструкция раскрывала и конкретизировала понятие «негласное расследование» («негласный розыск»). Из содержания IV раздела «Инструкции» – «Розыск» следует, что под ним понимается «собираение сведений исключительно негласным наблюдением, расспросами, справками, без допросов в официальном тоне и с дописыванием необходимых сведений не на виду у посторонних», т. е. подчеркивался негласный характер деятельности¹. Результаты негласного розыска чины сыскных отделений должны были доводить до сведения общей полиции и судебных властей в форме

---

¹ Инструкция чинам сыскных отделений... С. 15.

устных и письменных сообщений для использования их в официальном расследовании.

Розыск сыскные отделения, согласно Закону 1908 г. и Инструкции 1910 г., проводили также по поручениям прокуроров окружных судов и судебных палат и судебных следователей¹. Требование Инструкции обязательного исполнения чинами сыскных отделений поручений прокуроров и «судебной власти при исследовании преступлений» можно рассматривать как определенный итог толкования и разъяснения норм уголовно-процессуального закона чинам общей полиции прокурорами судебных палат. Так, например, в Инструкции прокурора Московской судебной палаты 1909 г. определялось, что после передачи дознания по принадлежности чины общей полиции были обязаны продолжать розыски по указаниям судебных следователей и мировых судей². В этой связи положения Закона 1908 г. и Инструкции 1910 г. в части определения функций сыскной полиции были логичным продолжением норм Устава уголовного судопроизводства 1864 г., рассматривавшим общую полицию как орган дознания, и развивали выраженное в нем понимание розыска как средства дознания и вспомогательной деятельности, обеспечивающей раскрытие и расследование преступлений (ст. 254). Поэтому сыскные отделения, созданные в составе общей полиции, стали такими же органами дознания, как и другие ее подразделения.

При этом более четкое размежевание функций сыскных отделений с другими органами общей полиции в расследовании преступлений сложилось на практике. Например, в отчете начальника московской сыскной полиции отмечалось: «дознания чинами сыскной полиции производятся совершенно независимо от производства таковых чинами наружной полиции, которыми, в сущности, исполняется лишь формальная часть»³.

В круг задач сыскных отделений, как органов общей полиции, Законом 1908 г. были включены предупреждение и пресечение преступлений. Вслед за этим Инструкция 1910 г. выводила негласное расследование за рамки задачи расследования преступлений, указы-

---

¹ Там же. С. 3.

² Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений прокурора Московской судебной палаты // Законы о полиции. М., 1910. С. 442–446.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 125–224, 1910. Д. 162. Л. 4.

вая, что сыскные отделения проводят его «в видах предупреждения, устранения, разоблачения... деяний общеуголовного характера» и ведут «систематический надзор за преступными и порочными элементами» (п. 2)¹. На практике в этих целях негласные розыскные мероприятия проводились чинами сыскных отделений по распоряжениям органов власти на местах. Например, в Саратове чины сыскного отделения по распоряжению полицмейстера, основанного на предписании губернатора, проводили негласные проверки в «аптекарских, парфюмерных и т. п. торговых заведениях», частных мелких лавочках и у базарных торговцев, а также на улицах «близ казарм воинских частей» на предмет выявления и пресечения «преступной торговли» «денатурированным спиртом в разнообразных видах и одеколоном» и принимала «все меры к искоренению этого крупного зла, неуклонно привлекая виновных к ответственности...»². Изъятый спирт и «хлебное вино (т. е. водку – Т.М.) краденного происхождения» сдавали на казенные винные склады, виноградные вина, коньяки и другие напитки, пригодные к употреблению, передавали «для надобности лазаретов», а «добывавшиеся путем тайного домашнего приготовления крепкие напитки, как например, опьяняющая брага, кислушка и прочее» уничтожались³. Эти примеры показывают, что в практической деятельности сыскной полиции по предупреждению и пресечению преступлений фактически вычленяется собственно негласная розыскная деятельность, не связанная исключительно с расследованием преступлений. Это обстоятельство позволяет заключить, что негласный розыск в деятельности сыскных отделений после 1910 г. трансформируется из вспомогательного средства дознания в полноценную функцию сыскной полиции, направленную на решение комплексной задачи предупреждения, пресечения и расследования общеуголовных преступлений.

В Инструкции 1910 г. руководство МВД всячески пыталось ограничить компетенцию сыскной полиции негласным розыском. Даже задерживать подозреваемых или разыскиваемых лиц чинам сыскных отделений Инструкцией предписывалось «только в случаях, в законе точно указанных» в ст. 257 Устава уголовного судопроизводства

---

¹ Инструкция чинам сыскных отделений... С. 1.

² Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 83. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

³ ГАСО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 16. Л. 22.

1864 г. («1) когда подозреваемый застигнут при совершении преступного деяния или тотчас после его совершения; 2) когда потерпевший от преступления или его очевидцы укажут прямо на подозреваемое лицо; 3) когда на подозреваемом или в его жилище найдены будут явные следы преступления; 4) когда вещи, служащие доказательством преступного деяния, принадлежат подозреваемому или оказались при нем...»¹). Особо подчеркивалось, что для задержания лица, подозреваемого сыщикам, следовало лично обращаться за содействием к чинам общей полиции или жандармам, и передавать такие поручения через частных лиц или негласных агентов категорически запрещалось (п. 49 Инструкции)². Эти жесткие ограничения принудительной деятельности сыщиков должны были ограничить их злоупотребления и произвол, с одной стороны, а с другой – не раскрывать их без крайней необходимости.

Однако закрытый и подзаконный характер правового регулирования розыскной деятельности по общеуголовным преступлениям и стремление МВД ограничить компетенцию сыскной полиции негласным розыском не создали избыточных условий для превращения сыскных отделений в оперативно-розыскные органы общей полиции и организационного размежевания функций дознания и розыска. Руководители сыскных отделений в один голос заявляли, что строгое соблюдение предписаний Инструкции 1910 г. существенно осложняет работу как сыскных отделений, так и общей полиции по уголовным делам, задает лишнюю канцелярскую волокиту и нисколько не способствует результативности дознания и розыска. Поэтому на практике, вопреки предписаниям Инструкции МВД, чины сыскных отделений «облекали в форму протоколов все свои действия по расследованию преступлений, за исключением тех действий, которые раскрывают агентурные источники или разоблачают то, что в интересах сыскного дела не подлежит оглашению»³. В этой связи практики сыска предлагали при разработке новой инструкции для чинов сыскных отделений возложить на сыскных агентов проведение формальных доз-

---

¹ Инструкция чинам сыскных отделений... С. 12.

² Там же. С. 22.

³ Инструкция чинам сыскных отделений // Вестник полиции. – 1914. – № 49. – С. 885.

наний по тем уголовным делам, по которым они производят негласное расследование¹.

Новой инструкции для чинов сыскных отделений МВД так и не разработало. Но из приведенных соображений о ее содержании видно, что понимание розыска деятелями сыска преимущественно как средства дознания не выходило за рамки буквы закона, и в их правосознании не созрело его восприятие как самостоятельного вида правоохранительной деятельности, направленного на противодействие преступности. Руководители сыскной полиции рассматривали свои подразделения как органы общей полиции и, следовательно, дознания. На этот факт указывает то, что, несмотря на запреты Инструкции 1910 г., они регулярно давали своим подчиненным распоряжения о задержании и аресте всех известных им лично воров и рецидивистов, выявленных в ходе массовых облав, обходов и наружного наблюдения, тем самым расширяя границы уголовно-процессуальных мер противодействия преступности за счет превентивных функций полиции.

Таким образом, сыскная полиция Российской империи в период 1908–1917 гг. совмещала функции дознания и розыска, уже представлявшие на тот момент фактически самостоятельные направления деятельности. Несмотря на вычленение розыска в качестве полноценной функции путем расширения его задач в правовом регулировании и практике деятельности сыскных отделений после 1910 г., соотношение баланса функций дознания и розыска в преследовании общеуголовных преступлений, заданное Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. и поддержанное Законом 1908 г., сохранилось. В деятельности сыскной полиции розыск так и остался преимущественно вспомогательным средством дознания, и на этой основе ему в решении задач предупреждения и пресечения преступлений также была отведена служебная роль. В итоге в рассматриваемый период сложилась форма полицейского преследования общеуголовных преступлений – «полицейское дознание», тормозившая дальнейшее развитие оперативно-разыскной деятельности.

---

¹ Там же.

8.4. Методы сыскной полиции и зарождение оперативно-разыскной деятельности

Руководство Министерства внутренних дел в Инструкции 1910 г. стимулировало разработку и внедрение специальных методов уголовно-разыскной деятельности: наружного и внутреннего наблюдения и использования негласной агентуры (п. 2)¹.

По Инструкции цель наружного и внутреннего наблюдения состояла «в систематическом подборе и постоянном пополнении сведений о различных местах и лицах в районе деятельности сыскного отделения»². Эти методы уже широко применялись в политическом сыске («Положение об охранных отделениях», «Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения» и «Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения, направленная начальникам районных охранных отделений» 1907 г.).

Особое внимание уделялось внедрению агентурного метода, положительно зарекомендовавшего себя в работе первых сыскных отделений. Необходимость и полезность негласной агентуры обосновывали как практики общеуголовного сыска – В. П. Филиппов, Чуплицкий (С.-Петербург), В. И. Лебедев, А. Ф. Кошко (Москва), так и его первые «теоретики». Например, И. Снигирев в 1908 г. в работе «О сыске» рекомендовал: «... ранее вступления в должность, полицейский чиновник, знакомясь со своим районом и обывателями, должен завести связи с лицами, от которых он может рассчитывать получать необходимые сведения, что и служит дальнейшим залогом в успехе его деятельности по сыску»³. Значение негласной агентуры разъяснялось на курсах, пройденных начальниками сыскных отделений при Департаменте полиции в 1908 г. под руководством чиновника особых поручений В. И. Лебедева. В составленном на основе программы этой подготовки практическом пособии И. П. Генсиора агентурный метод был отнесен к вспомогательным средствам общеуголовного сыска. В пособии рекомендовалось искать источники формирования негласной агентуры («постоянные агенты») и осведомителей («случайные со-

---

¹ Инструкция чинам сыскных отделений... С. 1.

² Там же. С. 11.

³ Снигирев И. О сыске. Опыт исследования приемов, способов и средств к раскрытию истины происшествий. Касимов, 1908. С. 180–181.

трудники») «среди мелких торговцев, разносчиков, газетчиков, посыльных, извозчиков и всех категорий служащих в гостиницах и других местах развлечений, в конторах по найму рабочих и служащих и т. п.», а также «подростков обоего пола, на которых обыкновенно в общежитии принято обращать мало внимания, и поэтому они, беспрепятственно имея повсюду доступ, очень осведомлены, да, кроме того, сведения их более беспристрастны и правдивы»¹.

Стремление руководства Министерства внутренних дел к активному внедрению агентурного метода в деятельность сыскной полиции было воплощено в разработке «Совершенно секретных правил» (приложение к Инструкции 1910 г.²), специально регламентировавших агентурную работу сыскных отделений. В основу «Правил» была положена «Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения, направленная начальникам районных охранных отделений», разработанная в 1907 г. под руководством директора Департамента полиции М. И. Трусевича.

Содержание «Правил» сводилось к требованиям конспирации в использовании негласной агентуры и контроля взаимодействия сыщиков с осведомителями из преступной среды. Контроль за агентурной работой вменялся в обязанность начальнику сыскного отделения. Он должен был лично составлять и вести списки негласных агентов (п. 18), хранить агентурные данные и секретные сведения, не допуская их оглашения представителям прессы (п. 7), следить, чтобы «негласные агенты не проявляли инициативы в преступных предприятиях, не принимали ни под каким видом участия в преступных посягательствах» и «чтобы те же агенты не выдавали себя за лиц, состоящих на службе, и не пользовались при этом какими-либо удостоверениями, визитными и иными карточками, выясняющими их работу, и т. п.»³.

В выборе социальных источников агентуры «Правила» рекомендовали отдавать предпочтение законопослушной части населения – «искать содействия себе прежде всего в честных и нравственно устой-

---

¹ Генсиор И. П. Заметки об уголовном розыске и регистрации преступников. Ревель, 1911. С. 6.

² Некоторые сведения о структуре и содержании «Совершенно секретных правил» Инструкции 1910 г. представлены в журнале «Вестник полиции» за 1913 г. – № 27. – С. 360; № 29. – С. 664; № 30. С. 688–689. Первое упоминание о «Совершенно секретных правилах» в научно-исследовательской литературе по истории сыска встречается в работе Рыжова Д. С. «Борьба полиции России с профессиональной преступностью (1866–1917 гг.)». Самара, 2001.

³ Инструкция чинам сыскных отделений... С. 17.

чивых элементах самого охраняемого общества» (п. 46). Контакты с агентами из среды преступников «Правила» признавали «дозволяемыми в интересах службы», но устанавливали для них строгие ограничения, чтобы «общение с такими людьми отнюдь не переходило границы служебных отношений, и негласные агенты никогда не могли бы иметь повода присваивать себе какое-либо официальное положение служащего сыскной полиции» (п. 8). Чтобы не раскрывать негласных агентов, «Правила» запрещали сыщикам брать их с собой «на место официального производства дознания». Услуги негласной агентуры были возмездными (п. 9)¹.

На практике негласные агенты набирались из представителей различных категорий населения, и особое значение придавалось негласным агентам из лиц, занятых в сфере обслуживания. Например, А. Ф. Кошко в воспоминаниях отмечал, что своих секретных агентов «старался пополнять людьми, принадлежащими к различным слоям московского общества». Агентами и осведомителями сыскной полиции являлись извозчики, дворники, горничные, приказчики, чиновники, телефонистки, актеры, журналисты и др. Среди особых личных агентов начальника московской сыскной полиции были: «старшая барышня» с телефонной станции; известный исполнитель цыганских романсов; два метрдотеля из ресторанов; агент из бюро похоронных процессий и служащий из казенной палаты главного почтамта². О широкой сети и пользе негласных агентов указано и в его отчете о деятельности московской сыскной полиции за 1909 г., где подчеркнуто, что «было много случаев сообщения этими лицами очень ценных сведений»³. По словам А.Ф. Кошко, развернутая сеть постоянных агентов и осведомителей обеспечивала участковым надзирателям сыскной полиции «возможность самым подробным образом изучить территорию и состав его (обслуживаемого участка – Т.М.) населения. Обычно всякий переулок, всякий дом, чуть ли не всякая квартира были ему известны, что, конечно, значительно облегчало дело розыска»⁴.

В архивных фондах столичных и региональных сыскных отделений документальные свидетельства результативного использования

¹ Подробнее см.: Краткий отчет о совещании деятелей уголовного сыска // Вестник полиции. – 1913. – № 30. – С. 688–689.

² Кошко А. Ф. Очерки... Т. II. С. 154.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 215–224, 1910. Д. 162. Л. 17.

⁴ Кошко А. Ф. Очерки... Т. II. С. 156.

негласной агентуры встречаются практически в каждом деле о расследовании убийств, краж, мошенничеств, пресечении карточных игр и шулерства, и, конечно, установлении наблюдений за подозрительными лицами¹. С негласными агентами работали все служащие сыскной полиции. Встречи с негласными агентами проводились в основном на частных квартирах сыщиков. Вся агентура была известна начальнику сыскного отделения. Только он выдавал им вознаграждение за оказанные услуги под особую расписку: «За доставленные по такому-то делу сведения столько-то получил, и подпись»². Некоторые агенты вместо денежного вознаграждения удовлетворялись помощью сыскной полиции по подысканию какой-либо работы или службы.

Негласных агентов, оказывающих регулярные услуги сыскной полиции, было очень мало. В основном негласную агентуру составляли «агенты-летучки» и «агенты-штучники». «Агенты-летучки» – это лица без определенных занятий, которые, не имея средств к существованию, ежедневно приходили в сыскную полицию и, как правило, за небольшую плату давали «способствующие успеху розыска» сведения о месте нахождения разыскиваемых лиц и вещей³. «Агенты-штучники» были в основном выходцами из преступной среды. А. Ф. Кошко охарактеризовал их так: «сегодня дают сведения и получают за них деньги, а завтра, если попадутся, с ними будет поступлено также, как и со всяким другим преступником. Причем если этим агентам хорошо платить, то и сведения, представленные ими будут, ценные»⁴. Из среды преступников были и случайные осведомители, которых А. Ф. Кошко назвал «агентами-любителями». Вот как он о них писал: «Часто воры, не поделившие добычи, присылали кляузные письма, жалуюсь друг на друга; бывало, что какой-нибудь скупщик краденного, обуреваемый завистью к «коллеге», перекупившему у него под носом выгодную партию «товара», являлся в сыскную полицию и со смаком выдавал «конкурентов». А то случалось, что люди, чающие заработать пятерку, десятку, а то и четвертную (сообразно ценности сведений), приходили ко мне и предлагали сообщить данные по интересующему меня делу. Эта разновидность агентов приносила также свою пользу»⁵.

¹ ЦГИА СПб., Ф. 965, 596; ГАСО. Ф. 83.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 215–224, 1910. Д. 162. Л. 20.

³ ЦГИА. СПб., Ф. 596. Оп. 17. Д. 1458. Л. 60.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 215–224, 1910. Д. 162. Л. 16.

⁵ Кошко А. Ф. Очерки... Т. II. С. 156.

На практике постановка агентурной работы с выходцами из преступной среды в каждом сыскном отделении зависела от оценки ее полезности и целесообразности начальником отделения. Большинство руководителей сыскных отделений находили, что она заслуживала мало доверия. А. Ф. Кошко называл ее «негласной уголовной агентурой» и считал, что нужно быть очень осторожным при проверке даваемых ею сведений¹, и вообще «вредно их заводить, так как уследить за ними невозможно, и, в конце концов, они начнут провокаторствовать, когда увидят, что деятельность их не оправдывает их существования, в смысле получаемого ими содержания»².

И. Снигирев также рекомендовал чиновнику полиции не заводить близких отношений с такими информаторами, и все их сообщения подвергать тщательной проверке, поскольку они дают сведения «всегда в своих личных расчетах, сознательно искажают правду и обыкновенно, указывая что-нибудь ничтожное, скрывают важное и нужное, а иногда, наталкивая на неважное правонарушение, делают это с целью отвлечь внимание от более важного»³. Если же информация была действительно ценной, то оплачивать услуги таких осведомителей следовало не лично, а «через посредство своих низших агентов, чтобы избежать всякого намека на смешение и тождество сношений» полицейского чиновника с агентами из добропорядочных обывателей и из среды преступников⁴.

Начальник сыскного отделения города Харькова В. В. фон-Ланге, напротив, считал, что преступники, «которые оказываются на стороне агентов», могут дать «наибольшую пользу в деле розыска», так как «бывая в кругу своих товарищей, узнают о совершенных ими преступлениях и сбыте краденного, сообщают сведения агентам сыскного отделения, которые, в свою очередь, следуя указаниям шпионов, часто с успехом разыскивают преступников и все добытое ими. Таких агентов надо старательно скрывать...»⁵.

Однако большинство начальников сыскных отделений и их подчиненных недооценивали негласные методы расследования преступ-

---

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 215–224. 1910. Д. 162. Л. 16.

² Там же. Л. 17.

³ Снигирев И. О сыске. Опыт исследования приемов, способов и средств к раскрытию истины происшествий. Касимов, 1908. С. 182.

⁴ Там же. С. 181

⁵ Цит. по: Антология сыска... С. 11.

лений. Поэтому и работа негласных сотрудников сыскных отделений, по оценкам самих деятелей уголовного сыска, находилась на низком уровне¹.

Наружное наблюдение осуществляли штатные сотрудники сыскных отделений. Они вели тайный надзор за местами, привлекающими преступников, – ресторанами, трактирами, ломбардами, публичными домами, театрами и т. п., а также непосредственно за известными преступниками для выявления их связей или в ходе расследования преступлений. Личный состав сыскных отделений был невелик, поэтому иногда к наружному наблюдению привлекались чины наружной полевой службы². Наружное наблюдение применялось также при розыске опасных преступников³. Однако работа штатных сотрудников и вольнонаемных агентов, занимающихся непосредственно негласным розыском, на совещании руководителей сыскных отделений, состоявшемся в 1913 г., была признана «недостаточно конспиративной»⁴.

Наряду с агентурными сведениями и данными наружного наблюдения сыскной полицией использовались как негласные источники слухи, доносы, анонимные сообщения и письма, сведения и справки, которые доставлялись лицами различных профессий за вознаграждения или «в силу их постоянного общения с чинами сыскной полиции, а также заявления преступников, находящихся на свободе или в местах заключения»⁵.

В качестве общих мер борьбы с преступностью в крупных городах Российской империи регулярно проводились облавы в ночлежных домах и неблагополучных районах. Начало этой практике было положено в Петербурге еще в конце XIX в.⁶ В Москве ночные облавы были внедрены в практику сыскной полиции с 1908 г. А. Ф. Кошко, который привнес в московский сыск петербургский опыт. Московской новеллой в борьбе с преступностью стали предпраздничные облавы. Они готовились в строжайшей тайне. Начальник приказывал подчиненным

---

¹ Краткий отчет о совещании деятелей уголовного сыска // Вестник полиции. – 1913. – № 27. – С. 360.

² ГАСО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 10. Л. 314.

³ Там же. Д. 26. Л. 42–51, 43, 49, 59, 60, 62, 66.

⁴ Краткий отчет о совещании деятелей уголовного сыска // Вестник полиции. – 1913. – № 27. – С. 360.

⁵ Инструкция чинам сыскных отделений. С. 15; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 21–224, 1914. Д. 10. Л. 9; ГСАО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 10. Л. 116, 119, 130.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 965. Оп. 4. Д. 6.

собраться в полиции к семи часам вечера якобы для ознакомления с новым циркуляром или для получения общих указаний по очередному сложному делу. Собравшимся объявлялось, что сегодня ночью будет облава, после чего запрещалось не только выходить из помещения, но даже разговаривать по телефону. Для проведения облав в помощь сыскной полиции распоряжением градоначальника придавались силы общей полиции: городовые, околоточные, приставы и их помощники¹. Регулярные облавы в ночлежных домах и на базарах проводились и в губернских городах.

В 1914 г. была унифицирована система регистрации преступников. Классификация преступников по словесному портрету была полностью заменена их регистрацией по дактилоскопии. Антропометрия была сохранена для опознания старых рецидивистов, зарегистрированных в сыскных отделениях до 1908 г. Весь регистрационный материал, находившийся в Центральном регистрационном бюро (более 200 тыс. фотографий) и в сыскных отделениях, к 1 января 1915 г. был перерегистрирован по новой, специально выработанной таблице родов преступности. На места были даны разъяснения по технике фотографирования, установления личности преступников и лиц, скрывающих свое звание, а также на каких лиц и в каких случаях следует доставлять в Центральное регистрационное бюро карточки и дактилоскопические листки². Данные регистрационных учетов нередко оказывали деятельную помощь чинам сыскных отделений в установлении личности преступников и способствовали успеху розыска³.

Кардинальные изменения основ общественного и государственного строя, явившиеся итогом Октябрьской революции 1917 г., требовали создания новых органов власти и управления, права и законодательства. Вместе с тем, формируемые веками и апробированные в дореволюционной царской России средства борьбы с преступностью и расследования преступлений, несмотря на выработку и закрепление новых принципов советского права, были вновь востребованы, и коренного изменения в понимании законодателем сущности и назначения уголовного сыска не произошло.

---

¹ Кошко А. Ф. Очерки... Т. 3. С. 163.

² Реформы в области уголовного розыска // Вестник полиции. – 1915. – № 18. – С. 554–560.

³ ГАРФ. Оп. 215–225. Д. 23. Ч. 26. Л. 1; Д. 10. Л. 31–32; ГАСО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 5. Л. 221–264; Д. 7. Л. 138, 226, 268; Д. 16. Л. 14 и др.; ГАСО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 10. Л. 183–188, 196 и др.

В 1918–1919 гг. советской властью был принят ряд нормативных правовых актов, направленных на становление советской правоохранительной системы и борьбу с преступностью. Наиболее значительными из них в свете рассматриваемой темы были Положение «Об организации отделов уголовного розыска» от 5 октября 1918 г. и «Инструкция ГУСРКМ¹ по уголовному розыску» 1919 г.² В этих документах в части определения задач, функций и методов деятельности отделений уголовного розыска советской милиции указывалось, что таковыми соответственно являются «охрана революционного порядка» и «предупреждение готовящихся, раскрытие совершившихся и пресечение обнаруженных преступлений путем негласной агентуры и наружного наблюдения»³. В то же время в условиях становления советского общества и государства правовые и организационные основы, формы и принципы реализации сыска получили соответствующую трансформацию и дальнейшее развитие.

---

¹ ГУСРКМ – Главное управление советской рабоче-крестьянской милиции.

² Милиция России: Документы и материалы. 1917–1999. Т. I. 1917–1934. / авт.-сост.: А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев, Б. В. Чернышев, А. В. Афанасьев, А. В. Лобанов. Саратов, 2000. С. 33–35; 68–72.

³ Милиция России: Документы и материалы... С. 33, 69.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреев А. И. О происхождении и значении Судебника 1589 г. Пг., 1922.
2. Андреев И. Л. Происхождение человека и общества. М., 1988.
3. Андреевский И. Е. Полицейское право. Т. 1–2. Спб., 1874–1876. Т. 1. 1874; Т. 2. 1876.
4. Анисимов Е. В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999.
5. Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967.
6. Антология сыска: от полиции к внешней разведке. Т. 1: Уголовный сыск: документы и материалы (XI – нач. XX ст.) / сост.: Ю. И. Римаренко, Е. М. Моисеев, В. Н. Чисников. Киев, 2006.
7. Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. Спб., 1872.
8. Арцеховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958.
9. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. Спб., 1841.
10. Беляев И. Д. История русского законодательства. Спб., 1869.
11. Болдин И. Правда Русская и законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. Спб., 1792.
12. Борисов А. В., Дугин А. И., Малыгин А. Я. и др. Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995.
13. Бразоль Б. Л. Очерки по следственной части. Пг., 1916.
14. Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел: В 2 кн. СПб., 1859.
15. Веретенников В. И. Из истории Тайной канцелярии. 1731–1762. Харьков, 1911.
16. Владимирский-Буданов М. Ф. Судебник 1589 года. Его значение и источники. Киев, 1902.
17. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.
18. Власов В. И., Гончаров Н. Ф. Организация розыска преступников в России в IX–XX веках. (историко-правовое исследование). Ч. 1–2. Домодедово, 1997.
19. Воскресенский Н. Н. Законодательные акты Петра I: Акты о высших государственных установлениях. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья, иностранные источники. Т. 1 / под ред. Б. И. Сыромятникова. М.–Л., 1945.
20. Высоцкий И. П. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. Спб., 1903.

21. Гальперин Д. С. Очерки первобытного права. Исследование. Спб., 1893.
22. Гисси А. А., Соколовский Д. А. Дознание, его цели и способы производства. Ч. 1–2. Казань, 1878–1879.
23. Голубев А. А. Сыскной приказ. Общественный быт и судопроизводство: По документам Московского архива Министерства юстиции. М., 1884.
24. Гольцев В. А. Законодательство и нравы в России XVIII в. Спб., 1886.
25. Готье Ю. В. Отделение судебной власти от административной. М., 1916.
26. Горяинов К. К., Кваша Ю. Ф. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Комментарий. М., 1997.
27. Гуляев П. Права и обязанности градской и земской полиции и всех вообще жителей Российского государства по их состояниям. М., 1824.
28. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.
29. Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859.
30. Долгов Д. Основные формы уголовных следствий, вообще принятых при их производстве. Спб., 1846.
31. Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1985 год / под ред. А. П. Новосельцева. М., 1986.
32. Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России. Опыт истории русского гражданского права. Спб., 2004.
33. Ефремова Н. Н. Судостроительство России в XVIII – первой половине XIX в. (историко-правовое исследование). М., 1993.
34. Елинский В. И. Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности. М., 2001.
35. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.
36. Ефименко А. Я. Южная Русь: Очерки, исследования, заметки. Спб., 1905.
37. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавия России в XIX в. М., 1978.
38. Законодательство Екатерины II. В 2-х томах. Т. I. М., 2000.
39. Законодательство Петра I. М., 1997.
40. Зарудный М. И. Закон и жизнь. Итоги исследования крестьянских самосудов. Спб., 1874.
41. Зерцалов А. Н. Объезжие головы и полицейские дела в Москве в конце XVII в. М., 1894.

42. Иванов П. Следопроизводитель, или Обзорение постановлений, руководствующих к познанию порядка производить исследования. Спб., 1834.
43. История полиции дореволюционной России: сборник документов / под ред. В. М. Курицына. М., 1981.
44. История полиции России / под ред. В. М. Курицына. М., 1998.
45. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. Ч. 1–3. Спб., 1866-1869.
46. Кистяковский А. Исследование о смертной казни. Киев, 1867.
47. Кошко А. Ф. Очерки уголовного мира царской России. Т. 1–2. М., 1991.
48. Ковалев О. Г., Вагин Е. Г., Юдин Е. Г. Оперативно-розыскная деятельность. М., 2006.
49. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Спб., 1904.
50. Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. Спб., 1843.
51. Курицын В. М. Буржуазные реформы государственного аппарата и развития права России в 60–80-е гг. XIX в. М., 1992.
52. Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство. Спб., 1884.
53. Лебедев С. Я. Традиции, обычаи и преступность. М., 1995.
54. Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания централизованного аппарата в конце XV – первой половине XVI в. М., 1961.
55. Лешков В. И. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858.
56. Лешков В. И. О мерах против воровства, грабежа и других нарушений личной и имущественной безопасности. М., 1861.
57. Линовский В. Опыт исторический розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849.
58. Лукин В. Опыт практического руководства к производству уголовных следствий и уголовного суда по русским законам, составленный для следователей, судей и стряпчих. Спб., 1851.
59. Лопухин А. А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907.
60. Маклинский В. П. Практическое руководство для судебных следователей Спб., 1907.
61. Мальгин Т. Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест Российского государства. Спб., 1803.
62. Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.–Л., 1962.

63. Маньков А. Г. Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России. М., 2003.
64. Методология историко-правовых исследований. М., 1980.
65. Мирлес А. А. Краткий курс истории русского права. Киев, 1908.
66. Михневич В. С. Язвы Петербурга (опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения). Спб., 1886.
67. Мичурина О. В. Дознание: теоретические основы и процессуальные особенности производства в органах внутренних дел. М., 2007.
68. Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М., 2003.
69. Мордухай-Болтовский В. П. Сборник узаконений для руководства чинов полиции и корпуса жандармов. Спб., 1880.
70. Мулукаев Р. С. История полиции дореволюционной России. М., 1981.
71. Мулукаев Р. С. Общеуголовная полиция дореволюционной России. Ее классовый характер. М., 1979.
72. Мулукаев Р. С. Полиция России (IX в. – нач. XX в.). Н.-Новгород, 1993.
73. Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964.
74. Мулукаев Р. С., Полубинский В. И. Сказ о сыске // Советская милиция. – 1990. – № 1–12.
75. Мушкет И. И., Хохлов Е. Б. Полицейское право России: проблемы теории. Спб., 1998.
76. Наливкин Ф. Важное и необходимое предостережение следователей, обвиняемых и обвинителей по уголовным делам. М., 1847.
77. Некрасов В. Ф., Борисов А. В., Детков М. Г. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996.
78. Оболенский Н. В. Практическое руководство к производству следствий. Ч. I. М., 1855.
79. Органы и войска МВД. Краткий исторический очерк / под ред. В. Ф. Некрасова. М., 1996.
80. Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1978.
81. Пахман С. П. О судебных доказательствах по древнерусскому праву, преимущественно гражданскому в историческом их развитии. М., 1851.
82. Полиция и милиция России: страницы истории / Борисов А. В., Дугин А. И., Малыгин А. Я. и др. М., 1995.
83. Попов А. Русская Правда в отношении к уголовному процессу. М., 1841.
84. Рейнблат А. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998.

85. Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995.
86. Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.
87. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. Спб., 1910.
88. Сизиков М. И. Полицейская реформа Екатерины II. Тюмень, 1997.
89. Сизиков М. И. Становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII в. М., 1992.
90. Сизиков М. И. История полиции России. Вып. I. Становление и развитие регулярной полиции в России XVIII в. М., 1992.
91. Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. История полиции в России. Вып. II. Полиция Российской империи XIX – начала XX веков. М., 1992.
92. Сизиков М. И. Общая полиция в России XVIII в. М., 1999.
93. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Вып. 1–2. Спб., 1891–1892.
94. Снигирев И. М. Безопасность и полиция. Витебск, 1912.
95. Снигирев И. М. О сыске. Опыт исследования приемов, способов и средств к раскрытию истины происшествий. Касимов, 1908.
96. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. II. Пг., 1911.
97. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство. Спб., 1903.
98. Тальберг Д. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912.
99. Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885.
100. Тарновский Е. Движение преступности в Российской империи за 1889–1908 гг. Спб., 1909.
101. Троцина К. Истории судебных учреждений в России. Спб., 1851.
102. Труды высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части. Т. 1. Спб., 1895.
103. Федоров А. В., Шахматов А. В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб., 2005.
104. Федоров К. Г., Ярмыш А. Н. История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976.
105. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Спб., 1895. Вып. 1–2.
106. Фосдик Р. Б. Организация полиции в Европе. Пг., 1917.
107. Чебышев-Дмитриев А. Курс русского уголовного судопроизводства. Спб., 1866.
108. Чеклогов П. Об органах судебной власти в России от основания государства до вступления на престол Алексея Михайловича. Казань, 1855.

109. Чельцов-Бебутов М. Л. Курс уголовно-процессуального права. Очерки истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.

110. Чернов А. В. История государственных учреждений в XV–XVII вв. М., 1956.

111. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М., 1993.

112. Чичерин Б. Н. Областные учреждения в России XVII в. М., 1856.

113. Шалфеев Н. Об уставной книге Разбойного приказа. СПб., 1868.

114. Шеварнадзе С. З. Мысли старого служаки. Тифлис, 1910.

115. Шелкопляс В. А. Полицейская реформа в России в 60-х годах XIX века. Минск, 1981.

116. Шинджикашвили Д. И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск, 1974.

117. Шинджикашвили Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973.

118. Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895.

119. Шумилов А. Ю. Проблемы законодательного регулирования оперативно-разыскной деятельности в России. М., 1997.

120. Шумилов А. Ю. Развитие правового регулирования оперативно-разыскной деятельности в России (XVIII–XX вв.). М., 1998.

121. Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная энциклопедия. М., 2004.

122. Шумилов А. Ю. Феномен научных школ профессионального сыска. М., 2007.

123. Эверс И. Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835.

124. Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение / под ред. О. И. Чистякова. М., 2002.

*Матиенко Татьяна Львовна,
доктор юридических наук, доцент*

ИСТОРИЯ СЫСКА РОССИИ

Учебное пособие

Редактор *Степанова А. А.*
Корректор *Кухарева Е. А.*
Компьютерная верстка *Кухаревой Е. А.*

Подписано в печать 09.10.2018 г.	Формат 60×84 1/16	Тираж 94 экз.
Заказ № 1767	Цена договорная	Объем 9,72 уч.-изд. л. 10,4 усл. печ. л.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12